

61: 04-7 | 261

МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.П. ОГАРЕВА

На правах рукописи

Стрижова Ирина Борисовна

Русско-японские отношения XVIII – начала XIX вв.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Н.Г. Куканова

Саранск 2003

Содержание

Введение.....	3
1. Роль экспедиций в становлении русско-японских отношений.....	34
1.1. Поиск россиянами северного морского пути в Японию.....	34
1.2. Формирование позиции Японии по отношению к России в XVIII веке.....	61
1.3. Попытки России установить торговые и дипломатические отношения с Японией в конце XVIII – начале XIX века.....	68
2. Проблема Курильских островов в процессе становления русско-японских отношений.....	111
2.1. Курильские острова и вопрос об установлении официальных торговых отношений между Россией и Японией.....	111
2.2. Трудности в процессе зарождения русско-японских отношений в связи с проблемой Курильских островов в 1811 – 1817 гг.....	128
3. Эволюция представлений японцев о России и русских о Японии на стадии складывания русско-японских отношений (XVIII – начале XIX в.).....	152
3.1. Русские о Японии и японцах.....	152
3.2. Японцы о Российской империи и россиянах.....	208
Заключение.....	251
Библиографический список.....	257
Приложение.....	270

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена соседством России и Японии, состоянием современных политических, экономических и культурных отношений между странами, интересом к ним со стороны общественности. В последнее время в печатных и электронных изданиях возобновилась дискуссия по поводу заключения мирного договора между Россией и Японией, неизменно сводящаяся к определению принадлежности части островов Курильской гряды (Итуруп, Кунашир, Шикотан, острова Хабомаи) одному из двух государств. В целом признавая, что современная проблема восходит к договорам и соглашениям, заключенным во время и после Второй мировой войны, некоторые участники дискуссии, особенно с японской стороны, предлагают обратиться и к более ранним периодам русско-японских отношений, в том числе ко времени их зарождения. Это делается для исторического обоснования законности притязаний на часть Курильских островов, хотя само по себе упоминание исторических периодов, когда часть территории какого-либо государства принадлежала другому, не является юридическим основанием для претензий.

В случае с восприятием Россией и Японией друг друга прослеживается идентичность ситуации начала XIX и XXI вв. И тогда и сейчас в обеих странах имеется большое количество сторонников развития экономических и культурных контактов. Однако с начала XIX в. в Японии существует негативно-настороженное отношение к России, трансформирующееся под воздействием исторических реалий. Под влиянием информации, источником которой являлись опасавшиеся конкуренции голландцы, в Стране Восходящего Солнца сложился негативный образ России. Изучение документов XVIII – начала XIX в. показывает, что в этот период одновременно с освоением всех Курильских островов Россия при каждом удобном случае старалась продемонстрировать Японии добрососедские намерения. С пониманием причин появления и условий существования настороженного восприятия России в Японии появляется дополнительная возможность найти способ решения проблем, существующих на современном этапе русско-японских отношений.

Объектом диссертационного исследования являются русско-японские отношения периода их становления.

Предмет исследования – обстоятельства организации российских экспедиций к берегам Японии, их результаты, пребывание на территории России японцев, возникновение стереотипов восприятия народами друг друга.

Хронологические рамки. Работа охватывает период неофициальных отношений между представителями двух стран с начала XVIII в., когда в России появляются первые японцы и указы о начале поисков северного морского пути в Японию, до принятия Кабинетом министров в декабре 1816 г. решения о приостановке попыток завязать официальные торговые и дипломатические отношения с Японией. Для раскрытия сути некоторых событий и представлений, повлиявших на дальнейший процесс развития русско-японских отношений, рассматриваются явления, относящиеся и к более позднему периоду.

Историография. Отправной точкой для начала публикации документов и исследований, посвященных данной теме, послужила организация второго российского посольства в Японию в 1804 – 1805 гг.

Первой попыткой рассмотреть взаимоотношения россиян и японцев является глава «Сношения России с Японцами» в книге Н.П. Колотыгина «О Японии и Японской торговле или новейшее историческо-географическое описание японских островов»¹. В очень сжатой форме в ней изложены основные события периода становления русско-японских отношений: существование в Иркутске школы японского языка, плавания россиян в Японию начиная с 1739 г. и заканчивая освобождением В.М. Головнина из японского плена. Несколько позднее побывавший в 1804 – 1805 гг. в Японии В.Н. Берх описал факты, связанные с посольствами А.К. Лаксмана и Н.П. Резанова, в работе «Сношения русских с Японией или образцы японской дипломатии»². Однако обе эти работы не затрагивали пребывания в России в конце XVII – начале XVIII в. японца Дембеля. Исследователи второй половины XIX в. восполнили этот пробел, рассмотрев его рассказы о Японии и судьбу организованной благодаря его появлению в России школы японского языка³.

Вторая половина XIX – начало XX в. отмечены выходом в свет большого количества работ, что явилось следствием установления официальных русско-японских отношений. Проблематику исследований данного периода составляют пребывание в России первых японцев и организация школы японского языка, два первых посольства в Японию.

Благодаря исследованию А. Полонского «Курилы», опубликованному в 1871 г., впервые в России был поставлен вопрос о взаимосвязи русско-японских отношений и исследований Курильских островов, проводившихся Россией с 1702 г.⁴ По ряду вопросов А. Полонский дал ошибочные оценки, опровергнутые в дальнейшем исследователями. Например, говоря о результатах плавания Шпанберга, он придерживался мнения, что эта экспедиция не имела успеха и «после дорогой Японской экспедиции исследование Курильской гряды оставалось тою же только что начатой задачей»⁵. Полонский забывал, что главная задача этого плавания состояла в открытии пути в Японию, и оценивал итоги исследования 1738 – 1739 гг. в зависимости от итогов деятельности Шпанберга на Курильских островах. Тем не менее А. Полонский впервые в отечественной историографии показал взаимосвязь между процессами освоения Курильских островов и становления русско-японских отношений.

Продолжалось в этот период и изучение первых посольств в Японию. Данной теме посвящена работа К. Военского «Русское посольство в Японию в начале XIX в.»⁶. Главное внимание он уделил посольству 1804 – 1805 гг., но при этом рассмотрел и миссию, возглавляемую А.К. Лаксманом в 1792 – 1793 гг., по результатам которой было организовано посольство Н.П. Резанова.

Вопросы, связанные с посольством А.К. Лаксмана, рассматриваются в работе, посвященной его инициатору и одному из главных организаторов – Э.Г. Лаксману⁷. Здесь присутствует сравнительная оценка первых посольств, согласно которой посольство А.К. Лаксмана было обдуманным и непрятязательным, а посольство Н.П. Резанова – бездумным и хвастливым, чем и объяснялась во многом потеря Россией в 1804 – 1805 гг. разрешения на допуск судна в Нагасаки, полученное в 1792 – 1793 гг.⁸

Тема первых посольств затронута в работе А. Сгибнева «Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий»⁹. Наряду с исследованием С.И. Новаковского, опубликованным несколько позднее, здесь рассматривались все шаги, предпринимаемые Россией для установления отношений с Японией, начиная с появления в начале XVIII в. в Москве японца Дембяя. Однако вышедшая в 1918 г. в Токио работа С.И. Новаковского «Россия и Япония»¹⁰, несомненно, более обширна, чем исследование А. Сгибнева, прежде всего за счет того, что Новаковский стал первым отечественным исследователем, использовавшим японские источники. Благодаря привлечению японских архивов работа С.И. Новаковского не утратила своей ценности до сих пор.

Попытка рассмотреть весь процесс становления русско-японских отношений была повторена в 20 – 40-х гг. XX в., когда был опубликован ряд работ, охвативших достаточно большой период, начиная с появления в России первых японцев. Новым в изучении русско-японских отношений стало появление работ, полностью или частично посвященных Первой и Второй камчатским экспедициям и их роли в процессе зарождения взаимоотношений между двумя странами.

Наиболее значимым стало исследование Л.С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга»¹¹. Рассмотрев историю изучения и освоения Камчатки, Л.С. Берг в своей работе впервые затронул задачи и итоги двух экспедиций, работавших на тихоокеанском севере в первой половине XVIII в. Отдельная глава отведена им знакомству России с Японией. Вышедшее в свет в 1924 г. это исследование было столь значительным для своего времени, что трижды переиздавалось. Вопросы, связанные с первыми контактами русских и японцев, нашли отражение и в других работах того же автора, связавшего историю становления русско-японских отношений с географическими открытиями русских¹².

Одновременно с работами Л.С. Берга появилось исследование Н.М. Дружинина «Русские мореплаватели в старой Японии», посвященное пребыванию в японском плену В.М. Головнина¹³. При этом автор уделил внимание экспеди-

ции Хвостова и Давыдова, которая стала одной из причин пленения семи россиян в 1811 г. Базировавшаяся на опубликованных записках В.М. Головнина и П.И. Рикорда, работа Дружинина положила начало исследованию ранее малоизученного вопроса. Появлялись и работы рассматривавшие отдельные эпизоды периода становления русско-японских отношений¹⁴.

В 20 – 40-х гг. XX в появляется первая работа Э.Я. Файнберг, посвященная русско-японским отношениям в XVII – XIX вв. Самостоятельным предметом ее исследования стало посольство в Японию в 1792 – 1793 гг., возглавляемое А.К. Лаксманом. Впервые в отечественной историографии рассматривались задачи и результаты этого посольства.¹⁵

В 50 – 60-е гг. XX в. Э.Я. Файнберг опубликовала две статьи так или иначе рассматривавшие организацию первых русских посольств в Японию: «К истории установления официальных отношений между Россией и Японией» и «Японцы в России в период самоизоляции Японии»¹⁶. Основной работой Э.Я. Файнберг, не потерявшей своей ценности доныне, является монография «Русско-японские отношения в 1697 – 1875 гг.», ставшая логическим итогом ее исследований в этом направлении¹⁷. Впервые после 1918 г. русско-японские отношения представили в качестве целостного и непрерывного процесса, а не набора отдельных фактов и событий. Автором введено в научный оборот значительное число новых документов из российских и японских архивов, привлечены исследования на английском и японском языках. Значительная часть данной монографии посвящена более чем стопятидесятилетнему периоду официальных и неофициальных связей между Россией и Японией, отмеченному постоянными попытками нашего государства наладить нормальные дипломатические и торговые контакты с сёгунским правительством. Э.Я. Файнберг подробно рассмотрела политические и экономические предпосылки посольства А.К. Лаксмана (1792 – 1793 гг.), уделив несколько меньше внимания посольству Н.П. Резанова (1804 – 1805 гг.). Длительный период эта монография оставалась единственной, вышедшей в советское время.

На этот же период приходится плодотворная работа филолога и историка

В.М. Константина, выполнившего перевод на русский язык двух японских источников конца XVIII в.: «Оросиякоку суймудан» и «Хокуса монряку». В.М. Константинов опубликовал не только японские тексты на русском языке, сопроводив их комментариями, но и ряд исследований, посвященных посольству А.К. Лаксмана, пребыванию в России группы японцев во главе с Дайкокуя Кодаю и возвращению некоторых из них на родину, а также этим японским источникам¹⁸. Кроме того, В.М. Константинов первым из отечественных исследователей поднял проблему восприятия России японцами в период самоизоляции Японии¹⁹. В это же время другой ученый, В.Н. Горегляд, исследовал японскую рукопись начала XIX в. «Канкай ибун»²⁰. Данные переводы и публикации в отечественных журналах статей японских авторов способствовали появлению работ, посвященных проблеме восприятия России японцами в конце XVIII – начале XIX в., что стало новым явлением в изучении русско-японских отношений.

Одновременно с публикацией результатов исследования японских рукописей в 50 – 60-е гг. XX в. вновь после длительного перерыва (со второй половины XIX в.) в отечественной историографии поднимается проблема обучения россиян японскому языку, создания и функционирования в России школы японского языка в первой половине XVIII в.²¹

Уделяется внимание русско-японским отношениям и в работах более общего характера, не посвященных специально данной теме. К.М. Попов достаточно обстоятельно рассмотрел русско-японские отношения в соответствующей главе работы «Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли»²². Вопросы организации и результатов русских географических экспедиций первой половины XVIII в. к берегам Японии получили освещение в исследованиях О.А. Евтеева и В.И. Грекова²³.

Следует отметить, что в 50 – 60-е гг. XX в. был подведен некоторый итог работы отечественных ученых, занимающихся вопросами русско-японских отношений. Л.С. Тихвинский подсчитал, что за период с 1917 по 1958 г. в нашей стране по данной тематике было опубликовано лишь 25 статей и совсем небольшое количество монографий²⁴.

Начатая В.М. Константиновым в 50 – 60-е гг. XX в. работа по переводу на русский язык и публикации японских источников была продолжена и в 70 – начале 80-х гг. Но перед этим в течение нескольких лет наблюдалось относительное «затишье» в изучении русско-японских отношений конца XVII – начала XIX в. Подъем был связан с появлением ряда исследователей, попытавшихся поставить новые проблемы – изучение Японии и японского языка в России, освоение Курильских островов, вовлечь в научный оборот новые источники.

Большое количество работ этого периода было посвящено изучению России в Японии и Японии в России в XVIII – начале XIX в. О.П. Петрова продолжила изучение пребывания японцев в России в первой половине XVIII в., посвятив свою статью сведениям о Японии, полученным в это время²⁵. Функционированию в Иркутске школы японского языка уделил внимание А.Н. Копылов в работе «Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века»²⁶. Изучению японского языка были посвящены две статьи А.М. Куликовой²⁷. Публикации, основанной на рассказах японцев, посвящена статья Т.П. Шафрановской «Япония в середине XVIII века. По сообщению И.И. Георги»²⁸. К.Е. Черевко уделил особое внимание наиболее ранним сведениям о Японии, появившимся в России, и опубликовал ряд статей: «Игнатий Козыревский – автор "Описания Апонского государства"», «Как в Россию проникали первые сведения о Японии», «Курильские острова в русской и зарубежной картографии», а также работу, посвященную истории освоения Сахалина²⁹.

Развитию знаний о России в Японии в данный период были посвящены, в основном, переводы на русский язык работ японских исследователей³⁰, в том числе документальный роман Ясуси Иноуэ «Сны о России», а также статья М.И. Крутянко «Изучение России в Японии», в которой рассматривалось развитие знаний о России в Японии не только в XVIII – XIX вв., но и в позднейшие периоды истории³¹.

По-прежнему в конце 60 – начале 80-х гг. выходят в свет работы, в которых становление русско-японских отношений рассматривается как часть процесса освоения Дальнего Востока и севера Тихого океана. Среди них исследо-

вания А.В. Ефимова, В.А. Дивина, Р.В. Макаровой, Б.П. Полевого³². Сюда же можно отнести совместную работу Н.М. Раскина и И.И. Шафрановского, посвященную Э.Г. Лаксману и основанную на более современных данных, чем опубликованное на сто лет ранее исследование В. Лагуса³³.

Период середины 80 – начала 90–х гг. XX в. начинается в отечественной историографии с публикации материалов по итогам VI симпозиума русских и японских ученых, посвященного русско-японским отношениям³⁴, а также с осмыслиения японской историографии, посвященной России³⁵. Проблемы отношения Японии с Россией отчасти затрагиваются в работе А.С. Селищева «Японская экспансия: люди и идеи», где рассматриваются различные течения экспансионистской идеологии Японии³⁶. Не осталась без внимания проблема изучения Японии в России. А.М. Куликовой была предпринята попытка классификации данных о Японии, полученных в России в период с XVII по начало XIX в. согласно их происхождению³⁷.

В данный период была предпринята попытка проанализировать представления русских о Японии конца XVIII в. на основании путевого журнала А.К. Лаксмана³⁸. И если в отношении взглядов японцев на Россию в период становления русско-японских отношений подобные исследования предпринимались неоднократно, то в отношении воззрений русских в данный период это первый случай.

В конце 1980 – начале 1990–х гг. вносятся корректизы в устоявшиеся в научных кругах представления о том, кто являлся первым попавшим в Россию японцем. На основании свидетельств европейцев В.В. Ремарчук доказал, что первым японцем, побывавшим в нашей стране, был не Дембей, а приехавший в начале XVII в. с персидским посольством шаха Аббаса II в Москву крещеный японец, известный под именем Николая Августинца³⁹.

Под влиянием начавшихся в этот период изменений в методологии исторической науки В.П. Топоров предпринял попытку рассмотреть взаимоотношения России и Японии с точки зрения цивилизационного подхода как столкновение и взаимопроникновение двух различных цивилизаций⁴⁰. Это одна из не-

многих работ, рассматривающих русско-японские отношения именно с такой точки зрения.

С учетом введения в научный оборот новых источников и расширения проблематики Л.Н. Кутаковым была написана работа, посвященная русско-японским отношениям⁴¹. В отличие от монографии Э.Я. Файнберг, изданной в 1960 г., здесь были расширены хронологические рамки исследования (взаимоотношения между странами с момента их зарождения до нормализации советско-японских отношений в 1925 г.). Уделив много внимания периоду XVIII – начала XIX в., Кутаков выявил зависимость развития русско-японских отношений от внутриполитической ситуации в России и Японии, социально-экономического положения в этих странах. Подробно автором были рассмотрены экспедиции И. Козыревского, Д. Шабалина и др., целью которых являлось не только установление торговых отношений с Японией, но и изучение и освоение Курильских островов. На основании российских и японских источников Кутаков обосновал приоритет России в этой области. Основанное на большом количестве архивных материалов и достижениях отечественных, западноевропейских, американских и японских ученых, это исследование явилось новым шагом в изучении становления русско-японских отношений.

В начале 1990-х гг. в связи с распадом СССР появилось заявление посольства Японии в Москве «Северные территории Японии», в котором обосновывались претензии на южные Курильские острова⁴². В документе говорилось о якобы «исконных правах» Японии на данные территории, о том, что уже в XVII в. в Японии знали о Курильских островах и управляли ими. В этом же году была опубликована статья Б.П. Полевого, опровергавшего заявление японской стороны со ссылкой на японские источники⁴³. Появление этих публикаций определило основную проблематику исследований современного периода изучения русско-японских отношений, когда большинство отечественных ученых отстаивает приоритет России в деле освоения и картографирования Курильских островов и одновременно освещает взаимоотношения россиян и японцев на этих территориях в XVIII – начале XIX в. Наиболее показательными

стали исследование А.Ю. Плотникова, посвященное посольству Н.П. Резанова и экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова⁴⁴ и коллективный труд «Курилы: острова в океане проблем», где рассматриваются территориальные споры между Россией и Японией на всех этапах их существования и приводятся все существующие точки зрения по данному вопросу. Также этой теме посвящены работы В.В. Кожевникова, Б.П. Полевого и К.Е. Черевко⁴⁵.

В это время опубликованы немногочисленные работы исследователей, занимающихся историей японоведения в XVIII – начале XIX в.⁴⁶, а также статьи, посвященные изучению японских источников⁴⁷. Из японских работ по проблемам восприятия России в Японии было вторично опубликовано сообщение Вада Харуки, сделанное им на VI симпозиуме русских и японских ученых. Причем публикация была более приближена к тексту японского оригинала⁴⁸.

В 1997 г. во Владивостоке вышло в свет «Пособие для студентов и интересующихся лиц» В.В. Кожевникова «Российско-японские отношения в XVIII – XIX вв.», в котором в сжатой форме излагалась история русско-японских отношений указанного периода⁴⁹. Гораздо более объемным явилось исследование К.Е. Черевко «Зарождение русско-японских отношений. XVII – XIX века»⁵⁰, ставшее последней (по времени выхода в свет) монографией, посвященной данной теме. Эта работа, прежде всего, расширила хронологические рамки знакомства России с Японией. Так, автор утверждает, что первые сведения о Японии проникли на территорию нашего государства в VII в. благодаря контактам с арабами. Впервые в отечественной литературе здесь была рассмотрена деятельность японцев, побывавших в России и первых японских переводчиков русского языка в начале XIX в. Несмотря на некоторые неточности, допущенные автором, в целом в этой монографии учтены итоги исследований, проделанных самим К.Е. Черевко и другими учеными, работающими в данном направлении.

Русско-японские отношения XVIII – начала XIX в. нашли отражение в работах общего характера, посвященных истории как русского мореплавания, так и истории внешней политики России в данный период. В основном в них описывались посольства А.К. Лаксмана и Н.П. Резанова⁵¹. Но по сравнению с

уже упомянутыми публикациями, они не несли в себе ничего нового.

Историография русско-японских отношений XVIII – начала XIX в. была бы неполной без краткого обзора наиболее значимых исследований зарубежных историков. В отличие от большинства отечественных ученых, которые занимаются преимущественно отдельными проблемами русско-японских отношений, зарубежные коллеги предпочитают рассматривать процесс их становления в целом. Например, работы Дж. Ленсена⁵² и японского историка Синтаро Накамура⁵³. Хотя и среди них есть авторы, которых интересуют отдельные вопросы взаимоотношений японцев и россиян. Например, Д. Кин рассматривал визит Беневского в Японию и возвращение на родину Дайкокуя Кодаю как часть процесса знакомства японцев с Европой в XVIII – начале XIX в.⁵⁴ Историка XIX в. В. Астона интересовали события, связанные с экспедицией Хвостова и Давыдова⁵⁵. Английский историк Дж. Стефен проследил взаимоотношения России и Японии на Курильских островах в их развитии от зарождения противостояния в этом регионе до 70-х гг. XX в.⁵⁶ Этому вопросу посвящена вышедшая в 1996 г. на русском языке работа японского исследователя Хиродзи Кимура⁵⁷. Другой японский исследователь Сиба Рётаро, рассматривая русско-японские отношения, уделил внимание тому, каким образом происходило знакомство России и Японии, какие методы при этом использовались и какой предстает Россия с ее историей в глазах современных японцев⁵⁸.

Историографический обзор позволяет сделать вывод о недостаточной изученности целостного процесса становления взаимоотношений двух стран. Слабо изученной остается проблема восприятия Японии в России, особенно источники его формирования. До сих пор мало исследована возникшая в начале XIX в. проблема Курильских островов, в частности события 1811 – 1813 гг. Ученые склонны повторять за В.М. Головниным и П.И. Рикордом их записках мнения и суждения, не вникая глубоко в причины, приведшие к плениению русских моряков. В данном исследовании предпринята попытка восполнить эти пробелы в изучении генезиса русско-японских отношений.

Источниковая база исследования представляет собой комплекс документов, характеризующих сложный процесс взаимоотношений России и Японии и их подданных. Она включает в себя материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), а также публикации документов, вышедшие в России и за ее пределами.

Классификация источников представляется достаточно сложной в связи с тем, что один и тот же документ может одновременно содержать сведения по нескольким направлениям исследования. Однако условно можно выделить следующие основные группы источников.

1. Законодательные акты, переписка внутри ведомств (Сенат, Адмиралтейств-коллегия, Академия наук и др.).
2. Материалы, касающиеся плаваний россиян на Курильские острова и к берегам Японии. Здесь можно выделить специальные подгруппы:
 - посольства в Японию;
 - плавания, приведшие к возникновению проблем в отношениях между странами (М.А. Беневского, Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова, В.М. Головнина).
3. Известия о пребывании японцев в России («скаски», доношения, ведомственная переписка, документы, составленные самим японцами).
4. Известия о Японии различного происхождения: переводы западноевропейских работ, свидетельства полученные от китайцев, японцев, русских землепроходцев, посетивших Камчатку и Курильские острова и слышавших о Японии или общавшихся с японцами.
5. Воспоминания, дневники, письма, бумаги русских путешественников, моряков, торговцев, побывавших в Японии.
6. «Пособия» по изучению японского языка, составленные японцами и россиянами.

7. Карты, атласы, альбомы иллюстраций к атласам и описаниям путешествий.
8. Японские источники (в основном – переведенные с голландского и составленные самими японцами описания России).

Политика правительства России в отношении Японии отражена в источниках, выделенных в первую группу. Здесь присутствуют как архивные материалы, так и опубликованные в различных сборниках документы. Из архивных фондов в этом отношении выделяются фонды РГАДА «Кабинет Петра I и его продолжение», «Сибирский приказ», «Сенат и его учреждения»⁵⁹, РГИА «Кабинет Е.И.В.», «Комитет министров», «Именные указы и повеления Сенату», «Канцелярия генерал-прокурора»⁶⁰ и АВПРИ «Внутренние коллежские дела»⁶¹. Содержащиеся в этих фондах документы показывают наличие устойчивого интереса к Японии и проблемам взаимоотношений между двумя странами, являются хорошим дополнением к опубликованным в различное время основным законодательным актам и внутриведомственной переписке. Среди публикаций документов особо выделяется многотомное «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года»⁶², представляющее исключительную ценность для изучающих историю освоения Курильских островов и Сахалина, отношения между Россией и Японией в XVII – XVIII вв.

Некоторые документы и распоряжения относительно освоения Курильских островов и попыток отыскать путь через них в Японию в 1-й четверти XVIII в. представлены в сборнике документов, составленном в XIX в. – «Памятники Сибирской истории XVIII века»⁶³. Особую ценность этому собранию придает наличие здесь отчетов сибирских властей.

Документы Министерства иностранных дел России начиная с XIX в. опубликованы в сборнике «Внешняя политика России, XIX – начало XX века»⁶⁴ и позволяют ознакомиться с организацией посольства в Японию, отправленного в 1803 г. от имени Александра I.

К этой же группе можно отнести переписку относительно открытия Российско-американской компании и ее образования⁶⁵ и «Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией»⁶⁶, из-

данный российским и японским министерствами иностранных дел, в котором нашли отражение современные позиции японской и российской сторон, в том числе по вопросам приоритета в изучении и освоении Курильских островов.

Неразрывно с вопросами, затрагиваемыми в «Совместном сборнике документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией», связаны экспедиции россиян к берегам Японии. Это, пожалуй, наиболее обширная группа источников, в которой можно выделить в отдельные подгруппы материалы по организации и результатам первых посольств в Японию, и источники, описывающие плавания, приведшие к ухудшению отношений между странами.

Из русских экспедиций, для которых достижение берегов Японии не являлось единственной задачей, наибольшим количеством документов освещаются две Камчатские экспедиции, возглавляемые В.И. Берингом. Предыдущие экспедиции, способствовавшие продвижению России к Японии, отражены в материалах фондов РГАДА⁶⁷ и опубликованных в сборниках документов⁶⁸.

Основная часть источников базы, позволяющей детально изучить Первую и Вторую камчатские экспедиции, находится в РГАВМФ⁶⁹, а некоторые отдельные документы – в РГАДА⁷⁰. При этом, что существенно облегчает работу исследователя, наиболее значительные документы были опубликованы в сборнике «Экспедиция Беринга», выход которого в свет в 1941 г. был приурочен к 200–летию со дня смерти В.И. Беринга⁷¹. Все более поздние публикации документов расширяли количество вводимых в научный оборот источников, хранящихся в отечественных архивах. Так, много места отведено Камчатским экспедициям в сборнике документов «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века»⁷². Некоторые материалы содержатся в другом сборнике документов – «Русская тихоокеанская эпоха». Документы, касающиеся сделанных во время Второй камчатской экспедиции открытий, содержатся и в сборнике «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке»⁷³. Несмотря на обилие публикаций не все архивные материалы доступны широкому кругу исследователей. Часть их имеет

непосредственное отношение к теме становления русско-японских отношений, как, например, документы, рассказывающие об участии в плавании М.П. Шпанберга крещеного японца Якова Максимова⁷⁴.

Экспедиции на Курильские острова во второй половине XVIII в., организованные по большей части русскими купцами и промышленниками, отражены в документах, хранящихся в фондах РГАДА и РГИА⁷⁵, а также в сборниках «Русская тихоокеанская эпопея» и «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века»⁷⁶. Особое место здесь занимают документы, рассказывающие о первых контактах японцев и русских купцов на южных Курильских островах, в которых принимали участие ученики иркутской школы японского языка (плавание Антипина и Шабалина на Курильские острова в 1778 – 1779 гг.). Отражаются в этих сборниках и некоторые моменты, связанные с первым посольством в Японию во главе с А.К. Лаксманом в 1792 – 1793 гг. (его организация и переписка Э.Г. Лаксмана по итогам посольства).

Первая публикация документов о посольстве А.К. Лаксмана была приурочена ко второму посольству в Японию. Это выпущенное под именем К. Болховитинова в 1805 г. «Известие о первом российском посольстве в Японию»⁷⁷ – сокращенное издание журнала А.К. Лаксмана. Полностью журнал впервые был опубликован в 1961 г. А.А. Преображенским согласно тексту списка, хранящегося в Государственном архиве Красноярского края⁷⁸. Во второй раз журнал поручика А.К. Лаксмана был опубликован в качестве приложения к запискам В.М. Головнина в 1972 г.⁷⁹ На этот раз публикация основывалась на списке, хранящемся в РГАДА⁸⁰. Еще один список с журнала находится в РГИА⁸¹. Таким образом, в настоящее время известны три списка с документами, являющегося основным источником для изучения первого русского посольства в Японию. При написании данной диссертации использовались тексты списков, находящегося в РГАДА и опубликованного в 1961 г. Некоторые документы, касающиеся данного посольства, находятся в АВПРИ⁸² и в РГИА, в частности «Реестр раковинам и другим произведениям как царства животных так и прозя-

баемых в Японии находящимся собранных в путешествия Порутчиком Лаксманом 1794 г. с названиями их на японском языке»⁸³.

Поскольку второе посольство во главе с Н.П. Резановым, в отличие от посольства в Японию 1792 – 1793 гг., организовывалось центральными органами власти России и направлялось от имени российского императора, связанных с ним документов гораздо больше, чем освещавших посольство А.К. Лаксмана. Часть их опубликована в сборнике документов «Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1799 – 1815»⁸⁴, а также в сборнике, подготовленном Министерством иностранных дел, «Внешняя политика России, XIX – начало XX века».

Большая коллекция документов, связанных с подготовкой посольства 1804 – 1805 гг., первой русской кругосветной экспедиции и деятельностью Н.П. Резанова хранится в АВПРИ в фонде «Санкт-Петербургский главный архив»⁸⁵. Некоторые документы или их копии находятся в РГАВМФ⁸⁶. В ОР РНБ хранится одна из копий письма Резанова Александру I из Нагасаки, отправленная одновременно с оригиналом в октябре 1804 г. через голландцев⁸⁷ и одна из копий донесения посла императору из Петропавловской гавани⁸⁸. Список с этого же донесения находится в РГИА⁸⁹, как и донесения начальника Камчатки П.И. Кошелева о пребывании «Надежды» в Петропавловской гавани в 1804 и 1805 гг.⁹⁰ Кроме того, сведения о деятельности второго русского посольства в Японию можно почерпнуть из записок, оставленных участниками плавания – И.Ф. Крузенштерном, Ф. Шемелиным, Н.П. Резановым.

Материалы по плаваниям в Японию и на Курильские острова, в результате которых ухудшились отношения между двумя странами, отражены в фондах АВПРИ, РГАВМФ, РГАДА, РГИА, ОР РНБ, а также в публикациях в сборниках документов и записках некоторых их участников. Фонды РГАДА, и публикация в «Северном архиве» освещают плавание М.А. Беневского в 1771 – 1772 гг. который раз останавливался у берегов Японии⁹¹. Экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова отражены в документах, хранящихся в фондах АВПРИ⁹² и ряде других архивов⁹³. Копии переводов текстов документов, переданных японцами в Россию с ос-

вобожденными из плена В.М. Головниным и его спутниками в 1813 г., находятся в РГИА⁹⁴. План освобождения этих россиян из японского плена есть в фондах АВПРИ⁹⁵. Кроме того, имеются опубликованные и неопубликованные записки, оставленные всеми грамотными участниками событий 1811 – 1813 гг.

Наибольшее количество документов, освещающих пребывание в России японцев в XVII – XIX вв., находится в АВПРИ. Хранящиеся здесь материалы посвящены подданным Японии, попавшим в Российскую империю начиная с 1745 г.⁹⁶ Поскольку в Министерство иностранных дел поступала информация о кораблекрушениях иностранных судов у берегов России, то здесь есть данные о спасении и возвращении на родину японцев в 1811 и 1815 гг.⁹⁷ Но, пожалуй, наибольшее количество документов посвящено японцам, входившим в группу во главе с Цудаю, часть которых была возвращена в Японию посольством Н.П. Резанова (об их спасении на Алеутских островах, пребывании в Санкт-Петербурге)⁹⁸. Такие документы имеются и в РГИА: рапорт, направленный в 1796 г. на имя Екатерины II Иркутским и Колыванским генерал-губернатором Селифонтовым, в котором он уведомлял императрицу о просьбе со стороны Шелихова разрешить организовать для отправки японцев экспедицию; высочайшие указы 1803 г. о снабжении этой группы японцев деньгами, одеждой и подарками⁹⁹. В РГИА также есть сведения о более поздних группах японцев¹⁰⁰.

Хранящиеся в РГАДА документы содержат сведения о пребывании японцев в России в более раннее время – XVII – первой половине XVIII в. Прежде всего, это свидетельства о Дембее, долгое время считавшемся первым побывавшим в России японцем – показания В. Атласова, запись рассказов Дембя, распоряжения Петра I¹⁰¹. О следующей группе японцев, попавших в Россию в 1711 г., в этом архиве имеются свидетельства, оставленные И.П. Козыревским, запись рассказов Ивана Яковleva и распоряжения относительно Якова Максимова¹⁰². О двух найденных на Камчатке в 1727 г. японцах повествует обширное количество документов, находящихся в фонде «Портфели Миллера»¹⁰³, а также в фонде «Сенат и его учреждения». Здесь есть и внесенные В.М. Головкиным предложения об использовании Содзы и Гонзы в качестве учителей японского

языка и члены японцев и их учеников об увеличении им жалования¹⁰⁴. Также фонды РГАДА дополняют информацию, содержащуюся в АВПРИ относительно первых лет пребывания в России японцев, спасшихся на Курильских островах в 1745 г.¹⁰⁵ В РГАВМФ находится переписка относительно отправки в Санкт-Петербург нескольких человек из числа этой группы¹⁰⁶.

Среди опубликованных источников есть такие, которые содержат информацию о попавших в Россию японцах. Во-первых, вышедшее в XVIII в. «Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова, неоднократно переиздававшееся, благодаря которому читающая публика смогла познакомиться с судьбой Содзы и Гонзы¹⁰⁷. Во-вторых, «Материалы для истории Академии Наук»¹⁰⁸, содержащие распоряжения относительно этих же японцев, вплоть до сметы средств, затраченных на погребение каждого из них.

Следующая условно выделяемая группа источников – известия о Японии различного происхождения, которую можно разбить на подгруппы согласно источнику информации. Переводами западноевропейских работ на русский язык являются «Атлас» Г. Меркатора, ставший доступным русскому читателю в 1637 г., «Космография», рукопись которой была закончена в 1670 г.¹⁰⁹ Текст «Космографии» основывался на переводе «Атласа» Меркатора, источниках русского, польского и литовского происхождения. Что же касается семидесятой главы «Космографии», посвященной Японии, то ее авторами были португальцы, побывавшие в Японии и описавшие то, что им было достаточно хорошо знакомо. Некоторые детали этого описания Японии восходят к еще более раннему источнику – сочинению Марко Поло.

В 1734 г. в России появилось еще одно известие о Японии, также являвшееся переводом на русский язык сочинений европейцев – «Описание Японии, содержащее в себе три части»: «Известие о Японии и о вине гонения на христиан», «История о гонении на христиан, бывшем в Японии» и «Последование странствования Генрика Гагенара в Восточную Индию, сочиненное через Франциска Карона»¹¹⁰. Кроме того, во второй половине XVIII в. переводились французские и немецкие географические справочники, в которых содержалась информация и о Японии.

Информация, полученная от китайцев содержалась, в отчетах побывавших в Китае представителей России (Н. Спафарий, Н. Христизия), а также в переводах китайских работ, например, выполненном в 1744 году из китайской генеральной географии «И-тун-джи»¹¹¹.

Рассказы японцев, попавших в Россию в результате кораблекрушений, стали интересными и ценными свидетельствами о Японии. Однако примечателен тот факт, что основная часть этих свидетельств приходится на первую половину XVIII в.¹¹² О том, что побывавшие в России в более позднее время группы японцев рассказывали о родине, говорит наличие ссылок на них, сделанных, например, Э.Г. Лаксманом в своих письмах, а также составленное на их основании сообщение о Японии И.И. Георги. Пока записи рассказов этих японцев не обнаружены, несмотря на то, что группы в 1787, и 1795 гг. побывали в Санкт-Петербурге, а их представители удостаивались аудиенции у российских монархов, членов из фамилии и представителей высшей знати.

Еще одним источником информации о Японии являются свидетельства русских землепроходцев конца XVII – начала XVIII в., посетивших Камчатку и Курильские острова, слышавших о Японии или общавшихся с японцами. Это часть сказки В. Атласова, а также «Описание Апонского государства» И.П. Козыревского. Кроме того, при подготовке экспедиции А.Ф. Шестакова была собрана некоторая информация о Японии, автором которой можно считать И.П. Козыревского, писавшего В.Й. Берингу об этой стране и вполне возможно стремившегося попасть в одну из экспедиций, чтобы участвовать в поисках Японии¹¹³.

К этой же группе источников примыкает следующая выделяемая нами группа – воспоминания, дневники, письма, бумаги русских путешественников, моряков и торговцев, побывавших в Японии, поскольку их авторы неизменно уделяли внимание этой стране и проблемам зарождающихся русско-японских отношений. М.П. Шпанберг и В. Вальтон, первыми из россиян достигшие берегов Японии, представили по результатам своих плаваний судовые журналы и рапорты вышестоящему начальству. Однако эти документы не принадлежат в полной мере

к данной группе источников и, скорее, относятся к материалам, касающимся плаваний россиян на Курильские острова и к берегам Японии. Гораздо более однозначной является принадлежность к группе дневников и воспоминаний «Записок Канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беньовским», текст которых на основании подлинника был опубликован в 1822 г. в журнале «Северный архив», а копия находится в фонде «Портфели Миллера» РГАДА¹¹⁴.

По итогам первого русского посольства существует лишь один документ, который можно отнести к группе дневников – журнал поручика Адама Лаксмана, одно время считавшийся утерянным и известный в настоящее время благодаря большому количеству списков с текста оригинала, хранящихся в различных архивах Российской Федерации. Он публиковался в 1805 г. с купюрами, а в XX в. – дважды, без сокращений.

Гораздо большее количество дневников и воспоминаний написано в результате второго посольства в Японию в 1804 – 1805 г. во главе с Н.П. Резановым. Из их числа исключительно пребыванию россиян в Нагасаки и впечатлениям, возникшим в его результате, посвящен лишь «Журнал путешествия Двора Его Императорского величества Действительного камергера Резанова из Камчатки в Японию и обратно в 1804 1805 годах»¹¹⁵. Остальные дневники и воспоминания участников этого посольства описывают пребывание русских в Японии как часть первой кругосветной экспедиции, организованной в России в начале XIX в. Здесь следует указать на воспоминания И.Ф. Крузенштерна, капитан-лейтенанта М.И. Ратманова, комиссionера российско-американской кампании Ф. Шемелина¹¹⁶.

В воспоминаниях И.Ф. Крузенштерна можно найти данные не только о взаимоотношениях поданных России и Японии, но и об освоении Курильских островов и Сахалина. Более содержательными являются записки Г.И. Давыдова, А. Хлебникова, В.М. Головнина, П.И Рикорда¹¹⁷. Часть этих воспоминаний многократно переиздавалась и широко известна не только в России, но и за ее пределами, часть – до сих пор хранится в ОР РНБ и либо была опубликована частично, либо не была опубликована вовсе.

Кроме оставленных россиянами дневников и бумаг существуют воспоминания служившего при дворе Петра I англичанина Дж. Перри, который свидетельствовал, что первый российский император проявлял интерес к установлению отношений с Японией¹¹⁸.

Таким образом, круг мемуарной литературы, помогающей в изучении русско-японских отношений XVIII – начала XIX в., достаточно широк. Она наряду с законодательными актами и материалами, касающимися плаваний россиян на Курильские острова и к берегам Японии, она является *базовым источником исследования*.

«Пособия» по изучению японского языка, составленные русскими и японцами в XVIII – начале XIX в., позволяют лучше понять то, насколько сильно русское правительство было заинтересовано в налаживании отношений с Японией. Владение языком соседнего государства должно было способствовать установлению взаимопонимания между правительствами двух стран и их народами. В этом отношении показательно существование достаточно большого количества «пособий» по изучению японского языка и переписки по поводу публикации японской азбуки в начале XIX в. Самое раннее из известных руководств относится к 30-м гг. XVIII в., а самым поздним является «Japanishes Alphabit, Firokana genanut, litographert in St. Petersburg 1821» («Японский алфавит, называемый фирокана (хирагана), отпечатанный в Санкт-Петербурге в 1821 г.»)¹¹⁹.

Насколько существенный вклад внесли русские землепроходцы и исследователи в изучение Курильских островов, Сахалина и берегов Японии в XVIII – начале XIX в., видно не только из непременных отчетов о результатах экспедиций, но и из составленных планов и карт. Сравнение русских и западноевропейских карт, составленных в одно и то же время, помогает увидеть, как сильно продвинулось изучение тихоокеанского севера и берегов Японии в России к 20-м гг. XIX в. по сравнению с европейскими знаниями об этом регионе. Наиболее богатый материал содержится в РГАВМФ в фонде «Атласы, карты и планы Центрального картографического производства военно-морского флота», включающем в себя не только произведения российских картографов, но и ев-

ропейских¹²⁰. Кроме того, были изданы специальные сборники карт, посвященные открытиям русских и европейских землепроходцев, в том числе в рассматриваемом регионе¹²¹.

Не менее интересны японские источники, число которых по данному периоду невелико, что объясняется изоляцией Японии от внешнего мира и строгим контролем со стороны сёгуната за изучением зарубежных стран. В начале XX в. Дм. Позднеев собрал в Японии и перевел на русский язык основные японские источники, посвященные русско-японским отношениям XVIII – начала XIX в. и истории северной Японии¹²². «Материалы по истории Северной Японии и Ея отношений к материку Азии и России» до сих пор остаются ценным источником, так как содержат отчеты различных административных органов, письма и отчеты чиновников княжества Мацумаэ, работы японских «исследователей севера» Могами Токунай, Мамия Риндзо и др. Однако при этом в сборник не вошли и даже не упомянуты некоторые рукописи, созданные в Японии на основании рассказов побывавших в России и вернувшихся на родину японцев. Рукописи «Оросиякоку суймудан» («Сны о России») и «Хокуса монряку» («Краткие вести о скитаниях в северных водах») стали известны благодаря работе В.М. Константинова, не только переведшим их текст не русский язык, но и составившим к японским текстам обширные комментарии¹²³. Еще одна рукопись – «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих морях») – опубликована в нашей стране частично¹²⁴. Три японские рукописи помогают не только познакомиться с представлениями о России, которые существовали в Японии в конце XVIII – начале XIX в., но и несколько расширить знания о событиях, связанных с пребыванием в нашей стране двух групп японцев (1787 – 1792 и 1794 – 1803 гг.).

Анализ источников и литературы позволяет выделить *основную цель исследования*: изучение генезиса российской политики в отношении Японии и определение факторов, оказавших влияние на ее эволюцию.

Для достижения этой цели были сформулированы следующие *задачи*:

- проанализировать русско-японские отношения на этапе их зарождения;

- объяснить необходимость организации и характер российских экспедиций к берегам Японии;
- выяснить реальные обстоятельства неудачи российских посольств 1792 – 1793 и 1804 – 1805 гг. с учетом внутриполитической ситуации в Японии и России;
- выявить причины возникновения проблемы Курильских островов в начале XIX в.;
- определить роль и степень участия российского государства и частных лиц в событиях XVIII – начала XIX в.;
- проследить эволюцию взаимного восприятия русских и японцев в XVIII – начале XIX в.;
- исследовать истоки и условия формирования стереотипов взаимного восприятия, сложившихся в российском и японском обществе.

Методологическая основа Данное исследование базируется на принципах объективности, историзма, комплексности и системности. Автор стремился к правдивому отражению фактов и изучению явлений в их генезисе и динамике, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности, применяя совокупность различных методов для получения из исторических источников максимально обширной и разнообразной информации, главными из которых являются:

- *сравнительно-исторический (компаративный) метод*, позволивший представить явления в конкретных исторических формах;
- *структурно-диахронный метод*, при помощи которого выделялись отдельные этапы исследуемых явлений;
- *интеграционный анализ*, позволивший привлечь знания различных наук (прежде всего – исторической географии, этнографии, социальной психологии) для решения задач, поставленных в настоящем исследовании.

При изучении и обобщении первоисточников использовался метод *источниковедческого анализа*.

Научная новизна. Данная работа является попыткой комплексного и всестороннего анализа русско-японских отношений периода их становления. Новой является предпринятая в данной работе попытка сравнения данных, полученных в России в результате экспедиций и посольств к берегам Японии, и более ранней информации об этой стране, поступавшей из различных источников. Привлечение большого количества документов позволило изучить различные аспекты русско-японских отношений XVIII – начала XIX в. и выделить на этой основе источники для формирования стереотипов восприятия россиянами Японии и японцами России.

Практическая значимость. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке учебников, спецкурсов по истории русско-японских отношений и международных отношений на Дальнем Востоке.

Положения, выносимые на защиту.

1. В генезисе русско-японских отношений можно выделить три последовательных этапа: поиск Россией северного морского пути в Японию (I половина XVIII в.); русские экспедиции для установления торговых отношений с Японией и первые посольства в Японию (II половина XVIII в.); возникновение проблемы Курильских островов и обострение в этой связи русско-японских отношений с последующими попытками решить вопрос о спорных территориях (1811 – 1817 гг.).
2. Характер российских экспедиций к берегам Японии в XVIII – начале XIX в. определяется теми задачами, которые перед ними ставились: научно-исследовательские (географические, этнографические и др.), исследовательские, с целью установления торговли с Японией. При этом экспедиции II половины XVIII – начала XIX в. проделали определенную эволюцию (вначале они организовывались купеческими компаниями, затем приобрели статус официальных российских посольств)
3. На неудачное завершение российских посольств повлияла внутриполитическая ситуация в Японии: законы о «закрытии» страны, борьба внут-

ри правящих кругов Японии, а также необходимость для России решать проблемы, связанные с Западной Европой.

4. В рассматриваемый период Российскому государству принадлежала роль инициатора установления русско-японских отношений, привлекающего к решению данного вопроса частных лиц.
5. Проблема Курильских островов возникла в результате встречного освоения территории архипелага Россией и Японией в XVIII – начале XIX в.
6. Сбор информации и развитие представлений о Японии в России начинается с XVII в, тогда как в Японии – со второй половины XVIII в.
7. В процессе освоения Курильских островов Россией и Японией, их взаимного интереса, страха перед угрозой вооруженного нападения на территорию Японии со стороны России в российском и японском обществе в XVIII – начале XIX в. формируются стереотипы восприятия, касающиеся личных качеств японцев (трудолюбие, прилежание, любознательность, дотошность, уважительное отношение к собственным и чужим традициям), а также образы претендента на чужие территории (Курильские острова), соседа-врага и одновременно соседа – торгового партнера, учителя.

Апробация работы. Основные положения работы апробированы на заседаниях кафедры всеобщей истории Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, на научных конференциях: Огаревские научные чтения (Саранск – 1999, 2000, 2001), Сафаргалиевские научные чтения (Саранск – 1999, 2000), всероссийских конференциях молодых историков («Платоновские чтения») (Самара, 1999, 2000, 2001, 2002), в опубликованных статьях по теме исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Колотыгин Н.П. О Японии и Японской торговле или новейшее историко-географическое описание японских островов. СПб., 1817. С. 68–70.

² См.: Берх В.Н. Сношения русских с Японией или образцы японской дипломатии // Северный архив. 1826. Ч. 22. № 14, 15.

³ См.: Иванов П.И. Распоряжения Петра Великого для обучения русских японскому языку // Вестник императорского русского географического общества. СПб, 1853. Кн. 3, отд. 8. С. 4–5; Оглоблин Н.Н. Первый японец в России, 1701 –

- ¹⁷⁰⁵ // Русская старина. 1891. № 10. С. 11 - 24; Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку // Морской сборник. 1868. Т. 99, № 12. С. 55–61.
- ¹⁸ См.: Полонский А. Курилы. М., 1871.
- ¹⁹ Полонский А. Указ. соч. С. 30.
- ²⁰ См.: Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX в. // Русская старина. 1895. Кн. 7. С. 125 – 141; Кн. 10. С. 201–235.
- ²¹ См.: Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890.
- ²² См.: Лагус В. Указ. соч. С. 274.
- ²³ См.: Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий // Морской сборник. 1869. № 1. С. 37–72.
- ²⁴ См.: Новаковский С.И. Россия и Япония. Токио, 1918. Ч. 1.
- ²⁵ См.: Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946.
- ²⁶ См.: Берг Л.С. История русских географических открытий. М., 1962; Он же. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949.
- ²⁷ См.: Дружинин Н.М. Русские мореплаватели в старой Японии. 1924.
- ²⁸ См.: Жуков Ю. Русские и Япония. М., 1945; Самойлов В. Из истории сношений России с Японией в XVII – XVIII веках // Исторический журнал. 1940. № 6. С. 103 – 114.
- ²⁹ Файнберг Э.Я. Экспедиция Лаксмана в Японию (1792 – 1793) // Труды Московского института востоковедения. 1947. № 5. С. 143–165.
- ³⁰ См.: Файнберг Э.Я. К истории установления официальных отношений между Россией и Японией // Советское востоковедение. 1955. № 3. С. 41–56; Она же. Японцы в России в период самоизоляции Японии // Япония. Вопросы истории. М., 1959. С. 226–260.
- ³¹ См.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697 – 1875 гг. М., 1960.
- ³² См.: Константинов В.М. На заре русско-японских отношений // Международные связи России в XVII – XVIII вв. М., 1966. С. 471 – 478; Он же. «Оросия-коку суймудан» как памятник ранних русско-японских отношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959; Он же. Первый в Японии крупный научный труд о России // Народы Азии и Африки. 1963. № 4. С. 99 – 108; Он же. Сведения об экипаже корабля «Синсё-мару» // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 129 – 133; Он же. Свидетельства японцев о России XVIII века // Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 76 – 81.
- ³³ См.: Константинов В.М. Россия XVIII века глазами японцев // Краткие сообщения института народов Азии и Африки. М., 1961. С. 67–76.
- ³⁴ См.: Горегляд В. Н. «Удивительные сведения об окружающих морях» – японская рукопись начала XIX в. // Страны и народы Востока. М., 1959. Вып. 1. С. 213–228.
- ³⁵ См.: Петрова О.П. Японский язык в России в первой половине XVIII в. // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 163–166.
- ³⁶ См.: Попов К.М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964.
- ³⁷ См.: Греков В.И. Очерки из истории русских географических экспедиций в

- 1725 – 1765 гг. М., 1960; Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
- ²⁴ См.: Тихвинский Л.С. Проблемы русско-японских отношений в новейшей советской историографии // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 117–125.
- ²⁵ См.: Петрова О.П. Сведения о Японии, полученные от японцев в петровское время // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVII, кн. 3. С. 158–166.
- ²⁶ См.: Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века Новосибирск, 1974. С. 71–78.
- ²⁷ См.: Куликова А.М. Начало изучения японского языка в России // Народы Азии и Африки. 1979. № 4; Она же. Новый документ о первом японце в России // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная сессия ЛО ИВАН СССР. Л., 1972. С. 32–34.
- ²⁸ См.: Шафрановская Т.П. Япония в середине XVIII века. По сообщению И.И. Георги // Страны и народы Востока. 1972. Вып. 13, кн. 2. С 156–167.
- ²⁹ См.: Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства» // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С 137–142; Он же. Курильские острова в русской и зарубежной картографии // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980. С. 161–174; Он же. Как в Россию проникали первые сведения о Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4. С. 122–130; Он же. Экономическое освоение Сахалина: история и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 1. С. 126–135.
- ³⁰ См.: Мураяма Ситиро Первые в Японии сведения о народностях России // Народы Азии и Африки. 1969. № 1. С. 129 – 132; См.: Ясуси Иноуэ. Сны о России. М., 1972.
- ³¹ См.: Крутянко М.И. Изучение России в Японии // Народы Азии и Африки. 1980. № 2. С. 149–155.
- ³² См.: Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971; Ефимов А.В. Из истории великих географических открытий. М., 1971; Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.; Она же. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII – 60-е гг. XIX в. М., 1974; Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.
- ³³ См.: Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII века. Л., 1971.
- ³⁴ См.: Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986.
- ³⁵ См.: Бажина А.Е. Японская историография великих русских географических открытий. // Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке. Владивосток, 1986. С. 49–59; Табачко Н.С. Японские авторы о роли японских «исследователей севера» Могами Токунай, Кондо Дзюдзо и Мамия Риндзо в открытии Курильских островов и Сахалина. // Там же. С. 59–79; Щетинина Е.В. Идеологические концепции экспансии политики Японии на Дальнем Востоке в 70 – 80-х годах XIX в // Там же. С. 5–19.
- ³⁶ См.: Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. Иркутск, 1993.

- ³⁷ См.: Куликова А.М. Зарождение японоведения в России // Народы Азии и Африки. 1990. № 4.
- ³⁸ См.: Преображенский А.А. Японцы глазами первого русского посольства // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 303–311.
- ³⁹ См.: Ремарчук В.В. За сто лет до кораблекрушения Дэнбэя // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 1998. Т. 2. С. 235–237.
- ⁴⁰ См.: Топоров В.П. Россия и Япония на встречных путях // Народы Азии и Африки. 1989. № 5. С. 47–61.
- ⁴¹ См.: Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.
- ⁴² См.: Северные территории Японии. М., 1992.
- ⁴³ См.: Полевой Б.П. Цепь ошибок. Курильская проблема: история и политика // Дальний Восток. 1992. № 4. С. 3–25.
- ⁴⁴ См.: Курилы: острова в океане проблем. М., 1998; Плотников А.Ю. Русско-японские отношения в период их становления. Посольство Н.П. Резанова и экспедиции 1806 – 07 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- ⁴⁵ См.: Кожевников В.В. Проблема Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях // Исторические чтения: Труды Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1997. Вып. 2. С. 285–305; Полевой Б.П. В поисках уникальных документов по истории Сахалина и Курильских островов XVII – XIX вв. // Исторические чтения: Труды Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1997. Вып. 2. С. 265–281; Черевко К.Е. Покушение на истину // Знакомьтесь – Япония. 1995. № 10. С. 70–75.
- ⁴⁶ См.: Подпалова Г.И. Русское японоведение в XVIII – начале XX в. // Япония: Ежегодник. 1991 – 1992. М., 1994. С. 209–231.
- ⁴⁷ См.: Горегляд В.Н. Рукопись «Канкай ибун» в собрании СпБИВ РАН // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX – XX веках. СПб., 1998. С. 7–24.
- ⁴⁸ См.: Вада Харуки. Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия как проблема всемирной истории. М., 1999. С. 299–313.
- ⁴⁹ См.: Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII – XIX вв. Владивосток, 1997.
- ⁵⁰ См.: К.Е. Черевко. Зарождение русско-японских отношений. XVII – XIX века. М., 1999.
- ⁵¹ См.: Норченко А.Н. Хроника полузабытых плаваний. СПб., 1999; История внешней политики России. XVIII век. М., 1998; История внешней политики России. I половина XIX в. М., 1999.
- ⁵² См.: Lensen G.A. The Russian Push Towards Japan. – Russo-Japanese Relations 1697 – 1875. Princeton, 1959.
- ⁵³ См.: Синтаро Накамура. Японцы и русские. М., 1983.
- ⁵⁴ См.: Кин Д. Японцы открывают Европу, 1720 – 1830. М., 1970.
- ⁵⁵ См.: Aston W. G. Russian Desents into Sakhalin and Itourup // Translations of the Asiatic Society of Japan. First Series. I. Tokyo, 1882.
- ⁵⁶ См.: Stephen J. J. The Kuril Islands. Oxford, 1974.

- ⁵⁷ См.: Хироши Кимура. Курильская проблема (история японо-российских переговоров по пограничным вопросам). Киев, 1996.
- ⁵⁸ См.: Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик севера. М., 1999.
- ⁵⁹ РГАДА, ф. 9, 214, 248.
- ⁶⁰ РГИА, ф. 468, 1263, 1329, 1374.
- ⁶¹ АВПРИ. ф. 2.
- ⁶² См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830.
- ⁶³ См.: Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1701 – 1713. СПб., 1882; Кн. 2. 1713 – 1724. СПб., 1885.
- ⁶⁴ См.: Внешняя политика России, XIX – начало XX века. М., 1960 – 1972.
- ⁶⁵ РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 236; ОР РНБ, ф. 542, д. 799.
- ⁶⁶ См.: Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. М., 1993.
- ⁶⁷ РГАДА, ф. 9, 199, 214.
- ⁶⁸ См.: Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в I половине XVIII века. М., 1984.
- ⁶⁹ РГАВМФ, ф. 212, 216..
- ⁷⁰ Например, РГАДА, ф. 199, п. 535, д. 1.
- ⁷¹ См.: Экспедиция Беринга. М., 1941.
- ⁷² См.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984.
- ⁷³ См.: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.
- ⁷⁴ РГАВМФ, ф. 212, 1742, д. 2.
- ⁷⁵ РГАДА, ф. 199, 7; РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 577.
- ⁷⁶ См.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М., 1989.
- ⁷⁷ См.: [Болховитинов К.] Известие о первом российском посольстве в Японию. М., 1805.
- ⁷⁸ См.: Преображенский А.А. Первое посольство в Японию // Исторический архив. 1961. № 4.
- ⁷⁹ См.: Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плена у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972. Прил.
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2891.
- ⁸¹ РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 577.
- ⁸² АВПРИ, ф. 98, оп. 98/1, д. 3.
- ⁸³ РГИА, ф. 468, оп. 43, д. 466.
- ⁸⁴ См.: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1799 – 1815. М., 1994.
- ⁸⁵ АВПРИ, ф. 161, I – 7, оп. 6, 1802, д. 1.
- ⁸⁶ РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 231, 273, 274; ф. 19, оп. 1, д. 496.
- ⁸⁷ ОР РНБ, ф. 152, оп. 1, д. 382.
- ⁸⁸ ОР РНБ, ф. 73, д. 341.
- ⁸⁹ РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 577.

- ⁹⁰ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 217.
- ⁹¹ РГАДА, ф. 199, п. 150, ч. 12, д. 8; [Рюмин И.] Записки Канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беньовским // Северный архив. 1822. № 5, 6.
- ⁹² АВПРИ, ф. 161, I – 13, оп. 10, 1803, д. 14.
- ⁹³ РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 183; РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 75; ОР РНБ, ф. 550, Q IV, д. 430.
- ⁹⁴ РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 577.
- ⁹⁵ АВПРИ, ф. 98, оп. 98/1, д. 3.
- ⁹⁶ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 753; ф. 161, II – 27, оп. 72, 1788, д. 1; ф. 98, оп. 98/1., д. 3; ф. 130, оп. 130/1, 1746.
- ⁹⁷ АВПРИ, ф. 161, II – 27, оп. 72, 1811 – 1812, д. 1; ф. 161, II – 27, оп. 72, 1816 – 1818, д. 2.
- ⁹⁸ АВПРИ, ф. 161, I – 7, оп. 6, 1802, д. 1, п. 23; ф. 161, II – 27, оп. 72, 1795, д. 1; ф. 161, II – 27, оп. 72, 1803, д. 3.
- ⁹⁹ РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3920; ф. 1329, оп. 3, д. 249.
- ¹⁰⁰ РГИА, ф. 13, оп. 2, д. 1069; ф. 1263, 1815, д. 79.
- ¹⁰¹ РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1282
- ¹⁰² РГАДА, ф. 9, оп. 2, д. 43; ф. 199, п. 533, дд. 1, 2, 8; ф. 248, оп. 4, кн. 164, д. 27.
- ¹⁰³ РГАДА, ф. 199, оп. 349, ч. 1, д. 38.
- ¹⁰⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 164, д. 28; ф. 248, оп. 13, кн. 758, д. 4.
- ¹⁰⁵ РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 188, д. 3.
- ¹⁰⁶ РГАВМФ, ф. 212, 1746, д. 10.
- ¹⁰⁷ См.: Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М., 1948.
- ¹⁰⁸ См.: Материалы по истории Академии Наук. Спб., 1886. Т. III; 1887. Т. IV.
- ¹⁰⁹ См.: Космография 1670. Спб., 1878 – 1881.
- ¹¹⁰ См.: Куликова А.М. Зарождение японоведения в России // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 103.
- ¹¹¹ РГАДА, ф. 199, п. 133, ч. 5, д. 470; ф. 199, п. 349, ч. 1, д. 37.
- ¹¹² РГАДА, ф. 9, оп. 2, д. 43; ф. 199, п. 349, ч. 1, д. 38; РГИА, ф. 468, оп. 45, д. 616.
- ¹¹³ РГАДА, ф. 199, п. 533, д. 8; ф. 248, оп. 13, кн. 690, д. 25; См. также: Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства» // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С 137–142
- ¹¹⁴ РГАДА, ф. 199, п. 150, ч. 12, д. 8. л. 14–39; [Рюмин И.] Записки Канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беньовским // Северный архив. 1822. № 5, 6.
- ¹¹⁵ ОР РНБ, ф. 550, F IV, д. 482.
- ¹¹⁶ ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 1146; Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1972; Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара. Спб, 1818. Ч. 2.
- ¹¹⁷ ОР РНБ, ф. 550, Q IV, д. 430; ф. 1000, оп. 2, д. 1487, 1654; Давыдов Г.И. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Писанное самим последним. СПб., 1810. Ч. 1, 1812. Ч. 2; Головин В.М. Сочинения, М.; Л.,

1949; Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях его с японцами. СПб, 1816.

¹¹⁸ См.: Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.

¹¹⁹ Архив востоковедов Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской Академии Наук, разряд I, оп. 4, д. 6 – 13; АВПРИ, ф. 161, I – 7, оп. 6, 1802, д. 1, п. 41; ф. 161, II – 26, 1808, д. 8 (1808 – 1813); ОР РНБ, ф. 7, д. 153, 154; «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. М., 1962.

¹²⁰ РГАВФМ, ф. 1331.

¹²¹ См.: Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. XVII – XVIII века. М., 1964; Атлас истории географических открытий и исследований. М., 1959; Багров Л.С. Карты Азиатской России. Пг., 1914.

¹²² См.: Позднеев Дм. Материалы по истории Северной Японии и Ея отношений к материку Азии и России. Иокогама, 1909.

¹²³ См.: Константинов В.М. Оросиякоу суймудан. М., 1961; Канурагава Хосю. Хокуса монряку (Краткие вести о скитаниях в северных водах) М., 1978.

¹²⁴ См.: Горегляд В.Н. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая. Словарь. М., 1961; Чечин П. Записки японцев о России конца XVIII и начала XIX в. // Сибирский архив. 1913. № 3. С 124 – 133.

ГЛАВА 1. РОЛЬ ЭКСПЕДИЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Поиск россиянами северного морского пути в Японию

В первой половине XVIII в. Россия начинает предпринимать активные действия для скорейшего обнаружения пути в Японию. О подобных намерениях российского правительства говорят указы и распоряжения, предписывающие узнать дорогу в Японию, задачи, которые ставились перед экспедициями, изучавшими Тихоокеанский север России, а также использование попадавших в результате кораблекрушений в нашу страну японцев в качестве преподавателей японского языка, который был необходим в случае завязывания отношений с северным соседом.

На фоне такой активности начала XVIII в. можно говорить, что пребывание в России первого японца в начале XVII в. прошло для нашего государства достаточно незаметно. Длительное время в литературе не рассматривался факт пребывания в России периода Смутного времени уроженца Японии. Изыскания, проведенные учеными в этом направлении в последние десятилетия доказали, что первым попавшим в нашу страну японцем был не Дембей, а опередивший его почти на столетие известный под своим христианским именем Николай Августинец¹. О пребывании в России этого японца, приехавшего вместе со своим духовным отцом, иезуитским священником Николаем де Мело сообщают, в основном, западноевропейские источники католического происхождения². Обстановка в стране в период Смутного времени не способствовала тому, чтобы кто-либо в правительстве озабочился сбором сведений о родной стране этого чужеземца. Поэтому можно говорить о том, что случай, предоставивший России возможность в начале XVII в. узнать что-либо о Японии не был использован в силу объективных обстоятельств.

Если же говорить о первой, достаточно обширной для того времени, информации о Японии, то в Россию она попала благодаря составлению во второй половине XVII в. на русском языке книги «Космография», где глава 70 так и называлась – «О Иапонии, или Япан-острове», и сказке землепроходцев, общавшихся с нивхами.

ми, бывавшими на о. Хоккайдо³. Сведения из семидесятой главы «Космографии» и сказки землепроходцев были обобщены в 1675 г. для русского посланника в Китай Николая Спафария, одной из обязанностей которого был сбор информации о Японии⁴.

Вернувшись в 1678 г. в Москву, Спафарий, основываясь на собранных им в Китае данных, дает более точные данные о положении Японии: «Великой и славной остров Японской как пишут китайские земнописатели и чертежи, начинается против устья Амура и простирается далеко против Китайского государства и для того иногда из Китайского государства в двои суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что иные острова меньшие выделяются от усть Амура от берегу морского с гор, как о том видели в прежних летах казаки, которые зимовали на усть Амура»⁵.

На русских картах Япония появилась впервые в 1687 г. на «Общем чертеже Сибири», который был составлен в «пополню» к предыдущему, 1667 г. Здесь обозначены «остров Епан» рядом с фантастическим Маканрийским островом. Это изображение Японии заимствует с русских карт в 1690 г. голландский географ Н. Витсен. А известный русский картограф С.У. Ремезов в 1698 г. на «Чертеже всех сибирских градов и земель» изображает Японию без выдуманного Маканрийского острова, но указывает еще три острова – Гисими, Лоноксим и Токцесы и располагает главный остров вблизи устья р. Амур (как это описано у Н. Спафария)⁶.

В начале XVIII в. Япония, о которой в России знали лишь по косвенным источникам, бывшая для «эрuditов» той поры полулегендарной страной, стала приобретать более четкие очертания. Начало конкретизации образа дальнего восточного государства положил поход В.В. Атласова на Камчатку.

Движимый желанием не только открытия новых земель, но и использования их богатств, В. Атласов, назначенный в 1695 г. приказчиком на Анадырь, организовал поход на юг Камчатского полуострова. В июле 1698 г. им было заложено Верхнекамчатское зимовье и сейчас достоверно установлено, что эта экспедиция побы-

вала у самой крайней оконечности полуострова – мыса Лопатки⁷. Отсюда В. Атласовым была обнаружена северная часть Курильской гряды. Рассказывая в начале XVIII в. в Москве об этом своем походе, Атласов, говоря о связях камчатского населения с курильцами, сообщает о торговле последних японскими товарами – ценинной (фарфоровой), левкашевой и олифляной (лаковой) посудой, одеждой из дабы (х/б материя) и лензовыми азямыами (атласными халатами)⁸. Таким образом, в конце XVIII в России впервые была получена достаточно обстоятельная информация о Курильских островах и торговых связях их населения с Японией. Это сообщение усилило заинтересованность России в отношении Японии вследствие открывшихся фактов. Но еще более ценным, с точки зрения расширения представлений о Японии, оказалось обнаружение В.Атласовым на Камчатке «полоненника Узакинского государства» – японца по имени Дембей (в другом прочтении – Дэмбэй).

Приказчик торгового дома из г. Осака был отправлен с товаром в г. Эдо морским путем. В дороге маленькая флотилия попала в штурм и один из кораблей пришло к берегам Камчатки, где японцы попали в плен к камчадалам. Здесь «ево... Денбяя, взял один человек и свез на Камчатку реку. А товарищи ево 10 человек остались у тех курилов». На реке Камчатке Дембей прожил более года и «немногие слова стал познавать», что дало возможность Атласову в беседе с японцем пользоваться местным толмачом. Впоследствии Дембей выучил и русский язык. Атласов забрал камчатского пленника с собой в Анадырское зимовье, а затем в Якутск, откуда японец был отправлен в Москву. В конце 1701 г. Дембей был доставлен в Москву и 8 января 1702 г. в селе Преображенском с ним встретился Петр I. Интересно, что до того, как были записаны показания Дембяя о его приключениях, в устных разговорах и официальных документах он фигурировал в качестве индейца, китайца и «апонского татарина». Атласов же утверждал, что «узакинский китаец» Дембей лицом похож на гречанина. Петр I до встречи с Дембеем осторожно назвал его иноземцем⁹.

После беседы с японцем, Петр I велел обучить пленника русскому языку и грамоте, «а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре – учить их русскому языку и грамоте». Также царь приказал «его, иноземца, утешать... когда он русских робят своему языку и грамоте научит, – и его отпустят в Японскую землю»¹⁰. Однако это обещание не было выполнено. В 1710 г. Дембей «был челом об отпуске в свою землю» царю. Но Петр I «отпустить его не приказал, а приказал князю Матвею Петровичу [Гагарину] его окрестить, и ныне его окрестили Гавриилом»¹¹.

Трудно опровергнуть мнение К.Е. Черевко, считающего, что главная причина того, что Дембей все же был крещен, а не возвращен в Японию, заключается в том, что Петр I изменил свое первоначальное решение отпустить того «в Японскую землю... как он русскому языку и грамоте навыкнет и русских робят своему языку и грамоте научит». Для его отправки Россия вполне могла воспользоваться теми связями с Японией, которые поддерживала Голландия.

В год крещения Дембя в Россию попала новая группа подданных японского императора. Ими оказались Санъэмон (Санима), Ширюкей (Сирюкэй), Тиски (Тэйсукэ), Кидзуги (Кисть, Китъ), Симанаки (Шиманаки) и Мацуубэ (Мацбе)¹². Часть этих японцев взял с собой Игнатий Козыревский, отправившийся в 1713 г. «проводить Алонское государство». (См. прил. 1)

Из этой группы японцев по имеющимся документам наиболее четко прослеживается судьба только двух – Санъэмана и Мацуубэ. В 1714 г. Санъэмон был отправлен в Петербург, а Мацуубэ остался в Якутске. Здесь он принял крещение и стал Яковом Максимовым. К 1733 г., когда он указом Анны Иоанновны был затребован в Петербург, Максимов был уже женат и имел сына. В конце 30-х гг. XVIII в. Яков Максимов служил переводчиком в экспедиции Мартына Шпанберга, искавшего путь в Японию и в табели состава Второй камчатской экспедиции числится 1 японец¹³. Позднее Яков Максимов разыскивался как возможный переводчик для новой группы японцев¹⁴.

Санъэмон, отправленный в Петербург, также был крещен в Якутске в 1714 г., получил имя Иван. В столице он был назначен помощником Дембя для преподавания японского языка и, вероятно, переведен в Москву, где в то время находилась школа японского языка¹⁵. Русскую фамилию Санъэмана можно установить по имеющимся документам. В Российской государственном историческом архиве хранится «Запись сообщений бывшего жителя Японии Ивана Яковлева, попавшего после кораблекрушения в Якутск о расположении Японии, о ее вооружении и торговле золотом»¹⁶, датируемая первой половиной XVIII в. (см. прил. 1) До какого времени Иван Яковлев преподавал в школе Японского языка пока точно не установлено. По ряду данных это продолжалось до 1734 года, что не подтверждается документами¹⁷.

Документально подтверждено, что в том же 1734 году, 20 сентября состоялось крещение двух японцев, найденных на Камчатке в 1729 г. О том, как они попали в Россию достаточно подробно рассказывает Степан Крашенинников в своей работе «Описание земли Камчатки»¹⁸. Побывавшие в плену у камчадалов Гонза (Гондзаземон) и Содза (Содзаземон) в 1731 г. были переведены в Якутск, а оттуда по указу губернатора Алексея Михайловича Плещеева оба японца были отправлены в Тобольск, а затем, последовательно, в Москву и в Петербург, в распоряжение правительства Сената, который немедленно сообщил о них Анне Иоанновне. Императрица пожелала увидеть двух японцев и сама расспрашивала тех об их приключениях. Разговор шел на русском языке, так как маленький Гонза к этому времени уже довольно хорошо на нем говорил. Тогда же императрица повелела своему адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову сообщить в Сенат о своем указе снабжать японцев деньгами и одеждой¹⁹.

В 1734 г., согласно императорскому указу, оба японца были отданы в кадетский корпус, где иеромонахи обучали их основам христианской религии. 20 сентября 1734 г. их окрестили в домовой церкви при кадетском корпусе. Содза был наречен Кузьмою и получил фамилию Шульц, от своего крестного отца – Стефана

Шульца, а Гонза – Дамианом (Демьяном), приобретя также фамилию своего крестного отца – Василия Федоровича Поморцева.

Гонза проявил большие способности к изучению русского языка и с 1735 г. стал заниматься русской грамотой в семинарии при Александро-Невской лавре, а вскоре по представлению сенатора М.Г. Головкина, был рассмотрен вопрос о переводе японцев в Академию Наук, который был оформлен Указом Правительствующего Сената от 4 ноября 1735 г.

Для практики японцев как в русском языке, так и в своем родном, было отдано повеление содержать их вместе, доставить японские книги, уцелевшие после крушения их корабля и определить им в ученики двух солдатских детей. Выполнение этого решения началось после того, как И.А. Корф, с 1734 по 1740 гг. исполнявший обязанности президента Академии Наук, подписал приказ № 126 от 25 июня 1736 г. Здесь говорилось следующее: «По сим вышеобъявленных Правительствующего Сената и промемории приказываю оных японцев и при них солдатских детей для содержания отдать Андрею Богданову, которому их содержать при себе и обучать японцев русской грамоте, а показанным солдатским детям обучаться японскому языку, чего ему смотреть, дабы оные как японцы русской грамоте, так и солдатские дети японскому языку они обучали со всяким прилежным тщанием. А что им надобно к обучению на русском и других диалектах книг о том ему в якутскую канцелярию подать рапорт»²⁰.

Содза не успел проявить себя в качестве преподавателя, поскольку 18 сентября 1736 г. умер в возрасте 43 лет. После кончины своего земляка, Гонза, прожив в России еще три года, скончался 15 декабря 1739 г. Козьма Шульц был погребен у церкви Вознесения на Адмиралтейской стороне, а Дамиан Поморцев – у Калинкиной. (См. прил. 1)

За время своей преподавательской деятельности, с помощью академического библиотекаря А.И. Богданова, Гонза составил несколько учебных пособий по японскому языку, хранящихся в настоящее время в Санкт-Петербургском отделении Российской Академии наук²¹.

Предвидя возможность появления в нашей стране в результате кораблекрушений новых групп японцев, правительство дало распоряжение «отвозить... в их жилища, давая знак соседской дружбы, а ежели из таких Японцев будут люди молодые и ко обучению русского языка надежные, таких ласкою уговаривать, что они поехали в Россию на время, обнадежка за то от Ея Императорского Величества награждением, и кого уговорят, тех и посыпать в Москву... а буде явится охотников большее число, тех в Охотск Командиру отдавать... и обучать русского языка, и их язык списывать ... и по обучении об отправлении их по прежнему в отчество»²². И если в 1733 г., когда было отдано это распоряжение, японцев достаточно легко можно было доставить в Москву, то для того, чтобы возвратить их «в отчество», надо было разведать дорогу в Японию, поиски которой велись еще со времен Петра I.

Рассказы японцев, попадавших в Москву и Петербург, сообщения Атласова вызвали большой интерес к Японии в правительственные кругах России. Так, например, английский капитан Джон Перри, побывавший по приглашению Петра I в России с 1698 по 1715 гг., в своей книге «Состояние России при нынешнем царе» сообщает следующее: «Я сам не раз слышал, как царь выражал намерение послать людей с целью снять верную карту страны, как только наступит мир и он будет иметь досуг заняться этим исследованием, чтоб определить, есть ли возможность кораблям проходить мимо... в Татарское море на восток до реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии»²³.

В окружении царя находились люди, стремившиеся к тому, чтобы завязать отношения с восточными странами через северный морской путь. Ф.С. Салтыков, находившийся в 1712 – 1712 гг. в заграничной поездке, осведомившись о состоянии английской и голландской торговли в Ост-Индии, направил царю «Изъяснения прибыточные государству», в которых предлагал организовать специальную экспедицию для описания северных и восточных берегов России и поиска прохода «до китайских и до японских берегов». «И ежели оной проход... сыщется свободной», – писал далее Ф.С. Салтыков царю, – «в том будет вашему государству великое бо-

гатство и прибыль... Мочно тогда из вашего государства посыпать для купечества ост-индийские корабли, в чем будет прибыль и богатство государству великое, и из вашего государства ближе будет купечествовать туды, нежели из прочих государств»²⁴.

Однако к началу XVIII в. наиболее удобный для России путь в Японию от устья Амура был невозможен. Заключенный в 1689 г. с Китаем Нерчинский договор установил границу с этии государством по речке Горбице, Становому хребту и Аргуни. Это заставило россиян осваивать более долгий и трудный путь к Японии от Камчатки через Курильские острова. Таким образом оказались соединены два процесса – из учение и освоение новых земель и установление отношений с Японией. В 1702 г. в Якутскую воеводскую канцелярию из Сибирского приказа за подписью самого царя был направлен первый документ, в котором одновременно предписывалось и расширить пределы Российского государства, и попытаться установить отношения с Японией²⁵.

В последующие годы подобные царские повеления повторялись неоднократно.²⁶ Один из таких указов последовал 17 марта 1710 г. В соответствии с ним в период царствования Петра I были организованы несколько экспедиций сторону Японии, самая значительная из которых была снаряжена в 1711 г. во главе с Игнатием Козыревским. Перед экспедицией ставилась цель: узнать, «какими путями в сию землю [Японию] проезд», «какое имеют ружье и битву и к воинскому делу искусны ли, и будут ли они с российскими людьми дружбу иметь и торги водить, как и у китайцев и что им из Сибири годно».²⁷

В 1711 г вместе с Д.Я. Анциферовым, а в 1713 г.– без него, во главе отряда казаков И. Козыревский побывал на островах Курильской гряды (Шумшу, Парамушир, Ширинки, Онекотан, Авось), собрал о них сведения, но до Японии не дожел. Тем не менее, он нанес известный ему по рассказам спасенных из плена японцев о. Матмай (Хоккайдо) на свой «Чертеж Камчадальского носу». Эта карта несомненно стала известна в Тобольске составителю первого российского атласа Семену Ульяновичу Ремезову, поскольку среди его чертежей в «Служебной чертеж-

ной книге» имеется один, который показывает, что картограф знал данные, предоставленные Козыревским (на картах имеются такие отметки, как «Сюда доходил Козыревский», «остров Матмай»)²⁸. Этой же экспедицией было установлено, что Курильские острова никакому государству не принадлежат.

Значение этой экспедиции, впервые столь подробно и полно исследовавшей Курильские острова, описавшей занятия и нравы населения, было по достоинству оценено Сенатом, наградившим Козыревского 500 рублями за службу в районе Камчатки, «проводывание Апонского государства» в 1711 и 1713 гг. и попытку в последующие годы пройти на Камчатку и далее к Японии из района устья реки Лена²⁹.

Сам Козыревский, понимая значение своей работы, представил составленный им «Чертеж Камчадальского носу и морским островам» в 1726 г. В. Берингу, отправлявшемуся в плавание в рамках Первой камчатской экспедиции. Он справедливо полагал, что собранные им данные о Курильских островах и Японии помогут Берингу в его исследованиях тихоокеанского севера.

В 1716 г. по указанию Петра I начались сборы первой правительственной экспедиции на Дальний Восток, названной Большим камчатским нарядом. Во главе экспедиции был поставлен Якутский воевода Я.А. Ельчин³⁰. В его задачи входило исследование острова «близ камчатского мыса, отыскивая золотую и серебряную руду, медь, другие полезные ископаемые, краски и жемчуга», а «буде можно, то послать кого в Японию с торговом смышеного человека»³¹.

Берегов Японии, однако, Ельчину увидеть не удалось, так как из-за нехватки средств экспедиция не могла отправиться в столь долгий путь. Но данный поход заложил основу для успеха последующих экспедиций, поскольку им был изыскан путь из Якутска в Охотск и Камчатку, более безопасный, чем прежний³². Также Ельчин одним из первых заговорил о том, что «ежели б Амур река была в российском владении и мочно б было от Нерчинска выходить судами в Амурское устье», то необходимость в столь трудных путешествиях в Охотск и другие места тихооке-

анского побережья, отпала бы, а значит и освоение этого края пошло бы быстрее и с меньшими затратами³³.

Еще не была окончена эта экспедиция, как в 1719 г. Петр I отправил в тот же район двух геодезистов, воспитанников Морской академии, Ивана Евреинова и Федора Лужина. Вопрос о том, было ли им дано повеление специально собирать сведения о Японии и искать туда путь, до сих пор остается открытым, поскольку нет прямых доказательств в пользу той или иной точки зрения. Простор для мнений и споров дает расплывчатый характер инструкции и отсутствие в ней указания на конечный пункт плавания и маршрут экспедиции. Наиболее распространенными версиями об истинной цели плавания являются следующие: версия В.И. Грекова и Б.П. Полевого о том, что задачей экспедиции было только выяснение вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. Во-вторых, это версия Г.Ф. Миллера, согласно которой Евреинов и Лужин должны были заниматься поиском драгоценных металлов на Курильских островах. По третьей версии, которую высказывают К.М. Бэр, А.С. Сгибнев, Л.С. Берг, О.А. Евтеева и другие, геодезисты должны были исследовать Курильские острова, собирать сведения о Японии и возможности установления с ней торговых отношений³⁴. Но, скорее всего, более приближено к истине мнение К.Е. Черевко, считающего, что поиск пути в Японию не был побочной задачей, а следствием цели плавания – описание «тамошних мест» и исследование этой части Тихого океана «не только на зюйд и норд, но и ост и вест»³⁵. Так или иначе, но задача выяснить «где сошлась ли Америка с Азией» и тщательно исследовать тот район, была поставлена четко³⁶.

Добравшись до Охотска, Евреинов и Лужин взяли с собой морехода Мошкова, пленного шведа матроса Буша, кормщика Березина и на старой «лодии» вышли в море. Дойдя до Камчатки, исследователи остались там на зимовье и вышли вновь в море весной 1721 г. Целью геодезистов были Курильские острова, где они попали в штурм, успев при этом обследовать 6 островов. В связи с тем, что при описании Курильских островов землепроходцы и мореплаватели пользовались различной системой их учета, давали разные названия, в современной литературе вопрос о

том, до какого острова дошли геодезисты является открытым. Разные исследователи высказывают различные точки зрения со ссылкой на различные источники³⁷. Наиболее вероятным здесь представляется путь, по которому пошел К.Е. Черевко в своей монографии вслед за японским ученым А. Такано – сравнение координат островов, данных И. Евреиновым и Ф. Лужиным с реальными данными. Таким образом было установлено, что, скорее всего, самым южным из обследованных геодезистами островов был Харимкотан³⁸.

Нанеся на карту еще восемь островов, И. Евреинов и Ф. Лужин назвали их «Острова Японские», очевидно полагая что они являются преддверием Японии, а не ее частью. Карта этого плавания в 1722 г. была представлена в Казани направлявшемуся в персидский поход Петру I. Найденная в 1945 г. в Российском архиве древних актов, эта карта, была хорошо известна современникам, и ее данные активно использовали при составлении своих карт И.К. Кириллов, Н. Делиль и многие другие³⁹.

Хотя столь многочисленные попытки достигнуть Японии в правление Петра I заканчивались неудачно, царь не оставлял надежды установить отношения с этой страной. Велся сбор сведений о Японии при помощи китайских источников⁴⁰. Но несмотря на активные действия в этом направлении, было плохо известно не только где находится это государство, но и даже его очертания оставались секретом. И в России, и на Западе на картах к северу от Японии изображали остров Jedzo, т.е. Иезо (Матсмай, Хоккайдо), к востоку от него – большой остров Штатов, а еще восточнее – Землю Гамы.

В отношении острова Иезо, первые сведения о котором в Европе были получены во второй половине XVI в. от посетившего Японию иезуита Фросса, на картах XVII и первой половины XVIII вв. существовала необычайная путаница. Одни соединяли его с материком Азии, другие сочленяли с Америкой, третья изображали в виде громадного острова между Азией и Америкой. Страленберг, попавший в Россию в качестве военнопленного после Полтавской битвы и проживший здесь долгое время, на своей карте 1730 г. отождествлял Иезо с Камчаткой: «Тегта Kamtsatzka alias Jedzo» («Земля Камчатка, другими словами – Иедзо»). Не было точных данных

о количестве и расположении Курильских островов, очертании северных берегов Сибири. И, наконец, открытие Семена Дежнева осталось забытым. Недостаточная изученность дальневосточных окраин России осложняла поиск пути в Японию, географическое положение которой также было неизвестно, и мешала освоению всего региона. Взвесив все эти факты, Петр I принял решение об организации экспедиции небывалых по тому времени масштабов, во главе которой был поставлен датчанин, двадцать лет служивший в российском флоте – Витус Беринг.

Мысль об экспедиции для выяснения возможности плавания из Ледовитого океана в Тихий несколько лет вынашивалась Петром I, и высказывалась Ф.С. Салтыковым в уже упоминавшихся «Изъявлениях прибыточных государству»⁴¹. В 1721 г. посол Франции в России Кампредон писал, что «на Ледовитом море» император намерен строить корабли, «приспособленные к плаванию по этому морю, по которому, если оно судоходно, можно не более чем в два месяца доплыть до берегов Японии, тогда как англичане и голландцы, вынужденные совершать это кругосветное плавание, употребляют полтора года»⁴².

Указ об организации экспедиции был издан 23 декабря 1724 г., и его текст позволяет предположить, что планировалось достичь берегов Японии: «Ежели... штурманов во флоте не сышется, то немедленно писать в Голландию, чтоб прислали двух человек, знающих море к северу до Японии»⁴³. Впоследствии, в инструкции, врученной 5 февраля 1725 г. Екатериной Алексеевной В. Берингу, задачи экспедиции были сужены: на одном или двух ботах следовало плыть вдоль «земли, которая идет на норд», и «искать, где оная сошлася с Америкою»⁴⁴. Совершив суходутное путешествие до Охотска, а оттуда морем на Камчатку и далее на север, Беринг в 1728 г. прошел проливом, названным впоследствии его именем. Таким образом, было доказано, что Азия нигде с Америкой не соединяется. Коммерческое значение этой экспедиции было сразу же оценено современниками. В 1730 г. «Санкт-Петербургские ведомости» от итогах Первой Камчатской экспедиции, писали, что В. Беринг «изобрел, что тамо подлинно северо-восточный проход имеется, таким образом, что из Лены, ежели бы в северной стране лед не препятствовал, во-

дяным путем до Камчатки и тако далее до Японии, Хины и Ост-Индии доехать возможно б было»⁴⁵.

Несколько ранее подписания указа об организации Первой камчатской экспедиции, в Петербурге появился якутский казачий голова А.Ф. Шестаков. Помимо челобитной, в которой он предлагал организовать экспедицию по поиску новых земель на Дальнем Востоке, казачий голова привез с собой карту Камчатки, Курил и Японии. Эта карта была составлена на основании данных экспедиции Козыревского и расспросов местных жителей. Для своего времени она была самым совершенным изображением этого района.

Вопросы подготовки экспедиции, о которой просил Шестаков, позволили Сенату в 1726 – 1727 гг. еще раз вспомнить о результатах экспедиций Ельчина и Козыревского. В итоге, в донесении Екатерине I от 28 января 1727 г. Сенат пришел к выводу о необходимости обладания и освоения Россией землями на Дальнем Востоке, как открытых, так и не открытых. Среди причин освоения этих земель называется и возможность «познания по Восточному морю морского ходу, от которого может впредь воспоследовать коммерция с Японною, или Китайскою, [или] Корею»⁴⁶. Принимая во внимание это соображение, а также стратегические и экономические интересы в данном регионе, было решено «отправить из Якуцка вышеозначенного Шестакова». Целью этой экспедиции было, прежде всего, «иноzemцев, кои были в подданстве и изменили и которые еще в подданстве не были, чтоб оных в ясашный платеж привесть»⁴⁷. Также надо было разведать о населении островов: «какие на тех островах народы, и под чьими владениями, и торг с кем имеют ли и чем»⁴⁸. Несмотря на такой, казалось бы, «экономический» характер экспедиции, указом Верховного Тайного Совета Сенату от 23 марта 1727 г. было велено отправить с Шестаковым «геодезиста, которой бы в бытность их на море и в прочих местах учинил описания, и на которых островах будут, основательную ландкарту»⁴⁹. Таким образом, одна из задач экспедиции Шестакова – исследование земель Тихоокеанского севера России, не расходилась с основной задачей экспедиции В. Беринга. Поскольку и Шестаков, и Беринг одновременно должны были находиться в

одних и тех же местах, то им было рекомендовано «в потребных случаях друг другу помогать».

В 1729 г. экспедиция Шестакова отправилась в путь из Охотска, а в 1730 г., после того, как в бою с чукчами на севере Камчатки погиб ее руководитель, она закончилась. В это же время отряд под руководством Д.И. Павлуцкого отправился на Курильские острова и на основании его данных в 1733 г. обер-секретарь сената И.К. Кириллов писал о том, что «все острова до самой Японии подлинно никому неподвластные и уже четыре острова от команды в подданство приняты» и коли будет помочь правительства, то и все остальные острова войдут в российское владение⁵⁰.

Приведению территорий дальневосточного региона в российское подданство должна была способствовать реализация замыслов последних лет жизни Петра I, о которых говорилось выше. Снаряжением экспедиции «для проведывания новых земель, лежащих между Америкою и Камчаткою, также от Камчатского носа островов, продолжающихся до Японии, и особливых Шинтарских», а также «чтоб Охотской или Камчатской водяной проход до устья Амура и далее до Японских островов выведывать»⁵¹, занялось правительство Анны Иоанновны в 30-х гг. XVIII в. В истории это масштабное исследование получило название Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга.

В конце 1730 – начале 1731 г. по распоряжению Сената Беринг внес свои предложения по организации исследования новых земель, где, в частности, говорилось и о том, что «не без пользы бы было, чтоб охотецкой или камчаточной водяной проход до устья реки Амур и далее до японских островов выведывать,.. также, ежели возможность допустит, и с японцами торг завесть, чего б не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться»⁵².

Именной указ «Об отправлении капитан-командора Беринга в Камчатку» состоялся 17 апреля 1732 г. Пока собиралась эта огромная экспедиция, забота об установлении отношений с Японией была возложена на начальника Охотского порта Г.Г. Скорнякова-Писарева: «Капитан Беринг представляет, что в его бытность еще

занесенные японцы были подле берега, и приказано от него их сыскивать, и ежели найдут или впредь занесет, то не грабя и не озлобляя их надлежит отвозить в Япон по прежнему в их жилища, и тем подать причину дружбы и искать способы к свободному торгу; также лежащие между Япони острова велеть осматривать»⁵³.

В то же время в Петербурге решались окончательно вопросы, связанные с предстоящим исследованием, в котором принимали участие такие организации и учреждения, как Сенат, Синод (для привлечения новых народов в христианскую веру), Академия наук, от которой были отправлены академики, профессора, студенты, обслуживающий персонал для снятия наблюдений, геологической разведки, сбора материала. Сбором сведений о различных народах, их расселении, традициях, языке, истории должен был заниматься академик Г.Ф. Миллер. Студентом принимал участие в этой экспедиции и Степан Крашенинников, работавший на Камчатке. Участие во Второй камчатской экспедиции принимала, разумеется, и Адмиралтейств-коллегия.

Для того чтобы более четко спланировать научную часть экспедиции профессорами Академии Наук были составлены «инструкции особливые и подробные о том, что... надлежит делать полезнейшаго к славе и прибыли ея и.в.»⁵⁴. В ходе масштабных исследований должны были быть составлены карты «географические и морские, как генеральные, так и партикулярные», установлены географические координаты различных объектов, как реальных (берега Охотского моря), так и мифических (остров Штатов, земля Кампании), проведены метеорологические наблюдения. Также надлежало проводить исследования флоры и фауны, в том числе и вымершей («костей мамонтовых плодов искать надобно»), геологические изыскания. Для описания истории народов инструкцией предписывалось наблюдать их расселение, обычай, религию, язык, связи между народами и др.⁵⁵. Таким образом, перед Второй Камчатской экспедицией ставилось большое количество научных задач.

Но нельзя говорить о том, что столь масштабная экспедиция преследовала лишь научные цели. Практическая выгода от этого исследования была в середине

XVIII в. едва ли не главное решения поставленных перед ним научных задач (прежде всего – изучение производительного потенциала Сибири и хранящихся в ее недрах полезных ископаемых).

Вторая практическая задача диктовалась интересами торговли. Разведка новых путей и установление новых связей должны были расширить внутреннюю и внешнюю торговлю России, помочь решению проблемы снабжения поселений в Сибири и на Дальнем Востоке. По словам академического советника Шумахера, Вторая Камчатская экспедиция была «по истине сказать, нужное испытание для купечества и мореплавания»⁵⁶.

Третьей практической задачей Второй камчатской экспедиции, результаты решения которой сильно интересовали Петербург, была возможность расширения территории России. Именно поэтому было решено «продолжить обследование Камчатского моря до (Американского) материка», а также «хотели выяснить положение Японии в отношении Камчатки»⁵⁷. Этим объясняется и долгое содержание в секрете карт и журналов экспедиции, составлявших государственную тайну. В правительстве всерьез опасались, что результатами сделанных открытий могут воспользоваться другие государства в ущерб российским интересам.

На основании этих масштабных задач научного и практического значения, а также с учетом различных мнений и предложений были составлены «правила... капитан-командору Берингу, относительно плавания в Восточном Океане», утвержденные 28 декабря 1732 г. Согласно этим правилам, одной из задач экспедиции было плавание отряда под командованием капитана Мартына Петровича Шпанберга «ради обсервации и изыскания пути до Японии». Попутно Шпанберг должен был «учинить опись и осмотр» Курильских островов. С народами же, подвластными «Хану Японскому» или «иным Азиатским владельцем», надлежало дружелюбно обходиться «и между тем проведывать о их состоянии и о прочем, о чем можно, и никакого на них нападения и недружбы не показывать». Добравшись же до самой Японии, Шпанберг со своим отрядом должен был «разведывать о владетельстве, о портах, могут ли обходиться в том дружески». А чтобы японцы не подумали, будто

русские корабли пришли к их берегам с дурными намерениями, в качестве благовидного предлога для визита рекомендовалось использовать «занесенных японцев». Шпанбергу надлежало их «взять с собою, и в бытность при берегах Японских, первую объявить причину, что привезли к ним их занесенных к нашим берегам людей, и потом отдать им, буде примут, а ежели станут отказывать, как о том разглашают,.. в таком случае спустить их на берег, чтоб могли они в свои жилища дойти»⁵⁸.

Понимая важность возлагаемой на М.П. Шпанберга задачи, Адмиралтейств-коллегия сочла нужным дополнить указания Сената своей инструкцией от 28 февраля 1733 г. Здесь уточнялись вопросы, связанные со снабжением экспедиции, постройкой судов⁵⁹. Инструкция более четко определяла маршрут плавания – через Курильские острова, которым следовало «учинить описание и осмотр, сколько возможность допустит», к Японии. Помимо прочего М.П. Шпанбергу следовало узнать о местонахождении на протяжении всего пути следования «удобных мест для пристаний и для прибежища во время морских штормов или льдов и какие где растут ли леса, к починке морских судов годныя... Также, где возможно, ... велеть осматривать, не найдутся ли где богатые металлы и минералы»⁶⁰.

Подготовка экспедиции началась сразу же по прибытии Шпанберга в Охотск. 7 июля 1737 г. была спущена на воду бригантина «Архангел Михаил», 19 июля – дубель-шлюпка «Надежда», исправлены повреждения на боте «Святой Гавриил», но из-за отсутствия нужного количества провианта экспедицию пришлось отложить до весны 1738 г.

18 июля 1738 г. Шпанберг на трех кораблях отплыл из Охотска. Но в этот год его экспедиция не достигла своей цели. Сам Мартын Петрович Шпанберг на бригантине «Архангел Михаил» достиг острова Итуруп, а лейтенант Вилим Вальтон на дубель-шлюпе «Надежда» – района острова Матмай (на 43°19' с.ш.). В это плавание, выполняя данные ему поручения, Шпанберг нанес на карту 32 Курильских острова, что превышает их реальное число⁶¹.

После зимовки, в Большерецке 21 мая 1739 г., Шпанберг вновь отправился на поиски Японии. Подойдя к Курильским островам, следуя данной ему инструкции,

он взял с собой трех курильцев, могущих пригодиться в будущем в качестве переводчиков с японского. По дороге корабли пересекли местоположение Земли Гамы и убедились, что на самом деле такого острова не существует, зато обнаружили, что остров Штатов – это один из Курильских островов.

14 июня лейтенант Вальтон, командовавший «Святой Гавриил», отделился от Шпанберга, объяснив впоследствии это тем, что повредило у него на борту фока фал и кливер вал блоки, что заставило его задержаться для ремонта и отстать от основной группы кораблей⁶².

Оставшись с тремя судами, 16 июня Шпанберг заметил «Японской земли берега». Это был северо-восточный берег острова Хонсю, осмотр которого Шпанберг произвел, двигаясь на юг. «А чтоб пространнее их видеть, какие они и сколь вблизости берегов вода глубока, и какой около их грунт»⁶³, на разведку был послан шлюп «Большерецк» под командованием квартирмейстера Василия Эрта. Обследовав берег, в письменном рапорте на имя своего командира тот доложил, что «подходил он Эрт на том судне близъ к самой той Японской земле, расстоянием от берегов не далее двух верст, и к самым берегам подойти не смел, для того что из залива той земли вышло де под парусами больших японских судов с трицать, из которых судов одно шло к нему Эрту гараздо блиско; и для того, поверотясь, он, Эрт, от тех берегов пришел паки к судам нашим»⁶⁴. Лавируя вдоль японских берегов, русские моряки заметили, что местное население встревожено их появлением: по ночам на окрестных холмах горели сигнальные огни.

Опасаясь нападения, Шпанберг шел на таком расстоянии от японских берегов, которое позволяло ему находиться в безопасности, но не давало возможности осмотреть японское побережье. 18 июня капитан решился-таки бросить якорь на таком расстоянии, что можно было видеть «в западной стороне близ земли в разных местах малых бус или судов японских под парусами и иных на якорех... также в 4-х местах видели жилье и близ того их жилья населяно было видно хлеба, а какого, тож неизвестно»⁶⁵. По данным производимых обсерваций и японских источников сейчас установлено, что впервые Шпанберг бросил якорь у берегов северо-

восточной части острова Адзи, в бухте Тасирохама провинции Рикудзэн⁶⁶. Здесь могли бы состояться первые контакты русских моряков и японцев, так как японские суда подошли к бригантине «Архангел Михаил», но ветер этому помешал.

21 июня в море у островка Тасиро состоялся первый в истории контакт японцев и русских у Японских берегов. Рыбак из поселка Аматихами Кисабээ уже собирался вернуться домой, когда «одно большое судно прошло близко от него под парусами». Приблизившись к кораблю, Кисабээ увидел, что на судне, оказавшемся иностранным, матросы что-то ели. Так как время было позднее, рыбак уже проголодался и потому попросил знаками у иностранцев еду. «Они дали ему хлеба, который ели сами. В это время ему показалось, что они как бы просят у него табаку, поэтому он достал свой кисет и отдал им. Потом они дали ему игральную карту – крестового туза. Заглянув внутрь судна, он увидел там 40 – 50 высоких людей. Так как в это время смеркалось, рыбак вернулся на берег»⁶⁷. Вернувшись в деревню, Кисабээ передал карту старосте – Дзэмбэ и рассказал обо всем этом произшествии.

Утром 22 июня «Архангел Михаил» все еще оставался у острова Тасиро. Сюда стали приезжать «к нему, Шпанбергу, на лотках с... японских берегов рыболовы, ис которых многие были на судах ево Шпанберховых и привозили рыбу камбалу и прочия большая и малая рыбы, и оных подчывал он, Шпанберх, вином»⁶⁸. Японцы охотно торговались с русскими моряками и постепенно около российских кораблей собрались около 80 японских судов. Взамен рыбы, риса, табака, редьки, огурцов и «протчих мелочей» японцы получали «сукно, бусы и другие товары». Иногда японцы платили золотыми монетами в форме четырехугольника, которые «против российских червонцов весом лежче, понеже против российских 7 червонцов их, японских, 10 червонцов»⁶⁹.

В этот же день к борту бригантины подошла большая лодка, на которой находились четыре важных чиновника, в числе которых был представитель княжества Сэндай Тиба Канситиро, сопровождавшие его староста деревни Аматихами Дзэмбээ и Дзюсеку Рюмон⁷⁰. По внешнему виду прибывших и другим признакам, Шпанберг определил во вновь прибывших высокопоставленных лиц и пригласил их к себе в каюту. При

входе в помещение гости поклонились Шпанбергу до земли, подняв руки вверх и сложив их вместе. Капитан предложил своим гостям водки и разных угощений, после чего показал им глобус и морскую карту. Поскольку взятые с Северных Курильских островов толмачи оказались бесполезными, вся беседа велась «через мины» – жестами. Однако, и посредством такого общения русским удалось установить, «что та их земля называется Нифония, а не Япония», Масма – это остров Матмай, Сангар – Сангарский пролив, Самдо – остров Садо, Ното – полуостров Ното⁷¹. Не имея возможности без переводчиков объяснить цель своего визита, Шпанберг проводил своих гостей, одарив их мехами, японцы же при прощании поклонились Шпанбергу до земли, выказывая свою благодарность за прием.

За время стоянки вокруг русских кораблей скопилось большое количество японских судов. Опасаясь нападения, Шпанберг вечером того же дня велел сняться с якоря и повернул к Курильским островам, не совершив высадки на берег. Такая осмотрительность командира русской экспедиции была вполне оправдана имевшимися у него инструкциями. Сенатским указом 2 мая 1732 г., на который были ориентированы многие дальнейшие распоряжения Беринга, предписывалось следующее: «В ту бытность, при самых берегах Японских или в их владетельства, при островах отнюдь много не мешкать, ... дабы не могли, удержав обманом, собрать своих судов и атаковать»⁷².

24 июля Шпанберг, руководствуясь данными курильских айнов, подошел к острову Матмай (Хоккайдо), но еще раз побоялся высадиться на берег, ограничившись тем, что можно было разглядеть с корабля. После этого маленькая флотилия вернулась в Охотск⁷³.

Вальтон, отставший от остальных судов в ночь с 14 на 15 июня 1739 г., в рапорте, поданном на имя капитана Шпанберга, рассказал о своем пребывании у японских берегов. В тот же день, что и его начальник – 16 июня 1739 г., – Вальтон впервые увидел Японские острова. Идя вдоль берегов острова Хонсю, на следующий день он увидел 39 японских судов без флагов. Следуя за ними, Вальтон пред-

принял попытку отыскать гавань, но суда вскоре разделились и разошлись по деревням.

18 июня Вальтон приказал бросить якорь, а уже утром 19 числа к борту «Святого Гавриила» подошло японское судно, на котором было «18 человек и заметно, что звали... на берег». Истолковав жесты японцев как приглашение, Вальтон отправил на берег «ялбот и на нем штурмана Казимерова, да квартирмейстера Черкашенина, да 6 человек солдат для привозу воды на... бот»⁷⁴.

На подходе к деревне Амацу провинции Ава, ялбот встретили около полутораста мелких японских судов, а на берегу «народу было многое число». Японцы взяли с ялбота 2 порожние бочки «и налили полторы бочки водою и принесли возвратно на ялбот, а он, штурман, между тем времянем пришел в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дома встретил ево у дверей изрядно со всякою учтивостию и ввел в свои покой и посадя подчывал ево, и бывших с ним служителей... И он, штурман, посидя в том доме и благодаря хозяина, пошел в другой дом, и хозяин дому того принял ево таким же образом... и тех обоих хозяев, так же и которых японцы отнесли воду, дарил он, штурман, ис подарочных вещей бисером да королками [разновидность бус], и пошел он, штурман, ис другова дому вон и ходил по слободе»⁷⁵. На берегу Казимеров, старавшийся все точнее разглядеть и запомнить, увидел двух военных, вооруженных саблями, и, решив более не медлить, вернулся на корабль.

Следом за ялботом к «Святому Гавриилу» поспешил на лодке довольно важный с виду японец, «которого мы признавали за воеводу, потому что провожали ево от берегу больше 100 судов». Прибывшие были приняты «со всякою приятностью». Вскоре после этого визита Вальтон поспешил сняться с якоря, так как заметил, что вокруг скопилось множество лодок.

В японских источниках по поводу этого пребывания русских на японской земле отмечается, что в деревне Амацумура (уезд Нагаса, префектура Тиба), «пришельцы посидели у дома Таробэя вблизи колодца, придвинули табак и закурили... В соседнем доме Итиэмона они взяли несколько пучков редьки, которые лежали у

дверей, оставив у них серебряную монету и удалились»⁷⁶. Очевидно, что доносившие о визите русских люди, не желали, чтобы их односельчане пострадали за свое гостеприимство и сознательно исказили факты, не упомянув о проявлении к русским дружеских чувств.

Это плавание М.П. Шпанберга и В. Вальтона показало последующим поколениям мореплавателей путь из России в Японию. Уже один этот факт говорит о том, что главная цель экспедиции была достигнута. Известное только из рассказов и географических описаний «Японское царство» обрело для русских исследователей свои конкретные координаты, а мифичность значившихся на многих картах острова Штатов и земли Гамы была окончательно доказана. Кроме того, были получены и свидетельства русских очевидцев о повседневной жизни Японии.

В самой Стране Восходящего Солнца принадлежность «черных кораблей» было определена голландцами по тем вещам, которые дали японцам русские моряки, и которые согласно законам об изоляции страны были доставлены в Эдо. Но для правительства сёгуната появление иностранных кораблей у его берегов означало лишь необходимость еще раз напомнить своим жителям об охране морского побережья.

Визит русских кораблей не вызвал у японских властей желания собрать информацию о стране, их пославшей. Предположения о целях этого визита, если и выдвигались в Японии, то не сообщались при дворе сёгуна. В изолированной почти от всего внешнего мира Японии никто не предполагал, что посещение их страны в 1739 г. русскими кораблями повлечет за собой попытки России установить отношения между двумя странами.

Для самих участников таких первых контактов между двумя народами, они означали возможность дружественных добрососедских отношений, не отягченных никакими конфликтами. Произошедший обмен вещами показал реальность установления будущих торговых отношений. Американский историк Дж. Ленсен считал, что действия Шпанберга, и, в первую очередь, Вальтона, «реально нарушили изоляцию Японии»⁷⁷.

Также это плавание подтвердило необходимость существования в России школы японского языка, так как взятые толмачами жители Северных Курильских островов были бесполезны в Японии, и все беседы приходилось вести «минами» (т.е. – при помощи жестов).

Возвращаясь в Большерецк, Шпанберг еще раз, более подробно чем в 1738 г., обследовал Курильские острова, давая им красивые, подсказанные иногда их очертаниями, названия. Остров Шикотан за изрезанность береговой линии был назван Фигурным, часть современных островов Хабомаи были названы островом Трех Сестер и островом Цитронным⁷⁸.

8 июля Шпанберг подошел к берегу острова Матмай, в районе Нэмуро, который в своем рапорте именует островом Нуцкам. «А от 8-го числа того же месяца пришли мы ко острову тамошнему, называетца Нуцкам, и усмотрели на нем жилые места и против того легли на якорь»⁷⁹. В результате плавания на Хоккайдо отряда из 12 солдат во главе с мичманом Шельтингом, были собраны данные об айнах, населявших остров. Была установлена схожесть их языка с языком жителей Северных Курил⁸⁰, что позволило впоследствии при контактах с японцами пользоваться «тройным» переводом: с русского на северокурильский, затем на айнский и с него на японский.

Айны острова Хоккайдо поведали о том, что «под властию японского хана только один Матмай остров, а прочие острова неподвластны»⁸¹. Также они сообщили русским морякам названия близлежащих островов. К.Е. Черевко был идентифицирован рад топонимов, приводимых в отчете М.П. Шпанберга. Сопоставление показало, что матмайцы назвали русским не только близлежащие острова, но указали все те места, с которыми они торговали, в том числе такие японские города, как Осака и Эдо⁸².

Обследовав еще раз Курильские острова, Шпанберг вернулся в Большерецк 14 августа. Вальтон, оставив берега Японии, также произвел осмотр Курильских островов, составив карту 26 из них и 26 августа вернулся в Охотск. Свои рапорты о

результатах плавания М.П. Шпанберг и В. Вальтон в начале осени 1739 г. отправили капитан-командору Берингу, который переслал их в Адмиралтейств-коллегию.

В столице известие о достижении берегов Японии было воспринято с восторгом. На основании полученных отчетов, карт, журналов в 1740 г. разрабатывается проект плавания в Страну Восходящего Солнца. Составители инструкции, в числе которых был вице-президент Адмиралтейств-коллегии И.Ф. Соймонов, попытались учесть все детали, чтобы на этот раз иметь возможность не только наблюдать за японцами и их жизнью, но и иметь возможность общаться с ними, в том числе и при помощи уже упомянутой выше системы «гройного» перевода⁸³.

7 марта 1740 г. кабинет министров одобрил проект указа и инструкции М.П. Шпанбергу о продолжении его исследований, где ставились задачи: «1) изыскивать коммуникации от Камчатских островов; 2) також де до японской земли прямой и безопасной к ходу путь изыскать и с тамошними народами ласковым обхождением дружбу и на обе стороны коммерцию завести»⁸⁴.

10 апреля 1740 г. М.П. Шпанберг получил указ о начале новой экспедиции, но из-за того, что В. Беринг полагал более важным освоение пути в Америку, не смог отправиться в дорогу в этом же году. Экспедиция в направлении Японии возобновила свою работу в 1741 г.

23 мая 1742 г. М.П. Шпанберг на четырех судах (пакетбот «Святой Иоанн», дубель-шлюп «Надежда», бригантина «Михаил» и шлюп «Большерецко»), взяв с собой двух учеников школы японского языка П. Шананыкина и А. Фенева, бывшего жителя Японии Якова Максимова, найденного по такому случаю, вновь отправился к японским берегам. Но на этот раз экспедицию преследовали неудачи. Вначале, 3 июня, от флагманского пакетбота «Святой Иоанн» отстали бригантина «Михаил» и дубель-шлюп «Надежда», а 13 июня и шлюп «Большерецко». Кроме того, с самого выхода дули противные курсу ветра, «за которыми, також и за мокротными всегда туманами... дошли до ширине 41°15', в которой ширине... получили видеть рыбу великую, .., находящуюся близ японских берегов»⁸⁵. Обсудив 21 июня создавшуюся ситуацию с офицерами пакетбота, Шпанберг решился продолжить свое путеше-

ствие далее, но после того, как 30 июня на корабле обнаружилась течь, был вынужден повернуть обратно, достигнув $39^{\circ}35'$ с.ш. Кроме того, команда судна болела «цинготною болезнью»⁸⁶.

Тем временем в Петербурге было получено «доношение» Г.Г. Скорнякова-Писарева, начальника Охотского порта, где говорилось, что в 1739 г. Шпанберг и Вальтон плавали у берегов Кореи, а не Японии⁸⁷. В связи с создавшейся ситуацией, было запрошено мнение начальника Второй камчатской экспедиции В. Беринга, который в рапорте от 18 апреля 1741 года заявил, что, хотя карты и журналы Шпанберга содержат много неточностей, «однакож можно по тому ево журналу видеть, что он около тех мест ходил»⁸⁸.

В Адмиралтейств-коллегии этого показалось недостаточно и последовал ряд проверок, завершенный освидетельствованием карт и журналов комиссией, возглавляемой капитанами Д.Я. Лаптевым и А. И. Нагаевым. 20 мая 1746 г. в Адмиралтейств-коллегию был представлен рапорт, в котором на основе детального анализа «доношения» Г.Г. Скорнякова-Писарева и материалов экспедиции М.П. Шпанберга и В. Вальтона был сделан вывод о том, что и журналы, и карты подлинные, и русские моряки действительно плавали у берегов Японии, а начальник Охотского порта при составлении своего доноса пользовался старыми картами, содержащими неверные данные не только о положении Японии, но и о местонахождении Пекина⁸⁹. В заключение своего рапорта комиссия рекомендовала на основании данных Шпанберга «сочинить пути ево верную карту и положение на ней окружного тех островов, которые он при прохождении видел, и части острова Япония»⁹⁰.

Таким образом, группой экспертов было доказано, что в 1739 г. Шпанберг нашел путь из России в Японию, столь сильно изменивший представление об этом регионе, что понадобился ряд тщательных проверок, чтобы убедиться в достоверности полученных данных.

Это еще не были торговые или дипломатические отношения, но это уже была та точка, исходя из которой можно было предпринимать попытки установить дру-

жественные связи между Россией и Японией. Хотя в середине XVIII в. русское правительство было занято решением внутренних проблем и вопросов, связанных со странами Западной Европы, нельзя говорить о том, что в тот период оно совсем не занималось делами, связанными с налаживанием русско-японских отношений. Как раз в год окончательного решения вопроса о подлинности карт и журналов экспедиции М.П. Шпанберга и В. Вальтона, между Иркутской канцелярией и Адмиралтейством-коллегией велась оживленная переписка по делу «о выкинутых в Курильских островах на берег японцах»⁹¹.

В 1745 г. с Курильских островов в Большерецк была доставлена группа из 10 японцев с потерпевшего кораблекрушение судна «Тано-мару».. О произошедшем было доложено в Петербург, откуда был прислан сенатский указ назначить японцам содержание, выдать пропитание и одежду, «выбрать несколько человек кои знанием и смыслом... наилучши»⁹², и отправить их в Петербург, «а для разговору с ними и переводу языка отправить при них в Санкт-Петербург ис тамоших камчатских жителей знающих язык их, також... академии учеников Шананыкина и Фенева» а также японца Мацбе (Якова Максимова)⁹³.

Все доставленные в Петербург японцы были назначены учителями японского языка в помощь к П. Шананыкину и А. Феневу. Когда в 1753 г. по инициативе Ф.И. Соймонова организовалась новая экспедиция для осмотра земель и островов, прилегающих к Сибири, школу распоряжением Сената перевели в Иркутск вместе со всеми учителями и учениками. К этому моменту из прибывших в 1747 г. в Петербург японцев в живых оставались лишь трое – В. Панов, П. Черный и Г. Свильин. (См. прил. 1)

Оставшиеся в Большерецке японцы (Матвей Григорьевич Попов (Ихэй, Игач, Рихати (Рёсукэ)), Иван Семенович Афанасьев (Саймуро Кюскэ (Каюсукэ)), Филипп Иванович Трапезников (Тёсукэ, Теосукэ), Иван Исаевич Татаринов (Саносукэ)) стали учителями в Илимской школе, которая в 1761 г. была объединена с Иркутской⁹⁴.

Судьба этой группы японцев связана с попытками России установить официальные контакты с Японией благодаря не только их преподавательской деятельно-

сти. Сын Кацуэмана (православное имя пока не установлено) в 17 лет служил старшим на судне и в 1783 г. совершил плавание на остров Сахалин, где погиб со своим экипажем. Петр – брат жены Матвея Григорьевича Попова – благодаря такому родству выучил японский язык и состоял переводчиком при экспедиции Дмитрия Шабалина, прибывшего в 1779 г. на Матмай, чтобы завязать торговлю с Японией. Еще один ученик этой группы японцев – Егор Иванович Туголуков, состоял переводчиком при посольстве в Японию 1792 – 1793 гг. под руководством Адама Кирилловича Лаксмана. В состав этого же посольства был включен сержант геодезии Иван Филиппович Трапезников – сын еще одного из этих десяти японцев – Тёсукэ. (См. прил. 1)

Таким образом, первая половина XVIII в. стала для России периодом активного поиска северного морского пути в Японию с целью установления торговых отношений с этим государством. Невозможность воспользоваться путем от устья Амура заставила русских землепроходцев искать путь в Японию через открытые В. Атласовым Курильские острова, одновременно изучая эти территории и приводя в русское подданство их население. Экспедиции Козыревского, Ельчина, Евреинова и Лужина, хотя и не установили путь в Японию, но способствовали сбору сведений об этой стране. Основное же место здесь занимает Вторая Камчатская экспедиция, сделавшая открытие мирового масштаба. Ее участники доказали мифичность ряда указывавшихся на картах географических объектов («Земля Гамы»), уточнили общее число и положение островов Курильской гряды, побывали в ранее недоступных европейцам районах Японии, составив карты обследованных ими мест. Данные, полученные М.П. Шпанбергом и В. Вальтоном в 1738 – 1739 гг., использовались затем многими, в том числе и западноевропейскими, картографами. Для русско-японских отношений главным было то, что эта экспедиция установила и картографировала северный морской путь в Японию, открыв, таким образом, возможность для установления в дальнейшем, торговых связей с этой страной.

В этот же период в России начала функционировать школа японского языка, учителями которой были природные японцы. Это, а также настойчивое стремление

российского руководства найти путь в Японию, говорит о существовании намерения установить отношения с Японией. Данный тезис подтверждается текстами указов, издававшихся руководством России в первой половине XVIII в. Установление северного морского пути в Японию позволило в последующий период органам государственной власти и купеческим компаниям заняться установлением торговых отношений с Японией.

1.2. Формирование позиции Японии по отношению к России в XVIII веке

В первой половине XVIII в., когда в России активно занимались поиском северного морского пути в Японию, Страна Восходящего Солнца, строго придерживающаяся политики самоизоляции, старательно защищала себя от непредусмотренных законами внешних контактов. Ограничены были не только связи Японии с внешним миром, но и накопление и распространение информации об иностранных государствах, которая с середины XVII в. могла поступать лишь из Китая и Голландии. К моменту появления у берегов Японии первых русских кораблей о России здесь было известно лишь то, что это находящееся далеко на севере государство, а также некоторые моменты из истории, связанные с правлением Петра I.

Визит кораблей М.П. Шпанберга и В. Вальтона к берегам Японии в 1739 г. властями этой страны был воспринят как случайное явление, напомнившее о необходимости соблюдать законы о самоизоляции. Кроме отправки военных в те районы, где побывали русские, никакой другой реакции со стороны правительства Японии не последовало.

Начало формирования политики Японии по отношению к России приходится на 70 – 80-е гг. XVIII в. и связано с возникновением представления об угрозе безопасности страны, исходящей от России. В 1771 г. в Японии появилась информация, побудившая ученых к изучению России, а правящие круги этой страны – к выра-

ботке определенной позиции по отношению к нашему государству. Речь идет о письмах М.А. Беневского сэгуну.

Потомок польских и венгерских аристократов, Мориц Аладар (Август) Беневский (Беньовский, Бениовский) являлся офицером польской армии и участвовал в борьбе за сохранение независимости Польши. После его взятия русскими в плен в 1769 г. и ссылки в Казань, он проявил себя как выдающийся авантюрист. В течение одного года Беневский сумел бежать в Петербург, где принял участие в антиправительственном заговоре, правда раскрытом, после чего предпринял еще одну попытку бегства – теперь уже за границу, но был выдан властям. В результате столь бурной деятельности в России, Беневский в 1770 г. оказался в Большерецке на Камчатке в качестве ссыльного. Но и здесь он не стал «сидеть сложа руки». Используя недовольство действиями местного начальства, авантюрист организовал бунт, завершившийся в ночь с 26 на 27 апреля 1771 г. убийством коменданта Большерецка Нилова и побегом на галиоте «Св. Петр». Помимо недовольных большерецкой администрацией, на галиоте находились и заложники из числа местных жителей, многие из которых – целыми семьями. Всего же на судне находилось 70 человек⁹⁵. В числе заложников находился канцелярист Иван Рюмин, составивший журнал с подробным описанием всего случившегося на Камчатке и последующего плавания в Макао вплоть до прибытия во Францию в 1773 г.

Поскольку мятежники не желали приближаться к берегам материковой России, опасаясь быть схваченными, их путь должен был затронуть Курильские острова. 18 мая «Св. Петр» пристал к берегу 17 курильского острова Симушир, где пробыл до 29 мая. В удобной бухте этого острова заложниками была предпринята неудачная попытка убить Беневского, после чего галиот продолжил свой путь на юг. Вскоре после выхода из бухты Симушира «Св. Петр» попал в штурм, вынесший судно к японским берегам⁹⁶.

Утром 7 июля 1771 г. вольные и невольные путешественники увидели берега большого острова, которым оказался остров Сикоку. Жители того места, куда вначале прибыл «Св. Петр», показали находящуюся на том же острове, но несколько

севернее, удобную бухту в провинции Ава, закрытую от морских волн, в которой галиот простоял с 8 по 12 июля. Японцы, показав прибывшим жестами, что если они пустят их на берег, то все местное население ожидает смертная казнь, сами весьма охотно бывали на галиоте, снабжая экипаж и пассажиров всем необходимым. По свидетельству Ивана Рюмина русские объявили японцам, что являются голландцами, идущими в Нагасаки, а Беневский даже передал для отсылки в этот город «письмо уведомительное»⁹⁷.

В воспоминания Беневского приводится текст этого письма, цитируемый в своих работах Н. Синтаро и Дж. Ленсеном. Оно содержит в себе просьбу к голландцам прислать переводчика и помочь зайти в порт Нагасаки. В постскриптуре Беневский называет себя главой польского патриотического союза в недавнем прошлом, сосланным на Камчатку Екатериной II и бежавшим оттуда «вместе с группой в 96 человек»⁹⁸.

Однако хотя это письмо и показывает намерение Беневского задержаться на острове Сикоку и в Японии вообще на достаточно длительный срок, судя по всему, он все-таки принял во внимание угрожающие жесты местного населения, о которых говорит в своих записках И. Рюмин⁹⁹. 12 июля, несмотря на все старания японцев удержать галиот у своих берегов, корабль покинул остров Сикоку. Как сообщили в Макао путешественникам португальцы, это решение Беневского спасло жизнь его спутникам, – до их визита японцы сожгли два испанских судна, приблизившихся к берегам этой страны¹⁰⁰. Но прежде чем достигнуть португальской колонии, после острова Сикоку «Св. Петр» имел недолгую стоянку у острова Тенегасима и более длительную (с 20 по 31 июля) – у острова Осима (Амамиосима) в архипелаге Амами. Здесь местным жителям было вручено еще 6 писем. Пять из них были просто благодарственными письмами за японское гостеприимство: «Когда пожаловались на голод и жажду, жители острова принесли воду, дрова, различные сладости. Большое спасибо им за это»¹⁰¹, – и переводами их с немецкого языка на латинский. Шестое же письмо, датированное 20 июля 1771 г., получило печальную известность в качестве «предостережения Беневского».

Поскольку в Японии не знали ни немецкого, ни латинского языка, то их перевод на голландский был выполнен в Нагасаки служителями фактории, а затем сами японцы перевели письмо на свой родной язык.

В голландском варианте перевода, цитируемом Дональдом Кином и Дж. Ленсеном, смысл «предостережения» сводится к следующему: Беневский, в силу высокого уважения к Нидерландам, ставил в известность ее представителей о том, что «в том [1771 – И.С.] году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума (Хоккайдо) и прилегающие к нему острова, расположенные на 41°38' северной широты, наступлению, намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящихся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады»¹⁰². Далее в своем письме Беневский советовал голландцам принять меры предосторожности и иметь наготове крейсер, сожалея, что не может сообщить подробности при встрече.

В японском варианте перевода этого письма сведения, сообщенные Беневским, приобретают еще более угрожающий характер: «Получив приказ из России произвести разведку [японских] крепостей, я отплыл в этом году с двумя галиотами и одним фрегатом с Камчатки к японским берегам и крейсировал вдоль них... Я услышал известие, высказанное с уверенностью, что в следующем году будет сделано нападение на территорию Мацумаз [Хоккайдо] и на соседние острова»¹⁰³.

Столь необоснованное, с точки зрения знакомых с реальным положением дел на Камчатке и Курильских островах, заявление согласно законам о закрытии Японии содержалось в тайне, как и его переводы, о чем просил голландцев и сам Беневский согласно японской версии письма¹⁰⁴. Но персонал голландской фактории и переводчики не могли удержаться от того, чтобы не рассказать о нем хотя бы нескольким своим друзьям в доверительной беседе. Вскоре содержание письма обсуждалось знакомыми с ним людьми.

Достаточно трудно говорить о причинах происхождения столь встревожившей японцев информации, поскольку, как это видно из приведенного выше, расходятся даже тексты переводов шестого письма Беневского. По версии японских источников, приводимых Дж. Ленсеном, Беневский написал об угрозе со стороны России, будучи потрясенным японским гостеприимством, в качестве благодарности, и все его данные являются правдой¹⁰⁵.

Сами получатели письма, директора голландской фактории в Нагасаки, Д. Арменолт и А. Фейт, выступали с опровержением «предостережения Беневского», заявляя, что оно не имеет под собой никакого основания и вся содержащаяся в нем информация представляется несуразной¹⁰⁶. Арменолт даже ссылался на недавно покинувшего Европу капитана, не слышавшего ничего хотя бы подобного утверждавшемуся в этом письме¹⁰⁷. Таким образом, сами голландцы хотели отвести от себя появившиеся уже в конце XVIII в. подозрения в том, что они специально распространяли слухи об опасности вторжения России в Японию. Однако до сих пор сохраняется сомнение в том, что сам Беневский писал о нависшей над Японией опасности. Так, японский историк Накамура Синтаро высказывает предположение, что текст письма был подправлен голландским переводчиком, основываясь на том факте, что оно отсутствует в мемуарах Беневского, где полностью приведено послание, отправленное из Ава¹⁰⁸. Думается, что это предположение наиболее вероятно, особенно в сочетании с появившимися в начале XIX в. слухами о том, что голландцы достаточно успешно противодействовали миссии Резанова¹⁰⁹. Столкнувшись с возможностью возникновения угроз своим позициям в Японии голландцам был весьма выгоден антирусский настрой токугавской администрации. Соответственно, выполняя перевод писем Беневского, голландцы могли постараться обезопасить свое положение, пойдя на заведомую ложь, чтобы вызвать подозрительность по отношению к России. Результатом этих ложных сведений и стало появление «предостережения Беневского», спровоцировавшее возникновение недоверия по отношению к России.

Кто бы ни был автором «предостережения Беневского», но Россия оказалась несправедливо обвиненной в агрессивных намерениях в отношении Японии. В указанные Беневским годы, подтверждение чему найдено в архивных материалах, русские корабли не то чтобы совершали «плавания вокруг берегов Японии», но не показывались даже вблизи острова Хоккайдо. Да и строительство на случай войны с Японией крепости «на одном из Курильских островов, находящихся ближе других к Камчатке», с точки зрения военной стратегии представляется не совсем логичным. Куда как выгоднее было бы строить военные укрепления и создавать склады боеприпасов как можно ближе к потенциальному противнику.

Реальное освоение южных Курильских островов русским началось с середины XVIII в. и заключалось в попытках основать здесь поселения. А.М. Бем, ставший в 1772 г. главным командиром Камчатки, начал «более настойчиво ратовать за создание на Курилах русских крепостей»¹¹⁰. Но это было вызвано не планами ведения военной кампании против Японии, а обеспокоенностью за безопасность российских территорий в связи с возможностью захвата Курильских островов другими странами.

Однако это надуманное послание сыграло свою негативную роль, посеяв в Японии зерна подозрения и недоверия к России. Перед руководством островного государства встали вопросы, связанные с обороной страны. Прежде, за исключением двух попыток монголов в XIII в., для Японии не существовало угрозы извне. «Предостережение Беневского» настолько стимулировало сторонников создания береговой обороны Японии, что его шестое письмо называлось «первым примером национальной оборонной литературы»¹¹¹, создаваемой в целях повышения обороноспособности страны. Внезапно обнаруженная угроза безопасности Японии потребовала пересмотра существовавших ранее представлений об обороне.

Прежде всего, было необходимо изучить возможного противника. На основе европейских работ были написаны несколько исследований о «рыжих айну», как называли в Японии русских. В 1781 г. по повелению фактического главы Японии Танума Окицугу на свет появилась работа Кудо Хэйсукэ «размышления в связи с

появлением красных эдзо» (или, в другом варианте перевода названия «Акаэдзо фусэцуко» – «Изучение сведений о рыжик варврах»). Это исследование было основано на данных голландцев, переводчиков, самураев клана Мацумаз. Сейчас трудно сказать откуда взялось выражение «красные эдзо» (т.е. – «красные варвары»). Возможно, оно появилось в среде клана Мацумаз, а может, его придумал и сам Кудо Хэйсукэ. Японский исследователь и писатель Сиба Рётаро отмечает, что в своей работе «автор полностью отрицает существование каких-либо агрессивных замыслов в отношении Японии со стороны России»¹¹². Также Кудо Хэйсукэ в своем труде говорил и о том, что было бы не плохо открыть северные порты и начать в них официальную торговлю с Россией, по примеру того, как это делается с голландцами в Нагасаки.

Прочитав работу Кудо Хэйсукэ, Танума Окицугу или загорелся идеей автора завязать торговые отношения с Россией через порты севера страны и решил исследовать имеющиеся к тому ресурсы, или же испытывал недоверие к автору и в его планы входила проверка сообщенных сведений и изучение возможностей обороны страны. На средства, взятые из бюджета, была организована экспедиция на север Японии. За два года своей работы, а экспедиция проработала до отстранения от власти в 1786 г. своего покровителя Танума Окицугу, отряд исследователей побывал на Кунашире, Итурупе, Урупе и южной части Сахалина. В составе экспедиции изучением островов занимался ученый-голлановед Могами Токунай, знакомый с Россией по голландским источникам. Встретив на острове Итурупе русских, ученый, ссылаясь на миф о сотворении Японских островов вместе с Курилами, заявил, что эти острова являются японской территорией¹¹³. Так, вследствие предостережения Беневского, японцы впервые заявили русским о своих притязаниях на Курильские острова.

Но не только это заявление было результатом письма польско-венгерского авантюриста. В его результате в Японии возникает мысль о наличии угрозы для страны со стороны России. Пишется ряд работ, высказывающихся за необходимость укрепления обороны государства в связи с этой угрозой, которую эти авторы

считали вполне реальной, как, например, Хаяси Сихэй (Рин Сихэй) в своих произведениях «Обзор трех государств» и «Военные беседы для морской страны».

В дальнейшем России придется преодолевать представление о себе как враждебно настроенном государстве, возникшее в результате «предостережения Беневского», и оспаривать японские притязания на Курильские острова, впервые сформулированные в это время (Хаяси Сихэй, Могами Токунай).

1.3. Попытки России установить торговые и дипломатические отношения с Японией в конце XVIII – начале XIX века

После того, как экспедицией М.П. Шпанберга и В. Вальтона был открыт путь в Японию, пролегающий вдоль Курильских островов, этот архипелаг неизменно привлекал к себе внимание как российского правительства, так и частных лиц. Прежде всего, это было вызвано тем, что Курильские острова были новой территорией Российской империи, нуждающейся в освоении. Было необходимо изучить ресурсы архипелага, а также привести в российское подданство население наиболее удаленных от Камчатки островов. Кроме того, поскольку было известно о существовании товарообмена между населением Курил и японцами, эти острова, а особенно, их наиболее приближенная к Японии южная часть, становились удобным местом для завязывания неофициальной торговли с этой страной, что открывало путь для установления в дальнейшем более тесных контактов между государствами.

К середине XVIII в. фактически были включены в состав России лишь близние в камчатке острова. Так, в 1749 г. казак Шергин открыл на острове Шумшу школу, в которой русской грамоте обучались дети курильцев¹¹⁴. В 1775 г. тоён Николай Сторожев способствовал развитию сельского хозяйства на островах Шумшу и Парамушир, завезя туда семена овощей и несколько голов рогатого скота. Однако, и это отмечено в документах, более южные острова хотя и были известны и на-

несены на карту, до 60-х гг. XVIII в представителями России они были малопосещаемыми. Примерно с 50-х годов XVIII в. начинается освоение Курильских островов русскими купцами с целью промысла шкурок калана¹¹⁵. Первые опыты показали перспективы развития на Курильских островах пушного промысла и привлекли к ним более пристальное внимание торговых и промышленных людей.

Новый сибирский губернатор Ф.И. Соймонов оценил стремление купцов начать освоение Курил, которые, как ему было известно из рассказов самих японцев, вплоть до острова Хоккайдо никому не принадлежат¹¹⁶. В поданной им в 1759 г. в правительство особой докладной записке, которая называлась «О повзлении купцам, собственным их иждивением, открывать Курильские острова» Соймонов выразил уверенность, что установление власти России на южных Курильских островах позволит русским начать торг с японцами на соседнем Матмае, где местные жители уже ласково принимали русских мореходов, особенно Вальтона¹¹⁷. Здесь же он отмечал, что Охотский порт недостаточно обеспечен судами и служителями для регулярных плаваний на Курильские острова и к берегам Японии¹¹⁸.

В Санкт-Петербурге также понимали, что силами одного государства тяжело вести освоение вновь открытых территорий на Дальнем Востоке России. Поэтому с целью придания всему процессу более систематического характера, сбора ясака с населения новых территорий, а также стремясь как можно скорее закрепить за собой пока еще никому не принадлежавшие острова, Российское правительство начало поощрять экспедиции, организуемые русскими купцами в этот регион. Так, 24 августа 1761 г. был издан сенатский указ «О дозволении ловить зверей в Камчатке и на островах Восточного океана», которым отныне позволялось «для лова зверей, отыскания новых островов ездить всем тем, кто пожелает»¹¹⁹.

После издания этого указа на Курильские острова направляется ряд экспедиций, побывавших на Урупе и более южных островах. В 1765 г. на острове Кунашир удачная попытка установить торговлю с населением этого острова была сделана купцом Андреяном Толстым¹²⁰. В 1766 г. Большерецкая канцелярия направила на южные Курильские острова с целью их изучения, приведения населения в русское

подданство экспедицию во главе с тоёном острова Парамушир Никитой Чикиным и казацким сотником Иваном Черным. По традиции, если бы экспедиция нашла занесенных на Курильские острова японцев, то их следовало «ни мало не озлобляя, привести в Большерецк, кроме того, не будет ли где приезжих для торга, то обходиться с ними ласково и учтиво наведываться изподручно»¹²¹.

Экспедиция Никиты Чикина в 1766 г. на остров Уруп основала здесь первое российское зимовье, но в пути глава экспедиции умер и продолжать ее пришлось И. Черному. Ему, как сообщает в своей работе «Курилы» А. Полонский, в 1766 г. «главный тоён» Итурупа обещал к следующему его прибытию привести в подданство айнов Шикотана, Кунашира и даже Хоккайдо¹²². В этой же работе А. Полонский утверждает, что до появления русских «мохнатые» курильцы (население Южных Курильских островов) жили совершенно свободно на 18, 19, 20 и 21 островах (Уруп, Итуруп, Кунашир и Шикотан) и на северо-восточной части острова Матмай. «С Японией они не имели других сношений, кроме торговли. Основываясь на этом показании, русское правительство предприняло попытку подчинить своей власти мохнатых, а затем посредством торговли сблизиться и с Японией»¹²³.

Однако действия И. Черного вызвали большое недовольство не только курильцев, но и русских властей. Поэтому за свои бесчинства сотник был отдан под суд, но умер еще когда следствие не было закончено. Своими делами Иван Черный снискдал себе дурную славу как представитель России и не оправдал в полной мере возлагавшихся на него надежд. К этому же времени относится первое японское свидетельство о проникновении русских товаров на южные острова Курильской гряды¹²⁴.

Эта, а также другие экспедиции установили, что южные Курильские острова ни в чьем подданстве не состоят, что, в свою очередь, давало возможность для их более углубленного изучения и освоения.

В 1772 г. иркутский губернатор Бриль дал указание главному командиру Камчатки М.К. Бему снарядить торговово-промышленную экспедицию с целью изучения географического положения, ресурсов Курильских островов, приведения

всех айнов в русское подданство, а также выяснения возможности заключения торгового договора с Японией¹²⁵. Следствием этого стало указание, основанное на пунктах «высочайшего его императорского величества именного 1772 г. апреля 30 числа повеления», стала организация в 1775 г. экспедиции, снаряженной на средства купца П.С. Лебедева-Ласточкина, во главе которой был поставлен ученик Иркутской школы японского языка Иван Антипин.

М.К. Бем составил инструкцию И. Антипину, в которой предписывалось «старатца... дальних «мохнатых» курильцев, а ежели есть и другие какие народы, живущие доныне в своей воле, приводить в подданство его императорского величества»¹²⁶. Не останавливаясь на ближних островах, кроме как по необходимости, Антипин должен был следовать сразу до 18 острова [Уруп], где построил бы крепость. Если же на острове Антипин обнаружит пришедших туда японцев, то ему следовало «принять их... с приветствием и со всякою доказуемою ласкою и никаковых им в сопротивление озлобляемостей не чинить и не оказывать»¹²⁷, чем еще раз подтверждалась дружественная политика по отношению к Японии, принятая еще в первой половине XVIII в. Также необходимо было «выведывать, какие надобны им российские товары и вещи, равно какие от них в нашу сторону получать можно, по каким с обеих сторон ценам. И не возможно ль зделать с ними об обоюдном торгу какого договору»¹²⁸, собрать сведения, касающиеся земледелия, торговли, вооружения, животноводства японцев и даже того, насколько «им российской народ приятен кажетца»¹²⁹.

Помимо сбора сведений о Японии, Антипин должен был озабочиться освоением южных островов Курильской гряды: узнать, «какие естьгодные к заселению места», где лучше пахать землю, а где разводить животных, «где можно завесть хотя небольшие заводы или плавильные небольшие печки», поинтересоваться наличием полезных ископаемых, а также «куриозных и любопытства достойных вещей, например окаменелых животных и растений, и всякого рода каменьев, черепах, раковин и в них орентальского большего, среднего и малого земчугу»¹³⁰. Все это говорит все это еще раз подтверждает интерес России к Курильским островам и о

том, что во второй половине XVIII в., точно также, как и в первые его десятилетия, вопрос об установлении отношений с Японией трудно отделить от вопросов, связанных с исследованием Курильских островов.

Антипов с учеником «японского языка» Иваном Очердиным, штурманским учеником Федором Путинцевым, казаками на должностях матросов вышли в 1775 г. в плавание на боте «Святой Николай», но этот вояж не был удачным – в августе судно разбилось у берегов острова Уруп, и его команда байдарами была вывезена на Камчатку¹³¹. Потерпев неудачу в первом плавании ни сибирские купцы, ни власти на этом не остановились. Попытки продолжить экспедицию были возобновлены П.С. Лебедевым–Ласточкиным в последующие годы на бригантине «Святая Наталья» в компании с иркутским посадским Д.Я. Шабалиным.

Выйдя из Охотска в сентябре 1776 г., экспедиция перезимовала на Урупе, и в начале 1778 г. Шабалин на трех байдарах плавал на Итуруп, где было принято решение отправиться далее – на остров Матмай. 19 июня 1778 г. Шабалин передал японским чиновникам в районе Ноккамапу, восточнее Нэмуро, письмо М.К. Бема с предложением о торговле. Японцы сослались на необходимость получить ответ своего начальства: «Что касаетца для торгу, заявили японцы (по словам Антипина), – то мы [японцы] теперь без дозволения своего монарха приступить опасны, разве для дружества и с первого случаю однеми презентами... а торгу не производить»¹³², – и предложили россиянам вернуться за ответом в июле следующего года на остров Кунашир. Вероятно, клан Мацумаз не желал идти на конфликт с центральными властями из-за торговли с Россией, но и возможность получения выгоды от этих экономических связей тоже не хотел упускать, почему для следующей встречи был избран мало посещаемый центральными чиновниками Кунашир.

Вернувшись в Охотск, экспедиция доложила о своих успехах местным властям, которые были весьма довольны и даже просили за эти заслуги пособствовать П.С. Лебедеву-Ласточкину в получении монополии на торговлю с айнами и японцами¹³³.

Вдохновленные своими первыми успехами Антипин и Шабалин в 1779 г. отправились в условленное с японцами место встречи. После трех недель ожидания в августе экспедиция вновь прибыла на остров Хоккайдо, где после нескольких встреч 26 августа японцы известили россиян о запрете властей торговать на Матмае: «Иностранный торговли ограничивается исключительно портом Нагасаки, и так как в остальных местах она совершенно не разрешается, то сколько бы ни просили, позволения дано не будет. В будущем переплыть море и приходить сюда совершенно бесполезно»¹³⁴. Торговлю же между странами было предложено осуществлять через айнов острова Кунашир: «В будущем же, если что понадобится, то присылайте с острова Урупа мохнатых курильцев и мы с ними передадим вам потребное»¹³⁵.

После обмена подарками Антипин и Шабалин вернулись на Уруп, где предполагалось провести зиму. Неожиданно на острове началось землетрясение, в результате которого пострадала «Святая Наталия». Участники экспедиции кое-как сумели добраться до материка и в следующем, 1780 г., вернуться в Большерецк.

В итоге экспедиции Лебедева-Ласточкина на четырех южных островах было обложено ясаком 1500 айнов, добыты некоторые данные о географическом положении южных Курильских островов, но в целом задания инструкции выполнены не были. Иркутский губернатор Франц Кичка придавал успехам Антипина и Шабалина столь малое значение, что даже привезенные ими японские вещи отправил в Петербург с оказией, считая их недостойными «нарочной с ними посылки». Лебедев-Ласточкин, снарядивший два судна для этой экспедиции, после гибели своих кораблей находился на грани полного разорения, если бы ему не была оказана помощь казны¹³⁶.

Несмотря на все неудачи, постигшие эту экспедицию, она имеет большое значение как для истории изучения и освоения Курильских островов русскими, так и для зарождавшихся русско-японских отношений.

Иваном Антипиным и его товарищами была составлена новая подробная карта Курильских островов. В своей работе «Первооткрыватели Курильских остро-

вов» Б.П. Полевой приводит мнение об этом документе знатока Курильских островов геолога Ю.С. Желубовского, который «рассматривая эту карту, поражался точности многих ее деталей и даже высказал предположение, что по этой карте можно было бы получить некоторое представление о том, как два века назад выглядели некоторые из островов Курильской гряды»¹³⁷. В экспликации карты подробно описаны 22 курильских острова, их размеры, население, флора и фауна. О двадцатом острове Кунашир сказано, среди прочего, о торговых связях его жителей с японцами. «22-й назван островом Аткисом, а точно находится, что остров Матман. А Аткис видно то место именующее где был ундер-афицер и японский ученик Иван Очередин тогда, где видел японцев на бусах и мохнатых курильцах для торгу японских мелочей на китовые, нерпичье и всякое сало»¹³⁸.

Оценка этой стороны экспедиции, организованной П.С. Лебедевым-Ласточкиным высока не только среди отечественных исследователей. Ее достижения в деле изучения и освоения Курильских островов признаются и зарубежными историками. Так, Джон Стефан отмечает: «К 70-м гг. XVIII в. русские побывали почти на всех островах Курильской цепи и этим они почти единолично провели предварительное обследование архипелага. Их достижения более чем замечательны, если учесть суровые климатические условия и скучные ресурсы, имевшиеся в их распоряжении. ... Несмотря на вседесущие затруднения, пережившие [их] пересекли во всю длину архипелаг, картографировали его контуры, определили его местоположение по отношению к Японии и похоронили некоторые древние картографические иллюзии»¹³⁹.

Эта же экспедиция продемонстрировала достижения в изучении японского языка в России на впервые проводившихся переговорах между русскими и японцами (И. Антипин и И. Очередин являлись выпускниками иркутской школы японского языка). Приобретенный в ходе этих контактов между двумя народами опыт был учтен при подготовке первого официального посольства в Японию.

В 80-х годах XVIII в. интерес к островам Тихоокеанского севера и Японии среди купеческих компаний Сибири, местной администрации этого региона, и даже

правительства, еще более усиливается. Это связано с покушениями «со стороны английских торговых промышленников на производство торга и звериных промыслов» в этом районе. В 1785 г. Екатерина II подписала указ о снаряжении научной экспедиции в северо-восточную часть Тихого океана под руководством капитана И.И. Биллингса. Однако из-за войны с Турцией планы этой экспедиции так и не были реализованы. Но в этот же период подвернулся более благовидный предлог для посещения Японии, чем научная экспедиция.

В 1783 г. на Алеутские острова штормом было занесена большая (16 человек) группа японцев. В компании местных жителей и находившихся здесь русских промышленников японцы прожили на острове Амчитка около четырех лет, обучаясь русскому языку. За это время прибывшая группа убавилась на 7 человек¹⁴⁰. В 1787 г. японцы с русскими промышленниками сумели добраться до Камчатки, где потеряли еще трех товарищей умерших от цинги. Испытав на полуострове лишения от непривычных условий жизни и пищи, из Нижнекамчатска 6 выживших иностранцев в 1789 г. прибыли в Иркутск. Здесь судьба свела их с академиком Эриком (Кириллом) Лаксманом, взявшим на себя многие заботы об устройстве дальнейшей судьбы японцев¹⁴¹.

Первоначально, по уже установившейся традиции, японцам согласно указанию иркутского и колыванского губернатора И.В. Якоби было назначено казенное содержание, и наиболее грамотные из них были определены учителями японского языка. Однако часть прибывших в Иркутск японцев такой вариант не устраивал. Глава группы – Дайкокуя Кодаю, настойчиво стремился вернуться на родину, и впервые в России такое стремление японца нашло поддержку и отклик. Э.Г. Лаксман в 1789 г. вместе с Т.О. Ходкевичем написали первое прошение о возвращении японцев на родину, в ответ на которое руководство России предложило японцам стать чиновниками. Кодаю и Э.Г. Лаксман решили не сдаваться и отправили в столицу второе прошение, ответ на которое пришел 3 февраля 1790 года, в котором говорилось, «что если у Кодаю нет желания стать чиновником, то он может сдаться купцом. В этом случае ему будет дан необходимый капитал, он будет осво-

божден от налогов и для него будет построен дом»¹⁴². Но Кодаю продолжал упорствовать в своем желании, и уже через 4 дня в столицу ушло третье прошение, где вежливой форме отклонялись сделанные предложения и величайшим благодеянием по отношению к японцам называлось возвращение их на родину¹⁴³.

В это же время новый иркутский и колыванский губернатор И.А. Пиль, ознакомившись с состоянием дел, составил проект об отправке посольства в Японию¹⁴⁴. Такую же идею изложил Э.Г. Лаксман в своем письме, отправленном вместе со сведениями о японской торговле в апреле 1790 г. А.А. Безбородко, фактически исполнявшему обязанности министра иностранных дел.

Прождав ответ на третье прошение до января 1791 г., Э.Г. Лаксман, которого вызвали в столицу, решил взять с собой Кодаю, чтобы в Петербурге совместными усилиями добиться положительного решения интересующего обоих вопроса. Прибыв в столицу, Кодаю при посредничестве Э.Г. Лаксмана подал четвертое прошение о возвращении на родину. Одновременно профессор написал письмо А.Р. Воронцову, президенту Коммерц-коллегии, к которому приложил «Представление о японском торге». В этом документе Лаксман не только дал краткий обзор внешних японских связей, но и предложил использовать возвращение Кодаю как предлог для установления торговли с его родиной. Здесь же высказывалось опасение, что промедление в этом направлении для России может оказаться губительным, т.к. англичане и голландцы уже делали предложения Кодаю вернуться в Японию на их кораблях¹⁴⁵.

28 июня 1791 г. Э.Г. Лаксману и Кодаю была дана аудиенция, на которой Екатерина II выслушала рассказ японца обо всех бедствиях и его устную просьбу о возвращении на родину. Позже Кодаю еще несколько раз приглашали к Екатерине II, ее сыну Павлу инуку Александру Павловичу. Везде японец рассказывал о своей стране, показывал привезенные с собой вещи и книги¹⁴⁶, способствуя, таким образом, более близкому знакомству ч Японией правящих кругов России.

Помимо посещения венценосных особ, Кодаю бывал в домах знатных вельмож, иностранных посланников, а также пополнял знания Э.Г. Лаксмана о своей

родине рассказами, исправляя имеющиеся карты Японии и чертят новые. Осенью 1791 г. стало известно о повелении Екатерины II отправить Кодаю и его спутников на родину¹⁴⁷. 13 сентября государыня подписала указ иркутскому и колыванскому губернатору И.А. Пилью «о возвращении спасшихся при разбитии судна при Алеутских островах японцев в их отчество», в котором повелевалось на судне с российской командой отправить из Охотска «на всем казенном содержании помянутых японцев»¹⁴⁸.

Главной целью этой экспедиции было установление торговых связей с Японией «тем паче, что никакому европейскому народу нет столько удобностей к тому, как российскому, в рассуждении ближайшего по морю расстояния и самого соединства». При возвращении японцев предписывалось «отозваться открытым листом к Японскому Правительству с приветствиями и с описанием всего происшествия, как они в Российской области привезены были и каким пользовались здесь призрением, что с нашей стороны тем охотнее на оное поступлено, чем желательнее было всегда здесь иметь отношения и торговья связи с Японским Государством, уверяя, что у нас всем подданным Японским, приходящим к портам и пределам Нашим, возможные пособия и ласки оказываемы будут»¹⁴⁹. О том, что главной целью было установление торговых отношений между Россией и Японией, свидетельствует и привлечение к посольству сибирских купцов. И.А. Пиль должен был уговорить участвовать в этой поездке купцов или их приказчиков с товарами¹⁵⁰, чтобы те могли на месте завязать торговые связи с японцами. Дабы не уронить престижа империи в глазах всего мира в случае неудачи, посольство отправлялось от имени иркутского и колыванского губернатора.

Главой миссии был поставлен второй сын Э.Г. Лаксмана – 26-ти летний поручик Адам Кириллович Лаксман. Капитаном бригантины «Святая Екатерина», выбранной для посольства, поставили Василия Федоровича Ловцова, начальника Охотского порта. Он же выполнял обязанности штурмана. Вторым помощником стал уже бывавший на острове Матмай Д.Я. Шабалин. Сын японца Тёсуке – сержант геодезии Иван Филиппович Трапезников был назначен управляющим делами,

ученик японского языка – Егор Иванович Туголуков – переводчиком. Губернатору И.А. Пилю удалось привлечь к участию в экспедиции сибирское купечество. На «Святой Екатерине» в Японию отправились два купца – В.Н. Байбиков и И.Г. Полномошный с образцами русских товаров.¹⁵¹ Кроме того, на средства компании Шеллихова-Голикова и купца Рохлецова было закуплено множество товаров и подарков. Само государство потратило на снаряжение экспедиции достаточно большую сумму. Из отпущенных казной 36 318 рублей на подарки японскому правительству, на снаряжение судна было израсходовано 23 217 рублей 69 ¼ копеек, и на жалование и расходы в пути – еще 3 686 рублей¹⁵², что показывает серьезное отношение к первому посольству в Японию.

13 сентября 1792 г. «по приугощлении всего нужного и по снаряжении и укомплектовании судна всем к путешествию... потребным»¹⁵³ «Екатерина» покинула Охотск, увозя к берегам Японии трех ее жителей (Кодаю, Коити и Исокити). В России два их товарища по скитаниям, принявших во время болезни христианство и потому не могущих вернуться на родину¹⁵⁴.

Немногим менее чем через месяц, 7 октября 1792 г., судно «Св. Екатерина» бросило якорь у берегов острова Хоккайдо. Во время своей второй высадки на его берег, 8 октября, помимо айнов русские встретили здесь шестерых японцев. Первый из них «был надзирателем от начальства матмайского для сбору податей и разных пошлин с продаваемых курильцами японским купцам товаров, другой прикащик матманского купца, который на островах 20-м и 21-м и на сдешнем, некоторые пристани на откупу от губернатора имеет; прочие же 4 человека были их служители»¹⁵⁵. Японцы пригласили русских в свой дом и угостили ужином, а на следующий день по их просьбе препроводили бригантину в ближайшую удобную гавань (залив Нэмуро). Здесь русские сообщили находившемуся в тех местах чиновнику цель своего приезда, о чем тут же было отправлено донесение в центральный город княжества – Мацумаэ. Японцы разрешили построить в Нэмуро несколько зданий для зимовки, а 12 октября направили губернатору Матмая (остров Эдзо, Хоккайдо) письмо А. Лаксмана, в котором излагались причины и цели визита русского судна.

Через два месяца, 13 декабря, прибывшие из столицы княжества Мацуэ чиновники Судзуки Кумадзо и врач Като Кэнго Киотоси, сообщили, что губернатор получил письмо и свое донесение обо всем отправил в столицу – Эдо, и направил их сюда сообщить об этом, а также «для охранения вас [русских] от притеснений, могущих встретиться от курильцев, … для вспомоществования, естьли вам в чем надобность случится»¹⁵⁶. Такое внимание со стороны японцев было вызвано японскими законами о самоизоляции Японии, согласно которым пребывание любого иностранца в этой стране должно контролироваться японскими чиновниками. Одновременно это являлось и дружеским жестом, стремлением помочь гостям, если «в чем надобность случится». Кроме того, для японцев были крайне нежелательны контакты между русскими моряками и айнами северо-востока острова, проявлявшими непокорность японским властям. Поэтому администрация княжества Мацуэ стремилась не допустить общения русских и айнов под предлогом защиты первых «от притеснений, могущих встретиться от курильцов».

29 декабря в Нэмуро прибыли еще два чиновника – Танабэ Якудзо и Такусаки Рэндзиро, а также врач Гэнъян Имаи. Они нанесли Адаму Лаксману визит, во время которого расспрашивали о расстоянии от России до Японии, величине страны, различных обычаях, о фабриках, заводах, а также о ремеслах, внимательно рассматривали золотые, серебряные и медные монеты, карту и просили позволить снять с нее копию. Кроме того, японцы сделали модели и чертежи виденных предметов, в том числе корабля, октанта и инструментов¹⁵⁷.

Если чиновники княжества Мацуэ не спешили требовать удаления русского корабля от своих берегов потому, что надеялись извлечь экономическую выгоду от торговли с близлежащей Россией, то в случае со столичными чиновниками ситуация была несколько иной. После восстания айнов, расследуя его обстоятельства, Матмайские власти стремясь снять с себя ответственность, отписали в столицу, что не управляют ни островом Кунашир, ни севером острова Хоккайдо, хотя и посылают туда своих торговцев. Поэтому глава правительства Мацудайра Саданобу в

1782 г. в «Записках об обращении с русскими» писал, что так как известно, что Немуро не является территорией Японии, то гнать их оттуда не должно¹⁵⁸.

Решение вопроса об установлении торговли с Россией оказалось более сложным. Близость России позволяла получать те же товары, что привозили голландцы, но по более низкой цене. В то же время это означало нарушение традиционной политики изоляции страны, которая позволяла столь долго сохранять в Японии существующее положение. При получении в Эдо сообщения о прибытии на Хоккайдо русского корабля, в окружении сёгуна четко обозначилась как группа сторонников продолжения изоляции страны, так и группа людей, в основном из числа рангакуся (голландоведов), выступавших за разрешение внешней торговли не только с Россией, но и со странами Запада¹⁵⁹. Среди сторонников завязывания торговли с Россией не было единогласия: одни предлагали согласиться на торговлю в областях обитания айнов, вторые – торговать в Нагасаки, где можно было установить строгий надзор. Трудно согласиться с мнением Л.Н. Кутакова, считающим главу правительства Мацудайра Саданобу категорическим противником открытия Японии, особенно для России¹⁶⁰. Глава сёгунской администрации был вынужден считаться и с необходимостью обеспечить безопасность севера страны, не допустив туда иностранцев, и с возможностью улучшить финансовое положение государства за счет разрешения торговли с Россией. Находясь в затруднительном положении, конфуцианец Мацудайра Саданобу начал искать прецедент в истории, опираясь на который можно было бы принять решение. Европейцы свои последние официальные попытки завязать торговые отношения предпринимали в конце XVII века (в 1674 г. – англичане, в 1685 г. – португальцы), и в обоих случаях был дан отказ. Португальцев ненавидели в Японии как источник «христианской ереси», а английская королева была португалкой, но России на этих основания отказать было невозможно, так как она не являлась даже союзником Португалии. После долгих поисков было решено сослаться на прецедент 1727 г., когда король Камбоджи приспал подарки и правительство дало лицензию на приход судна в Нагасаки, где обещалось обсудить все вопросы¹⁶¹. Такое решение проблемы отодвигало необходимость решать вопрос об

открытии страны и давало время для более тщательного обдумывания создавшегося положения. Если же Россия не направила бы корабль в Нагасаки, то это бы еще более упрощало ситуацию.

Зарубежные историки по-разному оценивают решение, принятое М. Саданобу. Часть, например, японский историк Сигэтадо Манабэ, считают, что глава правительства в тот момент не хотел начинать торговлю с Россией. С ним не согласны Ё. Корияма и многие другие, считающие, что корабль был направлен в Нагасаки, так как Саданобу не желал освоения острова Матмай, но не был против торговли с русскими, которую предполагалось разрешить именно в этот период¹⁶². Есть и более радикальная позиция, на которой стоит, например, Дональд Кин, утверждающий, что при немедленной отправке русских в Нагасаки, правительство дало бы положительный ответ на их просьбу¹⁶³.

Так или иначе, но решение было принято, и правительство уполномочило чиновников Исикава Сёгэн Тадафуса и Мураками Дайгаку Ёсихиро вручить русским свой письменный ответ. Прибыв в Нэмуро, 1 мая 1793 г. чиновники известили Лаксмана о том, что ему следует отправиться по сухе в город Матмай, где будут приняты привезенные японцы и решены все вопросы: «По высланному вашему письму к матмайскому губернатору от декабря 12 числа прошедшего года и представленному от него при донесении в столицу нашу на рассмотрение для должностного по оному исполнению; чего для его величества наш император и благоволил послать для распределения и совершенного разрешения в 4-й день января сего года в Матмай двух 5-й степени чиновников, которые туда 26 февраля и прибыли, и нас трех человек от себя, и четырех матмайских чиновников марта 18 числа в здешнюю пристань как для встречи вашей, так и для объявления вам, начальствующему российскому чиновнику и кому следует, чтобы итти до города Матмаю с ними вместе сухим путем»¹⁶⁴. Такой вариант не устраивал русскую миссию, поэтому А.К. Лаксман вместе с капитаном В.Ф. Ловцовым при помощи ссылок на предписания своих властей, долгие проволочки, вызываемые сухопутным путешествием и опасность

для корабля и экипажа второй зимовки сумели настоять на том, чтобы «Святая Екатерина» могла следовать в ближайший к Матмаю порт Хакодате.

Месяц – с 4 июня по 4 июля русская бригантина добиралась из Нэмуро в Хакодате, лавируя из-за ветров между островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хоккайдо. Наконец, 6 июля посольство сошло на берег. После обсуждения деталей путешествия в Матмай 13 июля одиннадцать русских, Кодаю и Исокити (Коити к этому времени умер от цинги) отправились в столицу княжества. По прибытии посольства началось обсуждение вопросов, связанных с переговорами и сопутствующим им этикетом. «Пришли ко мне двое эдовских чиновников», – пишет в своем журнале А. Лаксман, – «и спрашивали меня об обряде..., так ли, как у них в обыкновении без сапогов и башмаков, чтоб кланяться в землю и сидеть на коленях или лежать на одном боку? Говорил им: что всего сего исполнено быть не может, во-первых, как имеем не такое как у них длинное и пространное платье, в котором они хотя и вовсе будут ходить босыми, не может быть приметно снаружи; естьли же в нашем раздеться, не будем уже совершенно по обряду с обыкновением сообразующего должного виду иметь. В рассуждении же поклонения в землю и чтоб сидеть на коленях, у нас сего и в обыкновении нет, чтоб перед начальниками, такими же смертными людьми столь низко унижаться... . Далее показывал им, как кланяемся в засвидетельствовании почтения, что видя говорили: что у них стоять есть непочтительно. Ответил: мы от них не требуем, для нас равно в каком бы поклонении они не были. Затем и мы против своего обыкновения ничего в противность сделать не можем, для чего хотели [японцы] о сем дожожить и через два часа пришли с ответом, что их начальники на все, как им угодно, соглашаются»¹⁶⁵. Это была пусть маленькая, но все же победа русского посольства.

17 июля состоялась первая встреча А. Лаксмана со столичными чиновниками. В ходе встречи посланник сообщил о своем поручении отправиться в Эдо, чтобы вручить правительству письма, передать привезенных японцев и договориться о будущем содружестве России и Японии. Японская сторона, в свою очередь, возвратила письмо от 12 декабря 1792 г. под тем предлогом, что русский язык они не знают, а перевод совершенно непонятен из-за большого количества помарок, и и-

роглифы трудно распознать, «поэтому во избежание всяких недоразумений отвечать на них подробно очень затруднительно»¹⁶⁶.

20 июля переговоры были продолжены. Был заслушан японский перевод письма И.А. Пиля, но его обсуждать не стали, объяснив, что вопросы с представителями иностранных государств нигде кроме Нагасаки обсуждаемы быть не могут. А если есть у России намерение заключить трактат, то японцы могут разрешить русскому кораблю вход туда. В тот же день Кодаю и Исокити были переданы столичным чиновникам, на чем собственно переговоры закончились.

21 июля А. Лаксман получил от японцев расписку в принятии ими соотечественников¹⁶⁷, и в этот же день он объявил о своем желании нанести визит губернатору Матмая, чтобы выразить свою благодарность за прием и преподнести подарки. Это намерение было пресечено под тем предлогом, что губернатор «для Вас сделал и делает, сие исполняет по полученному от его тензин-кубосского величества повелению, да и чего на него смотреть – он мальчик»¹⁶⁸.

23 июля 1793 г. состоялась последняя официальная встреча сторон, ведших переговоры. Здесь Лаксману были вручены два документа: «О запрещении иностранным судам посещать японские порты» и «Свидетельство для прибытия в Нагасаки одного русского корабля». В первом документе достаточно просто объяснялись законы о запрете «с моря приходить иностранным судам» и взятии в плен таковых, «есть ли же какия придут», кроме голландцев, приходящих только в Нагасаки. Далее говорилось о том, что россиян отпускают обратно, так как уважают то, что привезли поданных Японии и понимают, что этих «законов еще не ведали». После чего достаточно подробно японцы объясняли почему посольство задержали на Матмае и не пустили в Эдо, предложив передать привезенных Кодаю и Исокити на месте, специально прибывшим столичным чиновникам¹⁶⁹.

Смысл «Свидетельства для прибытия в Нагасаки одного русского корабля» сводится к следующему: «Позволяя великого Российского государства одному судну иметь вход в Нангасацкую гавань; изъяснив уже, что исключение оной в прочия места иностранным судам приставать возбранено, и повторяя о нетерпимой в На-

шем Государстве веры Христианской; дабы по прибытии, оной образом служения и жертвоприношения, ниже знаков не было; а во всем, естьли какое условие будет, то поступать без противности нашему закону, по врученному от нас предписанию»¹⁷⁰.

Чиновники отклонили просьбу Лаксмана показать русские товары населению, а также лишили возможности произвести товарообмен, снабдив для этой цели «Святую Екатерину» все необходимым для возвращения на родину, и следя, чтобы местные жители на лодках не подплывали к кораблю¹⁷¹. Перед отъездом из Матмая Лаксман через чиновников передал некоторые подарки губернатору и самим представителям центральной администрации. В основном это были книги, а также изделия из стекла, шкуры и ткани.

11 августа первое русское посольство покинуло берега Японии. 8 сентября 1793 г. после годичного отсутствия Лаксман с членами своей экспедиции вернулся в Охотск. А 25 января 1794 г., Адам Кириллович уже был в Иркутске, где после долгой разлуки вновь увиделся со своим отцом.

Организаторы экспедиции сразу же по ее возвращении дали положительную оценку достигнутым результатам. Иркутский и колыванский губернатор И.А. Пиль в рапорте Екатерине II от 28 февраля 1794 г. писал о том, «что следствие сей экспедиции доставило некоторое на первый случай удовлетворение» намерениям императрицы, «простирающимся через торговлю с Японией открыть новую отрасль и новое приращение коммерции»¹⁷². Э.Г. Лаксман отмечал не только политические, но научные успехи экспедиции. Несомненным достижением своего сына Эрик Лаксман считал и то, что ему «не было... нужды отрекаться от имени христианина и ругаться над крестом, не было надобности подвергаться насмешкам или представлять шута, как то с голландцами случилось, но был принят с нарочитым уважением»¹⁷³.

На основании докладов, записок, вещей, представленных в правительство, все участники первого посольства получили соответствующие награды. Э.Г. и А.К. Лаксманы вместе с В.Ф. Ловцовым летом 1794 г. были приняты Екатериной II и в это же время получили соответствующие награды. Глава посольства, Адам Кирил-

лович Лаксман, был повышен в чине до VII разряда (коллежский асессор) и поучил право изобразить на своем гербе японские сабли, которые он в качестве подарка привез из Японии, и которые Екатерина II оставила у него. Василий Федорович Ловцов получил чин поручика (XII разряд). Сын японца – Иван Федорович Трапезников, стал уездным землемером Иркутской губернии в чине прапорщика (XIV разряд). Егор Иванович Туголуков получил чин коллежского переводчика. Купец В.Н. Байбиков был награжден золотой медалью. Э. Г. Лаксман был награжден суммой в три тысячи рублей, получив на следующий год за свои заслуги орден Святого Владимира и чин коллежского советника (VI разряд). Не были забыты и оставшиеся в России японцы. Сёдзо (Ф.С. Ситников) и Синдзо (Н.П. Колотыгин), ставшие учителями японского языка, стали получать повышенное жалование¹⁷⁴.

В Японии факт прибытия на север страны иностранного судна стремились сохранить в тайне. Кодаю и Исокити после допросов сёгуна, которые были тщательно записаны, по приказу властей были отправлены в одно из владений главы государства, дабы «они попусту не рассказывали о том, что видели в чужих странах»¹⁷⁵. Здесь они жили со своими семьями на назначенное ежемесячное государственное пособие¹⁷⁶. Известно, что после возвращения у Кодаю родился сын – Дайкоку Байнин, ставший видным ученым. В возрасте 78 лет, в 1828 г. Кодаю умер, так и не будучи освобожденным от контроля сёгунской администрации. В 1834 г. семидесятилетним стариком умер Исокити¹⁷⁷. (См. прил. 1)

Сведения, полученные от Кодаю и Исокити, легли в основу ряда рукописей, рассказывающих о приключениях японцев в чужой стране, и дающих информацию о России времен правления Екатерины II: «Оросиякоку суймудан» («Сны о России»), «Синсё-мару хэминки» («Запись об унесенных на корабле Синсё-мару»), «Хэмин горан-но ки» («Запись о приеме потерпевших кораблекрушение») и др. Наиболее ценным является труд одного их адресатов Эрика Густавовича Лаксмана – Кацурагава Хосю, – «Хокуса монряку» («Краткие сведения о плавании в северных водах»). Основываясь на записях допросов Кодаю и Исокити, голландских и

китайских источниках, он создал наиболее полную и точную работу японского автора о современной ему России XVIII в.

Несомненно, что рассказы Кодаю и Исокити о России, сам факт их возвращения на родину при помощи россиян, изменили мнение сёгунской администрации о нашей стране. О перемене, произошедшей в отношении японцев к России, свидетельствуют, например, записи разговоров с японскими чиновниками, сделанные А.К. Лаксманом в его журнале: «Еще проговаривал Яссузо: «Я думаю, естли император наш позволит своим подданным производить торговлю с подданными вашего государства, голландцам не весьма оное понравится, в рассуждении, как мы видим, у вас все то же, что и они к нам привозят, только в том разница, как, по видимому, Российское государство весьма в близком расстоянии от нас, нежели в какой отдаленности Голландия»¹⁷⁸.

Под влиянием рассказов о России в Японии активизируется движение за «открытие» страны. Часть правительства, которая во время дискуссии по письму А. Лаксмана выступала за установление торговых отношений с Россией, с нетерпением ожидала прихода русского корабля в Нагасаки, полагая, что их северный сосед серьезно заинтересован в установлении двусторонних связей¹⁷⁹.

Тем временем, в России начали обсуждать планы организации нового посольства в Японию. 7 декабря 1795 г. Э.Г. Лаксман направил на имя Екатерины II доношение с предложением послать в 1796 г. в Нагасаки купеческое судно, поскольку торгующие «в Иркутске и по Северо-Восточному океану» купцы проявили большой интерес к Японии. Сама мировая обстановка, когда основные европейские народы были заняты Францией, по мнению Лаксмана, позволяла не опасаться конкуренции «утверждению с японцами торгового знакомства». В «Доношении» указывался и предлог для организации новой экспедиции: «Видно, что провидение определило высокославнейшее время царствования его императорского величества также и к тому, чтобы Россия во оное короче познакомилась с Японией, ибо прошедшее лето возвратившееся с промыслом из Северо-Восточного океана судно па-

ки привезло 15 человек японцев, найденных по разбитии их судна на Андреяновском острове, в Охотской порт»¹⁸⁰. (См. прил. 1)

Не отставал от Лаксмана в стремлении использовать столь удобный момент, чтобы попасть в Японию и «Колумб российский» Григорий Иванович Шелихов, активно осваивавший в это время Русскую Америку.

Под таким нажимом, признавая те выгоды, которые могли последовать, на рапорте иркутского и колыванского губернатора И.В. Селифонтова, который предлагал доставить привезенных японцев в их отчество «дабы пользуясь Сим Случаем можно было приобрести обстоятельнейшее о Японии сведение и способствовать распространению в том крае российской торговли», Екатерина II написала: «Не оставить без исполнения». Вполне возможно, что вскорости японцы увидели бы родные берега, но в 1795 и 1796 гг. умирают наиболее заинтересованные в этом люди. 20 июля 1795 г. скоропостижно скончался Г.И. Шелихов. 5 января 1796 г., направляясь в экспедицию, которая должна была побывать в Японии, на ямской станции Дресвянской умер Э.Г. Лаксман. 8 ноября того же года умерла императрица Екатерина II.

Однако оставался иркутский и колыванский губернатор И.В. Селифонтов, обратившийся 9 февраля 1797 г. к генерал-прокурору с просьбой повлиять на Павла I, дабы тот выделил казенное судно, средства на организацию экспедиции и чиновника, который мог бы вести переговоры с японцами и имел представление о торговле¹⁸¹.

В Иркутске в это время развернулась борьба между купеческими компаниями, желающими вести торговлю с Японией, что было вызвано не только успехом посольства Лаксмана. Развитие пушных промыслов на Алеутских и Курильских островах, на Аляске требовало решения задачи снабжения поселений в этом регионе. Установление торговли с Японией могло решить многие проблемы, связанные с завозом туда продовольствия. На рассмотрение генерал-прокурора А.Б. Куракина было представлено четыре проекта «Иркутских и ино-

городних купцов об отправлении 15 японцев во исполнение воли покойной Государыни Императрицы»¹⁸².

Не дожидаясь решения из Петербурга, в 1797 г. в Иркутске была учреждена Коммерческая американская компания купца Н.П. Мыльникова, одной из задач которой было освоение южных Курил. Желание купцов осваивать Алеутские и Курильские острова, развивать торговлю с Японией и Америкой приветствовалось в столице. Поэтому 3 августа 1798 г. компания Н.П. Мыльникова была объединена с компанией Шелихова-Голикова в российско-американскую компанию, получившую в 1799 г. право на монопольную торговлю с Китаем, Голландской Индией, Филиппинами, Макао, на территории Северо-западной Америки, Алеутских и Курильских островов и в Японии¹⁸³.

После назначения корреспондентом Российской-американской компании в Петербурге Николая Петровича Резанова, мужа падчерицы Шелихова, в правлении компании усилилось влияние наследников последнего. В результате энергичной деятельности, развитой Резановым, правление компании было переведено из Иркутска в столицу, а акционерами компании стали многие придворные и даже сам Александр I. Таким образом, руководство Российской империи оказалось лично заинтересованным в успехах начинаний компании, поэтому, когда возникла идея первой кругосветной экспедиции, было решено в ее результате завязать торговлю с государствами Тихоокеанского региона, в том числе с Японией, чтобы таким образом способствовать освоению российских отдаленных владений.

Вопрос об организации кругосветной экспедиции был поднят в 1802 г. в проекте И.Ф. Круzenштерна, поддержанном вице-президентом Адмиралтейств-коллегии Н.С. Мордвиновым. По мнению автора проекта, в ходе экспедиции России было необходимо завязать торговлю со многими азиатскими государствами, и, прежде всего, с Японией, как расположенной наиболее близко к дальневосточным окраинам нашей страны. Одновременно капитан-командор Г.А. Сарычев сделал донесение Н.С. Мордвинову о состоянии русской торговли в Охотском kraе и перспективах развития русско-японских экономических отношений.

Предвидя, что организующаяся экспедиция посетит районы, монополию на торговлю с которыми имеет Российско-Американская компания, Главное управление компании подключилось к организации первого кругосветного плавания. 29 июля (10 августа) 1802 г. Главное управление Российской-Американской компании направило Александру I докладную записку, в которой излагались причины, побуждающие ее «к отправлению ныне в Америку транспортов своих от Санкт-Петербургского порта», и выгоды, могущие последовать от этого плавания. Главными причинами, побудившими управление Российской-Американской компании отправить суда из Санкт-Петербурга в Америку, являлись необходимость подкрепления главного правителя Баранова, находящегося на Кадьяке, «судами, людьми и разными потребностями» и дороговизна перевозок всего необходимого в Охотский порт сухим путем.

Перечень предполагаемых выгод от первого кругосветного плавания россиян, по мнению Главного управления Российской-Американской компании, достаточно обширен. Здесь можно привести лишь некоторые: «1, скорое подкрепление американского правителя [Баранова – И.С.] всеми надобностями ускорит успехи его в приобретениях и торговле. 2, отправление отсюда знающих кораблестроение людей и нужного к оному инструментов усилит в скором времени в Восточном море флаг в. и. в-ва. 3, новые источники торговли привлекут в недра государства изобилие... б, что, усовершенствовав на Курильском острове Александре [Уруп] начатое заселение, может компания неприметным для Японии образом открыть с нею торговлю посредством мохнатых курильцев и, кроме служащих к роскоши вещей, выменивать у них пшено и другие к пище служащие произрастения и со временем снабжать ими Камчатскую и Охотскую области»¹⁸⁴.

О выгодах от предполагаемой экспедиции Александру I писал министр коммерции Н.П. Румянцев, предлагая, «чтоб достойно воспользоваться всеми выгодами от важной экспедиции», «при сем удобном случае... основать прочным образом» торговлю с Японией. Н.П. Румянцев, точно также как и управление Российской-Американской компании, причиной, заставлявшей Россию искать возможности для

установления торговых отношений с Японией, называл необходимость снабжать американские поселения и «весь Северный край Сибири» сырьем, продовольствием и промышленными товарами. Для достижения этой цели министр коммерции предлагал императору «с отправляющимися ныне в Америку судами назначить к исполнению сего важного предприятия человека с способностями и знанием политических и торговых дел и..., поручить ему сделать японскому двору приличным образом правильное о достоинстве Российской империи внушение, положить тамо прочное основание торговли и постановить на предбудущее время дружественные отношения между обоими империями, столь тесно сопредельными»¹⁸⁵. Таким образом, видно, что в ходе посольства предполагалось установить не только торговые, но и дипломатические отношения с Японией. Эта же мысль была повторена министром коммерции в докладе Александру I и несколько позднее¹⁸⁶.

В качестве посла Российской-Американскую компанию и Александра I устраивала кандидатура Н.П. Резанова, зятя Г.И. Шелихова, одного из членов правления компании. Незадолго до этого Н.П. Резанов овдовел, и в письме отставному тайному советнику И.И. Дмитриеву, в апреле 1803 г., писал о том, что государь, видя его скорбь по умершей жене, предложил путешествие и уговорил возглавить посольство в Японию¹⁸⁷. 10 июня 1803 г. был подписан рескрипт Александра I о назначении Резанова руководителем посольства¹⁸⁸.

Через месяц, 10 июля 1803 г., руководитель посольства получил разработанную на основе записки министра коммерции графа Н.П. Румянцева «О значении и перспективах развития торговли с Японией» «Инструкцию для руководства дипломатической миссии в Японии». Послу рекомендовалось не провоцировать японцев своим поведением и ответами на их вопросы (будьте «в ответах осторожны, и помните их, даже записывайте, так как японцы любят точность»)¹⁸⁹. В качестве цели посольства называлось открытие торга с Японией, в связи с чем давалось повеление «домогаться продления сего [листа на вход в Нагасаки] и не на 1 корабль, но распространить на многие», или «чтобы открыта была мена на остров Матмане»¹⁹⁰.

Кроме того, предполагалось выяснить, что известно в Японии о таких территориях, как Сахалин и устье Амура.

Об установлении торговли между Россией и Японией говорилось и в послании Александра I японскому императору. Император России просил о дозволении «купечествующему народу.., а паче жителям Кадьякских, Алеутских и Курильских островов, яко Вам соседственным, приставать не токмо в Нангасакскую гавань и не токмо одному кораблю, но и многим и в другие гавани с теми избытками, какие Вам благоприятны будут. ... На каких основаниях утвердить между подданными нашими торговлю и где приставать в портах Ваших торгующим моим подданным, поручил я посланнику моему,... действительному камергеру Резанову войти с министерством Вашего Тензин-кубосского в-ва в должные переговоры»¹⁹¹.

Все организаторы и участники посольства считали, что эта миссия, посылаемая от имени Александра I и с его грамотой японскому императору, будет успешной. В России полагали, что Резановым будут получены не только подарки, но и ответная грамота японского императора, и, что самое главное, разрешение на торговлю¹⁹². Поэтому уже в ходе плавания первой русской кругосветной экспедиции, Н.П. Резановым была заготовлена нота, «на случай, если б ему довелось трактовать в Иедо с Японскими министрами об основании, на каком должна быть поставлена торговля между Японией и Россией». Этот документ включал в себя 19 пунктов, содержащих условия, на которых Резанов намеревался заключить договор о торговле: открытие для русских кораблей портов на севере Японии, установление умеренных цен на пшено, обещание, что русские купцы будут подчиняться законам Японии, намерение прислать в 1807 г. суда со всем необходимым для основания русской фактории¹⁹³.

Японцы, прибывшие в Россию в 1795 г., теперь могли быть отправлены на родину. По примеру своих предшественников все они были вызваны в Петербург, тем более что корабли отплывали из Кронштадта. Четыре возвращавшихся домой японца встретились в столице с императором Александром I, осмотрели императорский дворец, оранжерею, обсерватории, театры, многие другие достопримеча-

тельности Петербурга и даже присутствовали на подъеме воздушного шара. На прощание все они были щедро одарены за счет казны¹⁹⁴.

26 июля 1803 г. корабли первой русской кругосветной экспедиции отбыли из Кронштадта, увозя с собой второе русское посольство в Японию и ее четырех граждан. В дороге японцы обучали посла своему языку, что позволило ему составить обстоятельное «Руководство к познанию японского языка, содержащее азбуку, первоначальные грамматические правила и разговоры»¹⁹⁵ и «Словарь Японского языка по Российскому Алфавиту собранный»¹⁹⁶, а также достаточно хорошо понимать разговоры японцев в Нагасаки.

26 сентября 1804 г., испытав предварительно на себе «жестокий штурм, которой превратился в так называемый тифон [тайфун]»¹⁹⁷, «Надежда» прибыла в Нагасаки.

Потянулись долгие дни ожидания разрешения на вход в Нагасакскую гавань. За это время Резанов познакомился со многими японскими чиновниками, регулярно посещавшими «Надежду», с представителями голландской фактории во главе с ее директором Дуфом¹⁹⁸. В процессе общения японцы убедились, что могут вести переговоры без голландцев, которых обе стороны подозревали в умышленном исказении переводимых фраз, так как моряки и японские переводчики достаточно хорошо объяснялись на голландском языке. Японцы неоднократно россиян спрашивали о целях посольства, о возможных предметах торговли, о России. Дабы избежать во время этих расспросов лишних объяснений, памятая о б пункте данной ему инструкции, Резанов составил перечень вопросов, которые могли быть заданы посольству, и ответов, ознакомив с перечнем своих подчиненных¹⁹⁹.

В частных беседах с японцами Н.П. Резанов более всего настаивал на переводе корабля ближе к городу и предоставлении ему места, где можно было бы выстроить дом для него и склады для подарков. 14 октября сообщили губернаторы Нагасаки, что отвели дом Резанову у деревни Кибачи (Кибатиура). В этот же день было дано разрешение отправить через голландцев два письма – «одно к государю, а другое от всех общее». Россияне, желавшие написать своим близким каждый,

решили в таком случае писать только к государю. 15 октября незапечатанное послание Александру I было отдано чиновникам, как того они требовали. 16 числа, после проверки, послание было запечатано для доставки в Россию²⁰⁰.

Не желая писать обо всех трудностях, с которыми они столкнулись, по пути в Японию и по прибытии в гавань Нагасаки, Резанов сообщил императору не обо всем происходящем: «Пришли мы 26-го числа сентября к Нангасаки благополучно. Правительство Японское приняло нас дружелюбно; офицерам Вашего Императорского Величества оставлены шпаги и караулу моему ружья. Мы введены в гавань в виду города, но приблизимся к нему не прежде, как через 25 дней по возвращении курьера из Иедо. Губернаторы приказали в знак гостеприимства доставлять нам припасы без платы и я хотя лично их не видел, но пользуясь их благосклонностью просил через банжосов [чиновников] отправить к Вашему императорскому величеству мои донесения с идущими в Батавию двумя Голландскими кораблями и вручил им в дубликате для доставления Вашему Императорскому Величеству оттуда разными судами. Капитан, Офицеры и Екипаж здоровы и благополучны и не имея возможность писать к их родственникам, всеподаннейше просят ваше Императорское Величество высочайше повелеть известить их чрез газеты о благополучном нашем сюда приходе или из Монаршей милости иначе их обрадовать»²⁰¹.

Длительное ожидание посольством позволения войти во внутреннюю гавань Нагасаки объясняется желанием японцев исключить всякие контакты русских с находящимися там голландскими и китайскими судами, о чем в открытую говорили и сами японцы²⁰². Гораздо более трудно объяснить, почему первоначально для размещения посольства был отведен более чем скромный участок с ветхим домом²⁰³. Сами японцы утверждали, что за недостатком времени ничего лучшего сделать они не могли. Однако очевидец событий, купец и комиcсионер от Российской-американской компании Ф. Шемелин, в своих записках отмечал, что была видна неискренность японцев, через «которую хотели только выиграть время; сие было очень видно»²⁰⁴. Резанов, сравнив выделенный ему участок и то беспокойство, которое причиняло японцам его посещение русскими, решил туда более не ездить,

предоставив возможность посещения Кибачи другим представителям посольства и офицерам, вызвав тем самым обеспокоенность властей Нагасаки. Трудно сказать, присутствовало ли здесь желание японцев твердо во всем следовать своим законам или это было неуважением к прибывшему посольству. 12 ноября вопросы, связанные с размещением русского посланника решились в его пользу. Прибывшие переводчики сообщили, что до объявления воли Двора губернатор не может пустить посланника в город, но, уважая его слабое здоровье и наступающую зиму, осмеливается преступить закон и очищает в городе один из домов. А для своего оправдания губернатор попросил от Резанова письмо с изложением обстоятельств, вынудивших местные власти так поступить²⁰⁵.

5 декабря в торжественной обстановке Резанов был перевезен в Нагасаки, точнее, его пригород – Мэгасаки²⁰⁶. Место для посольства было выделено против голландской фактории, где «в 1640 г. были принятые португальские послы и были жертвой японского правительства»²⁰⁷. Посольству была предоставлена возможность отремонтировать «Надежду» и хранить весь ее груз в специально построенных для этого складах. Резанову стало казаться, что вскоре его миссия достигнет желаемого результата. 8 декабря 1804 года в своем путевом журнале он записал: «Сего числа сказал мне переводчик за секрет, что мне здесь дом готовят, и что я скоро отправлюсь в Иедо, что уже начальник переводчиков и 5 переводчиков со мною назначены»²⁰⁸.

Но пошел декабрь, начался 1805 г., а приглашения в столицу так и не было. В феврале посольство наблюдало, и даже принимало некоторое участие в обрядах встречи Нового года. Чтобы показать свое дружеское отношение к тянувшим с рассмотрением дела японцам, Резанов принял решение лечиться у японских докторов, которые взяли с него и офицеров расписку в том, что никаких претензий в случае смерти посла не будет. Однако нетерпение и раздражение россиян с каждым днем возрастало.

Задержка с решением по просьбе Резанова связана с борьбой чиновников императорского и сёгунского дворов. После того, как совещание даймё (высших

феодалов) не смогло прийти к единому мнению, администрация сёгуна обратилась к императору. Духовный глава страны, обиженный тем, что лист на приход русского судна в Нагасаки был дан без его ведома, заявил о недействительности выданного Лаксману документа. Так как администрация сёгуна не желала идти на конфликт со двором императора, было принято решение отказать России в торговле. Тем самым одобрялся взгляд Хаяси Дангаку, считавшего, что если позволить торговлю с христианской страной, в данном случае – с Россией, то она распространит в Японии свою еретическую религию²⁰⁹.

Ожидавшие столичного чиновника нагасакские власти успокаивали Резанова, узнавшего о невозможности своего визита в Эдо тем, что и здесь все вопросы будут решены. После таких разговоров, обещавших завершение миссии к апрелю, россияне начали готовить «Надежду» к отплытию. Здесь имел место довольно интересный разговор, показывающий заинтересованность местных чиновников в расширении внешней торговли Японии: чиновники удивились, что россияне не хотят никого оставлять в Нагасаки, и предложили завести здесь такую же факторию, как и у голландцев²¹⁰.

Наконец, 14 марта Резанов был извещен о прибытии в Нагасаки ожидаемого чиновника – инспектора тайного надзора Кансиро Тояма. Началась подготовка к переговорам, выяснение вопросов церемонии встреч и общения двух сторон. Со стороны Резанова было много споров и нареканий, начиная с размещения во время переговоров его свиты, и заканчивая глубиной поклона российского посла. Японцы пошли навстречу многим требованиям посла²¹¹.

23 марта по безлюдным улицам Нагасаки, завешанным полосатым полотном, чтобы жители не могли ничего видеть, к дому губернатора прошествовала торжественная процессия. В первый день переговоров по просьбе чиновников Резанов изложил еще раз причину своего приезда и повторил просьбу об установлении торговых отношений. Представитель сёгуна, в свою очередь, заявил, что о позволении торговать никогда речи не шло, и что сёгун удивляется тому, что российский государь написал ему письмо, так как это запрещено. Резанов, воспитанный в европей-

ских традициях, был удивлен и заявил, что никто не может запретить его государю писать письма главам других государств, и что в Европе другие государи считают честью переписку с ним. На этом первый день переговоров был закончен под тем предлогом, что посол устал сидеть на полу. Следующая встреча была назначена на 24 марта.

На следующий день Н.П. Резанову был зачитан ответ из Эдо: «Наши земли в прежние времена с отдаленными землями имели не мало сношений, но по бесполезности оных заставило нас запретить купцам нашимходить в чужия земли, да и чужим купеческим судам приходить в нашу землю легко не позволять... токмо Китайская, Корейская, Джюонкмайская [с островов Рюкю] и Голландская приходить могут; но сие не для торговых выгод, а потому, что они издавна приходят и по особым причинам. Но так как ваша земля издавна не имела с нами сношений, в прежнее время неожиданно судно ваше привезло на Матмай спасенных людей наших и просило торговать, да и теперь а Нагасаки прибыли вы по дружески для открытия торговли,... Однакож по вашей просьбе о связях и делать договоры теперь невозможно. Наша земля с отдаленными землями не делает уже сношений с давнего времени,... Это наследственный закон для сохранения земель наших. Для одного посланника вашего как невозможно Верховному Советнику нашему переменить закон. ... Чтоб была польза, то должно променивать такия вещи, которые бы всем нам, а наши вам полезны были. Но разсуждая в Совете нашем нашли, что нам нужные наши вещи терять должно за бесполезные от вас и по нашим Государственным расчетам думаем, что сие благоденствию народному будет вредно: Легкомысленный народ для частных выгод цены иностранным вещам возвысит, чрез что нравы народные повредятся. По сему для сохранения своего народа от вреда торговли с другими землями не хотим, а без торговой дружбы запрещения на сношение по нашим законам ослабить не можно. – Это мнение нашего Верховного Совета, и потому приходить к нам по сему предмету будет тщетно»²¹².

Выслушав это заявление японских властей, Резанов объявил, что Россия не нуждается в торговле с Японией, проявив в этом чуть менее сдержанности,

чем следовало. В этот же день посольству было вручено «От Нангасакского губернатора объявление», содержание которого в целом повторяло заявление столичных властей²¹³.

Все привезенные посольством подарки отвергались, так как по правилам вежливости их принятие требовало ответного посольства, которое в соответствии с законами о самоизоляции организовано быть не могло. Также японцы отказались от денег за предоставленную им провизию, так как это был императорский дар.

В заключение беседы Резанов, которому постоянно говорили о пленении незаконно прибывших в Японию кораблей, попросил выдать ему охранный лист для «Надежды» на тот случай, если ее бурей прибьет к Японии. Также был поставлен вопрос о том, что делать с японцами, если их снова занесет в Россию. Ответ на эти вопросы должен был быть дан на следующий день.

Российские, «нангасакские и приехавшие из Миако купцы» надеялись на начало переговоров о торговле. Все они были огорчены отрицательным ответом японских властей. Причем местные купцы «явно роптали на несправедливость онаго [решения – И.С.], и ругая своих Обер-толков [переводчиков] называли их подлыми рабами голландцев, которым одним они отданы на жертву, не хотели верить, чтобы не через их открытые интриги и домогательства учинена сия несправедливость россиянам»²¹⁴. По итогам этих разговоров возникла версия о голландском вмешательстве, как одной из основных причин неудачи посольства²¹⁵.

Огорченный своей неудачей посол отказался принимать провизию и дрова, предоставленные по указанию сёгуна. Чтобы выполнить волю своих властей, губернатору Нагасаки пришлось уговаривать Резанова и объяснять ему, что в случае отказа русских, ему придется делать «харакири», чтобы спасти свою честь. Только тогда российский посол согласился принять дары сёгуна.

При прощании с губернаторами, 26 марта, Резанов еще раз повторил просьбу выдать охранную грамоту, чтоб чего не случилось, иначе произойдет «между обеими Империями неприятность». Признав справедливость требования послана, даймё

ответили, что это противоречит японским законам, и в случае непредвиденных обстоятельств будет достаточно просто показать бумаги от сёгуна.

27 марта привезенные на родину Гихэй, Сахэйда, Тадзюро и Цудаю были переданы представителям японских властей. Составляя список вещей, полученных ими в России в подарок, чиновники не только удивлялись их количеству: «Сии люди с таким именем будут жить как господа и ничего не делать», - но и говорили, что такими вещами Япония с Россией торг иметь полезно, опровергая тем самым официальное заявление властей²¹⁶.

Все оставшиеся до выхода «Надежды» из Нагасаки дни, японцы беседовали с Резановым, пытаясь объяснить ему причину отказа правительства и предлагая варианты сохранения отношений с Россией, в которых они были заинтересованы. Через эти разговоры в России узнали, что во время прихода Лаксмана при дворе боролись две партии вельмож, и тогда победили те, кто «были во мнении, чтоб в торговле Россиянам не отказывать». «Ежели б... прислали... после того в скорости или б по крайней мере в течение восьми лет, когда еще живы были те поддерживающие вашу [российскую] сторону вельможи, то вы не можете представить, с какою прязнию тогда б были приняты»²¹⁷.

При прощании правительство разрешило переводчикам принять от россиян в качестве подарка по одной вещи, также Резанов настоял на том, чтобы передать губернаторам три глобуса, четыре карты Российской империи, два экземпляра картинок народной одежды россиян. В свою очередь, переводчики по просьбе Резанова, тайно передали ему азбуку и японский подарок – золотой герб посланника, слепленный с его печати.

5 апреля 1805 г., выразив еще раз Н.П. Резанову уверения в своей преданности и надежде на скорейшее изменение ситуации к обоюдной выгоде, японцы торжественно проводили его на готовый к отплытию корабль. Русское посольство покинуло Нагасаки с тяжелым сердцем. Два года назад, когда составлялась инструкция посольству, правительство России было уверено в положительном решении во-

проса. Теперь же правительство Японии твердо отказалось устанавливать торговлю с Россией.

Чаще всего исследователи говорят, что главная причина неудачи второго русского посольства заключается в законах о «закрытии» Японии, и противодействии, которое оказывали при переговорах голландцы через переводчиков и лично²¹⁸. Но сами японцы, как это уже было показано, считали главной причиной отказа перемены, произошедшие в период между двумя посольствами в руководстве своей страны. Именно поэтому А.К. Лаксман получил разрешение на приход одного русского судна в Нагасаки, а Н.П. Резанов – столь решительный отказ. Еще на один фактор, решивший исход миссии Н.П. Резанова, указал профессор Ёсимидзу Корияма в своей работе «Исследование истории японо-русских отношений в конце периода сёгуната». По его мнению, приводимому К.Е. Черевко, отношение к установлению связей между Россией и Японией было изменено в результате активизировавшегося освоения последней стороной острова Хоккайдо и южных Курил. Претензии на территории, которые осваивала и Россия, усилили враждебное отношение к нашей стране и сыграли свою роль в вынесении решения по письму русского императора²¹⁹. Тем более что у японского правительства было время для выработки своей позиции по этому вопросу. За месяц до прибытия в Нагасаки «Надежды», туда прибыл голландский корабль с известием, что россияне намерены посетить Японию, а, следовательно, исход миссии был предрешен еще до получения в Эдо просьбы со стороны России об установлении торговых отношений.

На основании всего сказанного выше, можно утверждать, что на неудачный исход миссии Н.П. Резанова повлиял ряд факторов, среди которых можно выделить главный – затягивание в России с отправкой второго посольства.

В России понимали, насколько важным является установление торговых отношений с Японией. И.Ф. Крузенштерн писал о том, насколько необходима для России торговля с Японией: «Из японских продуктов для нас важны соль и сарачинское пшено: два предмета, которые Япония производит в изобилии и которые могут иметь сбыт с большою пользою не только в Камчатке, но и во всех частях

Северо-Восточной Сибири. Соль в Камчатке продается ныне по 10 и по 11 рублей ассигнациями за пуд, а пшено, доставляемое туда же из Японии, непременно обойдется дешевле, чем наша мука, перевозимая в кожаных мешках»²²⁰. Для сравнения цен на ржаную муку в европейской части России и в Охотске можно снова сослаться на И.Ф. Крузенштерна – 40 – 50 копеек за пуд против 8 рублей²²¹.

Но не только государство было озабочено решением проблемы снабжения Тихоокеанского региона России. Российско-Американская Компания, поселения которой были расположены на Аляске и островах севера Тихого океана, также стремилась решить этот вопрос, в том числе, и при помощи получения доступа на рынки Японии. Отказ Японского правительства устанавливать торговлю с Россией был болезненно воспринят Н.П. Резановым, представлявшим одновременно и государство, и купеческую компанию. Посол считал, что торговать с Японией необходимо, и после получения официального отказа он решил добиться этой цели любым способом. Именно поэтому на свет появился «Меморандум Н.П. Резанова японскому правительству в связи с отказом в установлении торговых отношений». В этом документе посол требовал или установления торговли на Матмае, или же он обещал принять «те меры, которые в народе будут гибельны и не возвратные произведут потери»²²². Естественно, что по уже указанным выше причинам Япония не могла разрешить торговлю, и по возвращении из Японии Резанов начал работу по воплощению в жизнь своих отнюдь не дипломатических замыслов.

Справедливости ради следует сказать, что одновременно с планированием мер, «которые в народе будут гибельны», Резанов рекомендовал правительству и Российской-Американской компании не упускать из вида торговлю с Японией: «Пошлите есъли будет возможно судно для торга в северной конец Японии с кроткими и дружелюбными наставлениями, и таком образом, превозмогая силу самых обстоятельств, расширите область упражнений Камчатки»²²³.

Однако силовое давление на Японию являлось для Резанова приоритетным. И здесь местом действия были избраны Курильские острова, на которые претендовали и Россия, и Япония, включившая в 1799 году официальным документом в со-

став Японии не входившие туда ранее Север Хоккайдо, острова Кунашир и Итуруп²²⁴. С этого момента возникновение споров из-за данных территорий стало неизбежным.

Таким образом, можно говорить, что во второй половине XVIII в. с привлечением к освоению Курильских островов и попыткам завязать русско-японские торговые отношения купцов и купеческих компаний, для России одной из важнейших задач, которые решались на Дальнем Востоке, является установление торговых отношений с Японией. Это было необходимо для того, чтобы получить возможность, в первую очередь, снабжать дешевым продовольствием территории, приобретенные в результате географических открытий землепроходцев и путешественников XVII – XVIII вв.

Заинтересованность в установлении торговых отношений с Японией выразилась в организации трех экспедиций к берегам этой страны. Первая из них – купеческая, была снаряжена в 70-х гг. XVIII в. по указанию администрации Восточной Сибири купцами П.С. Лебедевым-Ласточкиным и Д. Я. Шабалиным. Она сумела начать переговоры об установлении товарообмена между странами и получила предложение вести торговлю через айнов островов Кунашир и Итуруп, доставив «благоприятные надежды вступить некогда с народом сим [японским] в торговые связи»²²⁵. Эта экспедиция показала, что к 1779 г. южные Курильские острова были независимы от Японии, вследствие чего стало возможным приведение жителей 4-х из них в российское подданство.

Следующая экспедиция, имевшая статус посольства, отправленного от лица Иркутского и Колыванского губернатора специально для установления торговых отношений с Японией, по своему характеру может быть определена как полукупеческая – полугосударственная. По сравнению с экспедицией 1775 – 1779 гг., посольство во главе с А.К. Лаксманом добилось значительного успеха. Власти закрытой Японии передали руководителю миссии, прибывшей в непредназначенное для контактов с иностранцами место, выдали «Свидетельство для прибытия в Нагасаки одного русского корабля», – документ, который до этого выдавался голландцам и

китайцам. Для России это означало возможность в специально установленном месте вступить с японцами в переговоры об установлении официальной торговли.

Третья экспедиция, организованная в 1803 г., имела статус официального посольства. Однако и для нее вопрос о торговле с Японией был приоритетным. Именно поэтому в состав посольства были включены представители российско-американской торговой компании. Несмотря на то, что корабли этого посольства прибыли в Нагасаки по специальному листу, его основная цель в ходе переговоров не была достигнута. При том, что всеми участниками посольства 1804 – 1805 гг. была отмечена заинтересованность японцев в российских товарах, руководство Японии не удовлетворило просьбу россиян об открытии официальной русско-японской торговли, сославшись на законы «о закрытии страны». По окончании переговоров, их японские участники предложили россиянам вернуться к варианту, обсуждавшемуся в 1779 г. – торговля через айнов острова Кунашир. Главная причина того, что посольство 1804 – 1805 гг. не смогло закрепить успех миссии 1792 – 1793 гг., заключается в том, что за время, истекшее с 1792 г., в руководстве Японии произошли перемены, в результате которых у власти оказались люди, не желавшие расширения внешней торговли и, более того, опасавшиеся тех последствий, которые оно могло за собой повлечь («сие благоденствию народному будет вредно»).

Нерешенность вопроса об официальной торговле с Японией и выход России в результате освоения Курильских островов к границам японских владений, несмотря на нежелание японской стороны вступать в контакты с Россией, привели к тому, что в последующий период в отношениях между странами возник вопрос о территориальном разграничении.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы можем говорить о том, что на начальном этапе складывания русско-японских отношений их развитие во многом зависело от действий Российской империи, поскольку с XVII века японское руководство строго придерживалось политики самоизоляции, а значит, для него любая внешнеполитическая активность считалась невозможной. Однако стремление руководства России установить торговые и дипломатические отношения с

Японией заставило правящие круги этой страны обсуждать вопросы, связанные с внешней политикой, вырабатывая определенную позицию по отношению к нашему государству. В ходе дискуссии по вопросу об установлении торговых и дипломатических отношений с Россией в руководстве Японии появились не только сторонники и противники налаживания отношений между странами, но и начал более активно обсуждаться вопрос о необходимости самоизоляции вообще. К началу XIX в. в Японии еще недостаточно остро ощущались негативные последствия закрытия страны. Это дало возможность сторонникам сохранения *status quo* апеллировать к существующим традициям как гарантии благосостояния страны и отказать русскому посольству, прибывшему в 1804 г. в Нагасаки для ведения официальных переговоров об установлении двусторонних отношений. Однако к этому времени в стране уже появилось достаточно большое число сторонников налаживания торговых отношений с Россией.

Деятельность России, направленную на открытие русско-японской торговли в XVIII в. можно условно разделить на два периода. Первый начался в первые десятилетия XVIII в. и окончился в середине столетия после решения главной задачи, стоявшей перед экспедициями, организовывавшимися в этом направлении – открытие северного морского пути в Японию. В результате продвижения России от Камчатки к Японским островам был не только установлен и картографирован путь из одного государства в другое, но и нанесены на карту все Курильские острова, что позволяет говорить о приоритете России в открытии большей части островов Курильской гряды и их картографировании.

После того, как русские экспедиции установили северный морской путь в Японию, для России главным на этом направлении становится вопрос об открытии русско-японских отношений. Мы можем говорить о том, что с середины XVIII в. и до 1805 г. русские экспедиции, организовывавшиеся с этой целью, проделали определенную эволюцию от купеческих (экспедиция П.С. Лебедева-Ласточкина и Д.Я. Шабалина 1775 – 1779 гг.) до официального посольства, отправленного от имени Российского императора к императору Японии (посольство Н.П. Резанова 1804 –

1805 гг.). С завершением посольства 1804 – 1805 гг., так и не сумевшим закрепить успех полуофициальной-полукупеческой миссии А.К. Лаксмана, закончился второй период в деятельности России, направленной на установление русско-японских отношений, который условно можно назвать периодом торговых экспедиций. В это же время, зачастую способствуя достижения главной цели, шел процесс освоения Курильских островов, завершившийся приведением в российское подданство айнов всех Курильских островов вплоть до Кунашира. Выход Российского государства в непосредственную близость к территории Японии поставил еще одну, новую задачу, также требовавшую своего разрешения – задачу территориального размежевания между Россией и Японией.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- ¹ См.: Ремарчук В.В. За сто лет до кораблекрушения Дэнбэя// Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 1998. Т. 2. С. 235 - 237.
- ² Ремарчук В.В. Указ. соч. С. 235.; См.: Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. С. 16
- ³ См.: Черевко К.Е. как в Россию проникали первые сведения о Японии. С. 129 – 130.
- ⁴ См.: Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 104.
- ⁵ Цит. по: Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М. – Л. 1946. С. 157.
- ⁶ См.: Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку// Морской сборник. 1868. Т. 99. № 12. С. 55. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М. 1988. С. 55.
- ⁷ См.: Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971С. 189.
- ⁸ См.: Русская тихоокеанская эпопея. С. 110 - 111.
- ⁹ См.: Ефимов А.В. Из истории великих географических открытий. М., 1971. С. 124.

- ¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее - РАГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1292 Л. 84
- ¹¹ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 52.
- ¹² См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 63; Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 55.
- ¹³ См.: Российский государственный архив военно-морского флота (далее - РГАВМФ). Ф. 212. 1742. Д. 2. ЛЛ. 76.
- ¹⁴ См.: РГАВМФ. Ф. 212. 1746. Ед. хр. 10. ЛЛ. 75, 76 об.
- ¹⁵ См.: Черевко К.Е. Зарождение... С. 62.
- ¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф. 468. Оп. 45. Д. 616
- ¹⁷ См.: Кожевников В.В. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁸ Там же. С. 258.
- ¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 758. Д. 4. Л. 5 об.
- ²⁰ Материалы по истории Академии Наук. СПб., 1886. Т. III. С. 100 – 101
- ²¹ Архив востоковедов Санкт-Петербургского отделения Российской Академии Наук (далее- Архив Востоковедов СПбО РАН). Разряд I. Оп. 4. ДД. 6 – 13.
- ²² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее - ПСЗ). СПб. 1830. Т. IX. С. 69
- ²³ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 40
- ²⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. С. 22.
- ²⁵ См.: Памятники сибирской истории. Кн.1. С. 412 – 429
- ²⁶ См.: Памятники сибирской истории. Кн. 2. 1713 – 1724. СПб. 1885. С. 464 – 465; Знаменский, с. 58; .
- ²⁷ Цит. по: Жуков Ю. Русские и Япония. М., 1945. С. 13
- ²⁸ См.: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С.13
- ²⁹ См.: Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства». С. 138.
- ³⁰ См.: Ефимов А.В. Указ соч. С. 111 - 112
- ³¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 28
- ³² См.: Русская тихоокеанская эпопея. С.139
- ³³ См.: Там же. 139 - 140.
- ³⁴ См.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 284.
- ³⁵ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 74
- ³⁶ См.: ПСЗ. Т. V. С. 607
- ³⁷ См.: Крашенинников С. Указ. соч. С. 491; Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697 – 1875 гг. М., 1960. С. 25.
- ³⁸ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 75
- ³⁹ См.: Кутаков Л.Н. Указ. соч. С.37; Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. С.12

- ⁴⁰ См.: Памятники сибирской истории. Кн.2.
- ⁴¹ См.: Русские экспедиции по изучению севера Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 22.
- ⁴² Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 76.
- ⁴³ Русские экспедиции по изучению севера Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 33.
- ⁴⁴ Русская тихоокеанская эпопея. С. 140
- ⁴⁵ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 77
- ⁴⁶ Русская тихоокеанская эпопея. С. 135
- ⁴⁷ Там же. С. 136
- ⁴⁸ Там же. С. 137
- ⁴⁹ ПСЗ. Т. VII. С.771
- ⁵⁰ См.: Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 45.
- ⁵¹ ПСЗ. Т. VIII. С. 774
- ⁵² РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 35. Л. 290 об.
- ⁵³ ПСЗ. Т. VIII. С. 523 - 524
- ⁵⁴ Русские экспедиции по изучению севера Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 117.
- ⁵⁵ См.: Там же. С. 117 – 129.
- ⁵⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т. 1. С. 463.
- ⁵⁷ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 11.
- ⁵⁸ ПСЗ. Т. VIII. С. 1008.
- ⁵⁹ См.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 145.
- ⁶⁰ Там же. С. 146 – 147.
- ⁶¹ См.: Экспедиция Беринга. М., 1941. С.177
- ⁶² См.: Экспедиция Беринга. С. 394
- ⁶³ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. С. 87
- ⁶⁴ Там же. С. 87
- ⁶⁵ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 172
- ⁶⁶ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 85
- ⁶⁷ Цит. по: Там же. С. 85
- ⁶⁸ Экспедиция Беринга. С. 180
- ⁶⁹ Российские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 190.
- ⁷⁰ См.: Синтаро Накамура. Японцы и русские. М., 1983. С. 53; Берг Л.С. Указ. соч. С. 176 - 177
- ⁷¹ См.: Дивин В.А. Указ. соч. С. 125
- ⁷² ПСЗ. Т. VIII . С. 1008
- ⁷³ См.: Экспедиция Беринга. С. 178

- ⁷⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 181
- ⁷⁵ Экспедиция Беринга. С. 181
- ⁷⁶ Синтаро Накамура. Указ. соч. С. 53.
- ⁷⁷ Lensen J.A. The Russian Push Towards Japan. – Russo-Japanese Relations 1697 – 1875. Princeton, 1959. P. 55.
- ⁷⁸ См.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 191
- ⁷⁹ Там же. С. 192
- ⁸⁰ См.: Там же. С. 192 – 193.
- ⁸¹ Там же. С. 191
- ⁸² См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 94
- ⁸³ См.: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. С. 98
- ⁸⁴ Экспедиция Беринга. С. 260
- ⁸⁵ Русская тихоокеанская эпопея. С. 509
- ⁸⁶ См.: Там же. С. 480
- ⁸⁷ См.: РГАВМФ. Ф. 212. Оп. доп. Д. 52. Л. 2.
- ⁸⁸ Цит. по: Русская тихоокеанская эпопея. С. 436
- ⁸⁹ См.: Там же. С. 510 – 515
- ⁹⁰ Там же. С. 514
- ⁹¹ См.: РГАВМФ. Ф. 212. 1746. Д. 10
- ⁹² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11, Т. 1. Д. 10. Л. 8
- ⁹³ Там же. ЛЛ. 72, 75, 76, 79.
- ⁹⁴ См.: РГАВМФ. Ф. 212. 1746. Оп. 10. Л. 15; Стибнев А. Указ. соч. С. 58.
- ⁹⁵ См.: Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 199. П. 150. Ч. 12. Д. 8. ЛЛ. 9 – 10 об.
- ⁹⁶ См.: Там же. ЛЛ. 11 – 11 об.; [Рюмин И]. Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беневским. // Северный архив. 1822. № 5. С. 384 – 385.
- ⁹⁷ См.: Рюмин И. Указ. соч. С. 392.
- ⁹⁸ См.: Синтаро Накамура. Указ. соч. С. 57 – 58; Lensen J.A. The Russian Push Towards Japan. – Russo-Japanese Relations 1697 – 1875. Princeton, 1959. P. 81 – 81.
- ⁹⁹ См.: Рюмин И. Указ. соч. С. 390.
- ¹⁰⁰ См.: РГАДА. Ф. 199. П. 150. Ч. 12. Д. 8. ЛЛ. 12 – 13; Рюмин И. Указ. соч. С. 447 – 454.
- ¹⁰¹ См.: Синтаро Накамура. Указ. соч. С. 58.
- ¹⁰² Цит. по: Кин. Д. Японцы открывают Европу, 1720 – 1830. М., 1970. С. 37.
- ¹⁰³ Цит. по: Lensen J. P. 81.
- ¹⁰⁴ См.: Ibid. P. 82.
- ¹⁰⁵ См.: Ibid. P. 82, 84.
- ¹⁰⁶ См.: Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII – XIX века. М., 1999. С. 106.
- ¹⁰⁷ См.: Lensen J. P. 82.

- ¹⁰⁸ См.: Синтаро Накамура. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁰⁹ См.: Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972. С. 497.
- ¹¹⁰ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 118.
- ¹¹¹ Lensen J. Р. 83.
- ¹¹² Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик севера. М. 1999. С. 78.
- ¹¹³ См.: Синтаро Накамура. Указ. соч. С. 77 – 79.
- ¹¹⁴ См., напр.: Файнберг Э.Я. Указ. Соч. с. 34.
- ¹¹⁵ См.: АВГПРИ. Ф. Д. 8. ЛЛ. 122 – 139.
- ¹¹⁶ См.: Новаковский С.И. Япония и Россия. Токио, 1918. Ч. 1. С. 36.
- ¹¹⁷ См.: Полевой Б.П. Указ. Соч. С. 98.
- ¹¹⁸ См.: ПСЗ. Т. XV. С. 773.
- ¹¹⁹ См.: Там же. С. 775.
- ¹²⁰ См.: РГАДА. Ф. 199. Д. 539. Ч. 1. Тетр. 15. Л. 46 – 47.
- ¹²¹ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 102
- ¹²² См.: Русская тихоокеанская эпопея. С. 441
- ¹²³ Полонский А. Курилы. СПб, 1871. С. 50
- ¹²⁴ См.: Синтаро Накамура. Указ. соч. С. 63
- ¹²⁵ См.: Файнберг Э.Я. Указ. Соч. С. 36.
- ¹²⁶ Русская тихоокеанская эпопея. С. 465
- ¹²⁷ Там же. С. 467
- ¹²⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 4.
- ¹²⁹ См.: Там же. С. 468 - 469
- ¹³⁰ Там же. С. 469
- ¹³¹ См.: Дивин В.А. Указ. соч. С. 299
- ¹³² Цит. по: Полевой Б.П. Указ. соч. С. 123.
- ¹³³ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 110
- ¹³⁴ Цит. по: Дивин В.А. Указ. соч. С. 301
- ¹³⁵ Цит. по: Полевой Б.П. Указ. соч. С. 127.
- ¹³⁶ См.: Русская тихоокеанская эпопея. С. 475 - 476
- ¹³⁷ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 127.
- ¹³⁸ Цит. по: Атлас географических открытий... С. 107.
- ¹³⁹ Stephen John Jason. The Kuril Islands. Oxford. 1974. Р. 50.
- ¹⁴⁰ См.: Константинов В.М. Сведения об экипаже корабля «Синсё-мару» // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 131 – 133; Он же. Оросиякоу суймудан (Сны о России). М., 1961. С. 72 – 73
- ¹⁴¹ См.: Константинов В.М. Оросиякоу суймудан. С. 40 - 41
- ¹⁴² Кацурагава Хосю. Хокуса монряку (Краткие вести о скитаниях в северных водах) М. 1978. С. 76
- ¹⁴³ См.: Там же. С. 76
- ¹⁴⁴ См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 53

- ¹⁴⁵ См.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М., 1989. С. 286 - 287
- ¹⁴⁶ См.: Там же. С. 80 - 82
- ¹⁴⁷ См.: Там же. С. 82 - 83
- ¹⁴⁸ ПСЗ. Т. XXIII. С. 249
- ¹⁴⁹ ПСЗ. Т. XXIII. С. 250.
- ¹⁵⁰ См.: Там же. С. 249 - 251
- ¹⁵¹ См.: Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 50-51, 89, 93
- ¹⁵² См.: АВПРИ. Ф. 98. Оп. 98/1. Д. 3. Л. 3 – 3 об, 8 – 11 об.
- ¹⁵³ Преображенский А.А. Первое посольство в Японию// Исторический архив. 1961. № 4. С. 117
- ¹⁵⁴ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 76, 79
- ¹⁵⁵ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 118
- ¹⁵⁶ Там же. С. 122
- ¹⁵⁷ См.: Там же. С. 123
- ¹⁵⁸ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 127 - 128
- ¹⁵⁹ См.: Там же. С. 124; Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 69
- ¹⁶⁰ См.: Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 68 - 69
- ¹⁶¹ См.: Кин Д. Указ. соч. С. 59; Черевко К.Е. Указ. соч. С. 130
- ¹⁶² См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 130.
- ¹⁶³ См.: Кин Д. Указ. соч. С. 59
- ¹⁶⁴ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 128
- ¹⁶⁵ Там же. С. 139 - 140
- ¹⁶⁶ Цит. по: Позднеев Дм. Материалы по истории северной Японии и Ея отношений к материку Азии и России. Иокогама, 1909. Т.2, Ч.II, С. 58
- ¹⁶⁷ См.: Преображенский А.А. Указ. соч. С. 143,
- ¹⁶⁸ Там же. С. 144
- ¹⁶⁹ См.: РГИА. Ф. 1264, Оп. 1. Д. 577. Л. 12-14, 24-29
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 10 – 10 об
- ¹⁷¹ См.: Константинов В.М. Указ. соч. С. 46; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 144 - 146
- ¹⁷² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. С. 317
- ¹⁷³ Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. С. 166 - 167
- ¹⁷⁴ См.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века С. 336 - 337
- ¹⁷⁵ Константинов В.М. Указ. соч. С. 106
- ¹⁷⁶ См.: Там же. С. 64 – 65, 105 - 106
- ¹⁷⁷ См.: Кожевников В.В. Указ. соч. С. 34; Позднеев Дм. Указ. соч. С. 87
- ¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2891.
- ¹⁷⁹ См., например: ОР РНБ. Ф. 550. F IV. Д. 482. Л. 78.
- ¹⁸⁰ Русская тихоокеанская эпопея С. 518 - 519

- ¹⁸¹ См.: РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д.. 236. Л. 4
- ¹⁸² См.: РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 236. Л. 9 – 13, 73 – 74.
- ¹⁸³ См.: ПСЗ, Т. XXV
- ¹⁸⁴ Внешняя политика России, XIX – начало XX в. Т. 1. С. 268.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 388.
- ¹⁸⁶ См.: Там же. С. 405 – 406.
- ¹⁸⁷ РАК, С, 52 - 53
- ¹⁸⁸ См.: Там же. С. 60 - 61
- ¹⁸⁹ Там же. С. 71
- ¹⁹⁰ Там же. С. 74
- ¹⁹¹ АВПРИ. Ф. 161. I – 7. Оп. 6. 1802. Д. 1. П. 23. Л. 2 б.
- ¹⁹² См.: Там же. С. 72 - 73
- ¹⁹³ См.: АВПРИ. Ф. 161. I – 7. Оп. 6. 1802. Д. 1. П. 2. ЛЛ. 26 – 27 об.
- ¹⁹⁴ См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3920. Л. 387; Чечин П. Указ. соч. С.137 - 143
- ¹⁹⁵ См.: ОР РНБ, Ф. 7. Д. 154
- ¹⁹⁶ См.: ОР РНБ, Ф. 7. Д. 153
- ¹⁹⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 92 об.
- ¹⁹⁸ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д. 482, Л. 7 об – 48.
- ¹⁹⁹ См.: РГАВМФ Ф. 14. Оп. 1. Д. 274. Л. 1 – 3.
- ²⁰⁰ См.: Там же. Л. 39 об - 40
- ²⁰¹ ОР РНБ, Ф. 152. Оп. 1. Д. 382. Л. 2
- ²⁰² См.: Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара. СПб, 1818. Ч. 2. С. 30
- ²⁰³ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д. 482, Л. 42 – 42 об.
- ²⁰⁴ Шемелин Ф. Указ. соч. С. 37
- ²⁰⁵ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д.. 482, Л. 7 об - 48
- ²⁰⁶ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д. 482, Л. 51 – 53; Шемелин. Ф. Указ. соч. С. 46 - 52
- ²⁰⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 110
- ²⁰⁸ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д. 482, Л. 53 об.
- ²⁰⁹ См.: Позднеев Дм. Указ. соч. С. 114
- ²¹⁰ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д. 482, Л. 82 об – 88; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 117 - 120
- ²¹¹ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д. 482, Л. 94 – 97 об; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 81 - 87
- ²¹² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 30-об – 33 об
- ²¹³ См.: Там же. Л. 33 об - 35
- ²¹⁴ Шемелин Ф. Указ. соч. С. 96 - 97
- ²¹⁵ См.: Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 84
- ²¹⁶ См.: ОР РНБ, Ф. 550. F IV . Д. 482, Л. 113 ; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 100
- ²¹⁷ Шемелин Ф. Указ. соч. С. 101 - 102
- ²¹⁸ См.: Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 84; Позднеев Дм. Указ. соч. С. 123.

-
- ²¹⁹ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 159.
- ²²⁰ Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972. Прил. С. 494.
- ²²¹ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1972. С. 24.
- ²²² Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1799 – 1815. М., 1994. С. 115.
- ²²³ АВПРИ. Ф. 161. I – 7. Оп. 6. 1802. Д. 1. П. 34. ЛЛ. 7 – 7 об.
- ²²⁴ См.: Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. М., 1993. С. 4.
- ²²⁵ Цит по.: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 40.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Курильские острова и вопрос об установлении официальных тор- говых отношений между Россией и Японией

В первой главе уже говорилось о том, что с 60-х гг. XVIII в. Курильский архипелаг привлек к себе внимание русских купцов, с помощью которых в 70-е гг. XVIII в. в российское подданство было приведено население всех островов, включая и самый южный из них – Кунашир¹. Таким образом, к 1780-м гг. вся гряда была включена в состав Российской империи. В 1780-е гг. на Курильские острова были направлены особые бумажные дипломы, в которых говорилось, что весь архипелаг является владением России².

В начале 90-х гг. XVIII в. купеческие компании, создавшие позднее российско-американскую компанию, планировали своими силами вести освоение Курильских островов, продолжая при этом попытки завязать торговлю с Японией. При этом подразумевалось, что Япония не может претендовать на эти земли. Об этом, например, говорит объявление, сделанное в 1790 г. Г.И. Шелиховым иркутскому губернатору И.А. Пилю. «На Курильских островах, по изыскании способных гаваней и местоположения ко обзаведению, положа нашую компаниюю сделать заселение, дабы не могли тут предварить европейцы, к стыду нашему, своими, ибо близость тех к Камчатке неоспоримо дает право на владение под российским скипетром подданными. Да и надеемся при том тут через мохнатых курил с японцами установить торговлю»³. В этом направлении компанией Шелихова-Голикова был сделан первый шаг. В 1795 г. на Урупе группой крестьян и промышленных «работных людей» во главе с Василием Звездочетовым было основано поселение. Но в это же время выяснилось, что с точки зрения развития пушного промысла более перспективными являются Алеутские острова и северо-западное побережье Америки, поэтому вся деятельность постепенно сосредотачивается на освоении этих территорий, а не Курильских островов, которые на некоторое время были оставлены без внимания со стороны России.

Примерно в то же время, когда Россия направила на Курилы документы, подтверждающие принадлежность ей этих островов, Япония, обеспокоенная упомянутым ранее «предостережением Беневского», снарядила сюда свою первую экспедицию, подтвердившую факт пребывания русских на южных Курильских островах⁴. Это же исследование показало Японии, что в южной части архипелага имеются условия для заведения предприятий по добыче морепродуктов, которые были необходимы не только в качестве продовольствия, но, прежде всего, как удобрения для рисовых полей. Кроме того, здесь могли найти сбыт товары, производимые мануфактурами, появлявшимися в это время в Японии. Все это способствовало бы развитию экономики страны и обогащению правящих слоев. Поэтому, как только Россия перестала уделять достаточное внимание южным Курильским островам, японские власти начали их освоение.

Уже в 1789 –1791 гг. айны острова Кунашир подняли восстание против начавших взимать с них подати японцев⁵, что говорит о начале японского продвижения на эти территории. Когда же на Урупе появился Звездочетов, попытавшийся завязать торговлю с айнами Итурупа, Кунашира и Хоккайдо, японцы начали препятствовать поездкам туземцев на Уруп для торговли с русскими⁶, опасаясь усиления российского влияния среди населения Итурупа и Кунашира. В 1799 г. руководство Японии официальным указом объявило своей территорией Хоккайдо, Кунашир и Итуруп⁷. Однако пока что пребывание японцев на южных Курильских островах носило временный характер. Чиновники приезжали сюда лишь в мае – сентябре, покидая острова на зиму.

Взаимные притязания Японии и России на южные Курильские острова неизбежно должны были привести к возникновению вопроса о территориальном разграничении между странами в этой регионе. В начале XIX в. проблема территориального размежевания на Курильских островах оказалась связанной с вопросом об установлении официальной русско-японской торговли.

Направляя весной 1805 г. свой «Меморандум» японскому правительству, Н.П. Резанов, скорее всего, не предполагал, какие именно меры будут предприняты им в случае, если не будет открыта русско-японская торговля. Однако

позднее, по пути из Японии на Камчатку, проведенные исследования Курил и Сахалина показали, что острова недавно были заняты японцами. Это привело к тому, что у Н.П. Резанова начинает оформляться мысль об одновременном освобождении айнов от японской кабалы и ликвидации японских факторий на Сахалине и южных Курильских островах. Таким образом, по мнению посла, русские территории очищались от пользующихся дарами им не принадлежащей природы японцев, и россияне показывали, что им Япония не навредит, а они ей – смогут. Следовательно, это могло заставить островное государство быть более сговорчивым и пойти на установление торговых отношений. Но на повестке дня перед одним из руководителей Российско-американской компании стояло путешествие в Америку, что несколько отодвигало реализацию данного замысла. «Я не думаю, чтобы Ваше Величество вменили мне в преступление, когда..., пущусь на будущий год к берегам японским разорить на Матмае селение их, вытеснив их с Сахалина и разнести по берегам страх, дабы, отняв между тем рыбные промыслы и лиша 200 000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию с нами торга»⁸. В этом же письме Н.П. Резанов указывает и исполнителей своего замысла – Хвостов и Давыдов, состоящие на службе в Российско-американской компании и по своим личным качествам подходящие для этой цели.

8 августа 1806 г., будучи в Русской Америке, Н.П. Резанов составил инструкцию «начальнику секретной экспедиции флота господину лейтенанту Н.А. Хвостову» о плавании к Курильским островам и Сахалину. Ссылаясь на свою занятость и необходимость ехать в Санкт-Петербург, Резанов вверил исполнение своих замыслов Хвостову: исследовать Уруп и узнать о судьбе основанного в 1795 г. поселения Российско-американской компании, описать гавань острова Симушир, хорошие качества которой были отмечены спутниками Беневского. Но главными в этой инструкции были пункты, касающиеся посещения Сахалина. Их основной смысл заключается в том, чтобы, привлекая ласками и подарками сахалинцев, одновременно японцам делать вред, жечь суда, забирать вещи, находящиеся в складах, уничтожать стоящие поодаль строения. При этом

Резанов приказал людей сколько можно сохранять, поскольку все эти меры были направлены не против частных японцев, а против правительства⁹. Несколько японцев предполагалось взять с собою, чтобы, основав в Америке японское поселение, обучить их русскому языку и показать выгодность торговли с Россией. Впоследствии этих людей предполагалось использовать в качестве посредников в переговорах об установлении отношений между двумя странами¹⁰.

Побывав в Америке, и, вероятнее всего, несколько поостыv, Резанов решил, что более важным является освоение американских колоний и укрепление компаний именно там. Поэтому, по прибытии в Охотск, он дополняет осенью 1806 г. свою инструкцию распоряжением оставить все предписанное и следовать в Америку. На Сахалин можно было заглянуть в том случае, если это позволяют сделать ветра без потери времени для того, чтобы обласкать сахалинцев подарками и медалями и взглянуть, «в каком состоянии на нем водворение японцев находится». Получив это дополнение к инструкции, Хвостов кинулся в Охотск за разъяснениями, но тот к этому времени Резанов уже уехал в Петербург, а по дороге, 1 марта 1807 г., умер в Красноярске.

Оставшиеся после Н.П. Резанова документы, показывают, что он не отказался полностью от своего намерения силой принудить Японию к установлению отношений с Россией. 23 января 1807 г. в Иркутске камергером было составлено секретное донесение, в котором он писал: «Можно силою принудить их [японцев – И.С.] к попущению в торге, и когда мы таким образом водворимся на Сахалине, то они сами будут искать торговли с нами, ибо мы устроив в Америке морские силы, пошлем корабли отрезывать суда их, ходящия тысячами для прибрежного между собою сообщения и внутренней торговли... При сем случае мы можем и еще с большим правом, тогда, когда Япония вовсе отвергает торг наш, вытесняя и захватывая японцев с Сахалина, селить ими Америку»¹¹. Таким образом, зимой 1807 г. Резанов повторил те свои мысли, которые уже были изложены в инструкции от 8 августа 1806 г.

Принимая в отсутствие непосредственного руководителя и автора идеи решение, Хвостов посчитал дополнение к ней распоряжением об отсрочке экс-

педииции в связи с рядом неблагоприятных обстоятельств. Кроме того, большой простор для толкований оставляло последнее предложение «Дополнения к инструкции», позволявшее Хвостову в случае непредвиденных обстоятельств действовать по своему усмотрению¹². В свете всего этого Хвостовым было принято решение «на свой страх и риск», как он позднее доносил, не идти в Америку и воплотить в жизнь пункты инструкции¹³. 26 сентября бриг «Юнона» отправился к берегам Сахалина, бросив уже 6 октября якорь в заливе Анива у селения Кусюнкотан (современный г. Корсаков).

Сахалин клан Мацумаз к этому времени считал своим владением, называя его остров Карафуто. Но торговля с его жителями производилась в Соя, на севере Хоккайдо, куда сахалинцы привозили товары. В годы правления Кансэй (1789 - 1800) на острове был учрежден первый таможенный пункт в местности Кусюнкотан, служащие которого должны были возвращаться в Мацумаз каждую осень, надзирая за рыбными промыслами в течение немногих месяцев лета и ранней осени. На Сахалине в сторожевых домах на зиму оставлялись лишь надсмотрщики, разбросанные по различным местам острова. Таким образом, освоение Сахалина Японией началось незадолго до прибытия на остров русских в 1806 г. Этот факт не укрылся от внимания И.Ф. Крузенштерна: «Мы могли заметить, что японцы поселились здесь недавно, потому что дома офицеров, а особенно амбары, были совсем новы, некоторые же еще не окончены»¹⁴. По этой же причине власти Японии не смогли бы принять меры к «отнятию» этих земель обратно, поскольку в данных местах не было замечено никаких укреплений или боевой подготовки. Таковым оставалось положение на Сахалине и к моменту прибытия на остров Н.А. Хвостова. Хотя незадолго до его посещения сёгунат решил приказом «возвратить» себе эти территории, считая «делом первостепенной важности» их оборудование «для полной готовности ко всякой случайности», «так как эта страна является пограничной с чужими землями»¹⁵. За малым количеством прошедшего времени укрепление японцев на Сахалине еще не было начато. К тому же визит «Юноны» совпал с периодом, когда японские чиновники должны были вернуться в Мацумаз. Именно поэтому на Саха-

лине не только не было оказано никакого сопротивления, но и известие о произошедшем было получено японскими властями поздно, лишь в 1807 г. с приездом на остров очередной группы чиновников.

Весной 1807 г. начальник служащих и заведующий делами Сахалина Сибата Какубээ, отплыв по обычаям из Соя, ознакомился с положением дел на острове и известил вышестоящее начальство через специального курьера о произошедшем осенью 1806 г. Суть дела заключалась в следующем.

6 октября 1806 г. «Юнона» бросила якорь в бухте Анива, где 11 октября, согласно «Хоккайдо сико» Окамото Рюносукэ, русские взяли в плен сторожей из податной конторы Томигоро, Гэнсити, Торидзо и Фукумацу. Захват в плен японцев сопровождался разграблением селения, сожжением строений и разрушения кумирни. Взамен были оставлены взятый в плен несколько днями ранее в Оитомари сын старейшины айнского селения, медная доска на дверях храма с надписью и преданная через отпущенного подростка грамота. После чего, простояв в бухте еще несколько дней, с четырьмя пленными на борту «Юнона» вернулась на Камчатку. В текстах, оставленных на Сахалине, говорилось о неправедливости помех торговле японцев с русскими на этом острове и о том, что ежели такая ситуация будет сохраняться и впредь, то русские будут продолжать разорять северные области Японии¹⁶. В знак того, что отныне население Сахалина является подданными России, 12 октября 1806 г. Хвостов пожаловал «старейшине селения на западном берегу губы Анивы... серебряную медаль на Владимирской ленте»¹⁷.

На основании собранных в 1807 г. чиновником из Мацумаэ Сиба Какубээ данных японские историки составили ряд подробных описаний того, что произошло осенью 1806 г. на Сахалине, был подсчитан понесенный убыток. Через специальных курьеров донесения о случившемся были отосланы вначале в Мацумаэ, а затем в Эдо. После анализа японских источников английский историк В. Астон в 1882 г. пришел к выводу, что известия о происшествии в Кусюнкотане вызвали большой переполох и возбуждение в Японии: тексты, оставленные Хвостовым, по-видимому, были приняты за объявление Россией войны¹⁸.

Трудно сказать, насколько прав или не прав был в своих выводах Астон, во всяком случае, после «предостережения Беневского» японцы впервые были серьезно обеспокоены русским продвижением на Курилы и Сахалин. И если в ответ на «предостережение Беневского» на север страны были отправлены экспедиции для изучения положения дел, то теперь началась подготовка к отражению нападений. Согласно данным, приводимым Дм. Позднеевым, в Кусюнкотан был отправлен отряд в 150 человек, 200 человек были размещены на северной оконечности о. Хоккайдо в селении Соя. «На о. Эторофу [Итуруп – И.С.] гарнизон был увеличен в 200 до 300 человек, а весной следующего года [1807 – И.С.] гарнизон в Хакодатэ был увеличен приблизительно до 2 500 человек состоявших по большей части из самураев»¹⁹. Кроме того, отряды войск были размещены по всем прибрежным деревням северных провинций главного японского острова. Все эти военные приготовления показывают, что Япония была намерена защищать территории, занятые ею не столь давно²⁰. Но активные приготовления к отражению внешней угрозы, начатые в 1807 г., не дали никакого результата во время нового визита Н.А. Хвостова.

Визит Хвостова в этот регион в 1807 г., думается, был вызван не только тем, что Резанов поставил ему задачу «привести Японию набегами в ужас и вселить в нее мысль, что она совершенно находится в безвыходном положении по отношению к России и должна принять наши требования, так как иначе ей угрожает голодная смерть»²¹, как утверждает в своей работе Дм. Позднеев. Более вероятным будет сказать, что, прежде всего, Хвостова интересовала реакция японских властей на его действия и на оставленный в 1806 г. ультиматум. Только уже когда стало ясно, что японцы не собираются открывать торговлю, был приведен в исполнение третий пункт вышеуказанного документа, гласивший о намерении русских опустошать северную часть Японии до тех пор, пока японцы будут упорствовать в своем отказе²². Поэтому и свой второй визит Хвостов начал с земель, которые он указал в качестве тех мест, где японцы могут оставить известие о своем решении.

2 мая 1807 г. фрегат «Юнона» под командованием лейтенанта Н.А. Хвостова и тендер «Авось» под командованием мичмана Г.И. Давыдова вышли из

гавани Петропавловска-на-Камчатке и направились к Курильским островам. Через две недели корабли достигли первой цели своего путешествия, и 18 мая русские моряки высадились на берег острова Итуруп в районе селения Найбо, произведя накануне выстрел из пушки по имевшейся в этой местности сторожевой заставе. Сторожа Найбо немедленно донесли о прибытии русских кораблей чиновникам сёгуната, находившимся на этом же острове в более крупном селении Сяна. Но прежде чем в Сяна успели что-либо предпринять, 19 мая в результате высадки русских моряков на берег, японское селение Найбо было разорено и сожжено, а его двое стражников (Городзи, Сахэй) и трое рабочих (Цёонай, Рокудзо и Сансукэ) стали пленниками. 22 мая суда снялись с якоря²³.

24 мая (4 июня) русские суда показались у самого крупного селения на Итурупе – Сяна. Согласно описанию, приводимому В. Астоном, для чиновников из Эдо в селении было воздвигнуто здание, похожее на замок даймё, обнесенное каменной стеной. В момент визита русских кораблей гарнизон крепости состоял из 200 человек, вооруженных, в основном, кремневыми ружьями, а в самой крепости имелось несколько пушек²⁴. После перестрелки между гарнизоном крепости и экипажами кораблей японцы оставили селение²⁵. Русский десант, высадившийся на следующий день на берег, нашел брошенные постройки и склады, которые и были ими разграблены. Матросы взяли в Сяна много риса, одежды, оружия и других вещей, назначения которых они даже не понимали.

Действия русских моряков на Итурупе, несомненно, носили грабительский характер, и не могли впоследствии не сказаться на дальнейших отношениях между Россией и Японией. Но при этом не следует забывать о том, что уничтожая японские поселения на Итурупе, Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов действовали в соответствии с инструкцией Н.П. Резанова, предписывавшей оказывать силовое давление на руководство Японии через ликвидацию селений на землях, которые Россия считала своими, до тех пор, пока не будет получено согласие на установление русско-японской торговли.

Эта же инструкция предусматривала и еще одну цель экспедиции – выяснение судьбы поселения, основанного в 1795 г. на Урупе В. Звездочетовым.

Поэтому, после того как 27 мая корабли покинули Итуруп, они взяли курс на этот остров. 31 мая (11 июня) 1807 г. корабли достигли берега острова, на котором по ряду данных должен был находиться Звездочетов со своей колонией. Осмотр Урупа, произведенный утром следующего дня с судов, никакого результата не дал. Остров казался диким и безлюдным. Побывавшие в этот же день на берегу, видели там «жилища русских почти уже обвалившиеся, но ни где следа человеческого и никакого признака недавнего пребывания в сем месте»²⁶. Найдена была могила Звездочетова, умершего в 1805 году, что говорило о том, что это было искомое поселение. Но судьба оставшихся в живых поселенцев была неизвестна: перебрались они на Камчатку или были убиты японцами. Выяснив на этом острове все возможное и установив отсутствие здесь японских поселений, Хвостов и Давыдов посчитали сей предмет законченным. С Урупа корабли отправились на Сахалин. Заканчивая же разговор о судьбе поселения Звездочетова, нужно отметить, что, вернувшись в Охотск, экспедиция выяснила, что выжившие колонисты по островам перебрались на Камчатку²⁷.

14 (26) июня 1807 г. русские корабли прибыли в селение Кусюнкотан, разграбленное в предыдущем году. Охранявший селение офицер оставил вверенный ему пост без оказания малейшего сопротивления и со своими 123 солдатами бежал вначале в соседний пункт, а затем в Соя на острове Хоккайдо. Выяснив, что и здесь не будет никакого ответа на прошлогодние действия, Хвостов вновь сжег и разграбил то, что оставалось с осени или было отстроено заново, и посетил с таким же результатом близлежащий поселок Рутака. После чего острова Карафуто (Сахалин) был им оставлен.

В намерения Хвостова входило отпустить пленных на берег и с ними передать новое послание японским властям. Однако, как он мог убедиться, заглянув по пути от Итурупа к Сахалину в гавань Хакодатэ, сей порт и берега Хоккайдо охранялись более тщательно, нежели Курильские острова. Поэтому для возвращения японцев надо было избрать менее опасные, но все же близкие к Японии места. Между Сахалином и северной оконечностью Хоккайдо находится ряд островов, в число которых входит и Рисири. Поскольку Соя к этому вре-

мени уже был достаточно важным и укрепленным пунктом, а действия Хвостова вызвали усиление его гарнизона, то безопаснее было пристать к одному из островов у побережья, рассчитывая, что отсюда японцы сумеют добраться до дома. У берегов Хоккайдо Хвостов не оставил намерения как можно больше устрашить японцев. Поэтому он разграбил четыре встретившихся у островов Рёбун и Рисири корабля, в числе которых было и казенное судно «Бансюн-мару», везшее в Соя оружие для обороны, в том числе и «десятивесовую бронзовую пушку, 1582 г. отбитую Таико-сама (Тоётоми Хидэёси) [годы правления – 1582–1598 – И.С.] от корейцев»²⁸. Поскольку эдосский чиновник с «Бансюн-мару» оставил вверенный ему груз и бежал, а Хвостов по виду судна и груза предположил о большом значении людей, его сопровождавших, было решено обязательно найти беглецов на близлежащем острове, которым был Рисири. По своему значению пленный чиновник из столицы был гораздо важнее стражников из приграничных селений, но поиски не увенчались успехом, поэтому моряки «довольствовались» сожженным и разграбленным на Рисири. Покидая остров, русские моряки отпустили восемь человек, плененных ими в 1806 – 1807 гг. на Сахалине и Итурупе²⁹. С ними было передано письмо для губернатора Матмая. Переданное адресату через чиновников из Соя, послание Хвостова повторяло то, что он писал в 1806 г. с Сахалина: взаимная торговля двух стран весьма желательна, но многие прошения россиян «не были выслушиваются», поэтому теперь Россия показала свою силу, которую применит чтобы прогнать японцев с северных земель, если просьба о взаимной торговле не будет удовлетворена и на это раз. А вот «если на прошение последует удовлетворение, то мы [Россия] желаем быть с вами [Японией] в вечной дружбе»³⁰.

Известия о том, что два года подряд японские селения на Курильских островах подвергаются разграблению, не могли не встревожить правительство Японии. Первым делом, в 1807 г. была усиlena оборона Хоккайдо за счет посылок в княжество Мацумаэ солдат из соседних княжеств и солдат, подчиненных непосредственно центральному правительству³¹. Однако в первое время в столице Японии воздержались от усиления гарнизонов на Курильских островах

и острове Сахалин. Это было вызвано не только боязнью потерять людей в результате новых нападений, но и пониманием того, что необходимо вначале решить вопрос о границе между двумя странами.

В этом же 1807 г. в Эдо было созвано специальное совещание для выработки стратегии поведения в связи с двукратными нападениями русских на японские поселения и письмом Хвостова с требованием открыть русско-японскую торговлю. Прежде чем выяснить вопрос о степени необходимости установления торговых отношений между двумя странами, все участники совещания согласились с тем, что «нападениями русских страна уже приведена в чрезвычайное возбуждение, и что если нападения русских на севере еще повторятся, то возбуждение это дойдет до такой степени, что оно не поддастся никакому правительльному контролю»³². Таким образом, мысль Резанова о том, что действия России извне накалят обстановку в Японии и усилият недовольство правительством³³ нашла свое подтверждение в одном из выводов этого совещания. Это говорит о правильном расчете Резанова при организации вооруженной экспедиции на то, что таким образом можно добиться желаемых результатов.

По вопросу об открытии торговли мнения участников совещания сразу же разделились и, согласно изложенным Дм. Позднеевым японским источникам, при дворе сёгуна образовалась «партия политики запертых дверей» и «партия мира и удовлетворения требований России». И те, и другие приводили веские доводы в поддержку своей позиции. Первая «партия» уверяла, что если разрешить иностранцам посещать Японию, то «чужеземцам станут известны все внутренние порядки империи, и отсюда возникнут для страны неисчислимые опасности... Допущения чужеземцев в Японию угрожало, по их убеждениям, независимости империи»³⁴. Поэтому они настаивали на сохранении прежних порядков и на том, что каждое иностранное судно необходимо отгонять от берегов японской империи.

«Партия мира» напротив, пыталась доказать, что Россия не желает покорять Японию, и все угрозы происходят единственно от желания открыть торговлю, и «если Япония с своей стороны удовлетворит желание России, то все

затруднения будут окончены»³⁵. Также сторонники этой точки зрения говорили об экономической выгоде такой торговли и о том, что война со столь сильной державой, как Россия неблагоприятно отразится на благосостоянии Японии³⁶.

Для окончательного решения споров между двумя этими «партиями», руководство Японии несколько раз запрашивало мнение руководства княжества Мацумазэ, бывшего наиболее компетентным в вопросах, связанных с Россией, как наиболее близкая к ней японская территория. Наместники центрального правительства в этом княжестве под влиянием местных настроений, высказались за то, что торговлю с Россией надо позволить, не затягивая с решением этого вопроса, и одновременно выяснить цели и причины «двуократных буйств» русских³⁷. Также был рассмотрен и случай отказа в торговле: было сделано предположение, что тогда за дурное с нею обращение Россия может захватить Японию³⁸. В своем вторичном докладе в Эдо эти же чиновники высказались более определенно: «торговля должна быть разрешена русским только после того, как им будет показана наша военная сила и после того, как они принесут извинения в своих действиях недавних дней»³⁹. Причем далее чиновники подсказывали, как обойти сделанное ранее Резанову заявление о национальном законе, запрещающем внешнюю торговлю: «Если вы полагаете, что... разрешение на ведение сношений между отдаленными их границами и этими нашими [Эзоскими – И.С.] странами может быть постепенно дано, то мы думаем, что будет более желательным дать им таковое разрешение как исключение на том основании, что, ... торговля в отдаленных странах разрешается в ограниченном размере по особым соображениям»⁴⁰. «Особыми соображениями» должно было стать сострадание к заявлению о том, что России «необходимо прокармливать свои отдаленные государственные земли». Также более определено было высказано в этом документе отношение к войне с Россией, как к явлению необдуманному, которое вызовет большие бедствия по всей стране из-за больших материальных издержек⁴¹. Общий итог сказанного наместниками центрального правительства в Мацумазэ, заключался в том, что для Японии будет удобнее открыть торговлю между двумя странами, обезопасив т.о. не только северные

границы империи, выполнив выдвинутые Хвостовым требования, но и получить еще один способ увеличения доходов империи, которые можно было бы пустить, в том числе, и на укрепление обороны северных княжеств.

Однако в своих предложениях чиновники пошли далее рассмотрения вопросов, связанных с открытием торговли. В пункте третьем своей первой записи они затронули вопрос об установлении государственной границы: «Что касается до государственных границ, то не встречается препятствий к тому, чтобы на востоке сделать границей Эторофу [Итуруп], а на западе естественной границей является Карафуто. Однако так как он находится в местности, называемой русским Сахалин, то мы должны подвергнуть изучению этот вопрос с тою конечною целью, чтобы сделать государственною границею Сантан и Маньчжурию»⁴². Таким образом, собираясь довольствоваться на северо-востоке островами от Хоккайдо до Итурупа, на запада Японией ставился вопрос не только о Сахалине, но и о Приамурье и Манчжурии, претензии на которые не только столичные, но и местные чиновники считали себя вправе предъявить. Тем не менее, важен не объем территориальных претензий, а тот факт, что местные чиновники в Мацуказэ понимали необходимость проведения границы между двумя государствами.

В итоге, с учетом всех высказанных мнений и доводов, в столице было решено, что показав для начала как бы желание прогнать россиян, все же следует открыть торговлю с ними, для чего, во избежание проволочек, в ожидании визита русских в 1808 г. в Хакодатэ было отправлено письмо, соответствующее общему решению. «Мы не можем вести торговые отношения с таким государством, которое говорит... грубые и неприличные вещи. Если из вашей страны будут присланы много судов, то мы с своей стороны укрепим свою оборону и будем вести с вами войну. Если торговля представляется желательным делом, то необходимо раньше исправить то, что уже сделано и в доказательство того, что не имеется злостных намерений возвратить всех захваченных в плен японцев. Только после этого вы можете говорить о торговле»⁴³.

Однако во всех этих планах и проектах японского правительства пока не было необходимости, так как Россию от Дальнего востока вновь отвлекли европейские дела – урегулирование отношений с Францией после заключения в 1807 г. Тильзитского договора, война со Швецией 1808 – 1809 гг. Сами исполнители воли Н.П. Резанова – Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов, после возвращения в Охотск были арестованы начальником охотского порта И.Н. Бухарином и не могли более продолжать своих действий на Курильских островах и Сахалине, а значит, и вернуться в 1808 г. за ответом на свой ультиматум.

Формально предлогом для ареста лейтенантов флота были их действия в отношении японцев, предпринятые без разрешения правительства и императора. В своих рапортах императору Александру I, министру коммерции и иностранных дел Н.П. Румянцеву начальник Камчатки Кошелев осенью 1807 г. писал, что Бухарин арест в вещей и участников секретной экспедиции объяснял тем, что в Японии, наверное, их поступками недовольны⁴⁴. Фактически же Н.И. Бухарин, зная о том, что действия Хвостова и Давыдова носили грабительский характер, был и сам не прочь получить свой кусок от предполагавшейся у них добычи. Сохранились документы, подтверждающие это. В секретном донесении от 30 ноября 1807 г. генерал-губернатор Восточной Сибири И.Б. Пестель писал Н.П. Румянцеву, что до него дошли письма Хвостова и Давыдова, в которых они от жестокостей Бухарина просятся в Иркутск⁴⁵. В одном из подобных писем, написанных Хвостовым 19 октября 1807 г. в Якутске, его автор прямо пишет, что «господин Бухарин хотел, кажется истощить надо мною все выдуманное им мучение» и что все, что было на обоих судах было разграблено и груз не берегли, «хотя оный и взят под присмотр казенный»⁴⁶.

Однако не все считали необходимым держать офицеров под стражей. С помощью друзей Хвостов и Давыдов в ночь на 17 сентября 1807 г. бежали из Охотска. Н.И. Бухарин, давая распоряжение о поимке беглецов, просил не только не укрывать их, но «и обыскать нет ли при них японских вещей, а паче золота, которые естьли найдутся отобрав хранить до уведомления его»⁴⁷. Таким образом, начальник охотского порта еще раз подтвердил корыстность его

действий в отношении лейтенантов флота. Но беглецы не думали укрываться, и сами явились к якутскому областному начальнику, откуда были доставлены в Иркутск по распоряжению иркутского губернатора Н.И. Трескина. Позднее из столицы, благодаря его ходатайству перед генерал-губернатором Восточной Сибири И.Б. Пестелем, было дано повеление министра морских дел этих двух морских офицеров не задерживать.

В ожидании окончания разбирательства по их делу, по запросу главнокомандующего финляндской армией графа Буксневедена Хвостов и Давыдов были отправлены на фронт сражаться со шведами. В реляциях с фронта упоминаются имена обоих лейтенантов, зарекомендовавших себя в ходе боевых действий с наилучшей стороны: «Капитан 1 ранга Селиванов, отзываясь главнокомандующему..., превосходно свидетельствует о лейтенанте Хвостове, который показал пример невероятной неустрашимости... а равным образом и сухопутные начальники отзывались главнокомандующему о его мужестве, все нижние чины его превозносят, и вообще где он только появлялся, храбрость оживотворялась. ... равно заслужили внимание лейтенанты Давыдов, Тутыгин и мичман Трубников»⁴⁸. К этому времени по делу экспедиции лейтенантов 1806 – 1807 гг. уже были вынесены два противоречивых решения: министр коммерции Н.П. Румянцев оправдал офицеров, а Адмиралтейств-коллегия, напротив, признала их виновными⁴⁹. Окончательную точку в этом деле поставил Александр I. В августе 1808 г. император повелел «сего дела им в вину не ставить, и за время бытности их в экспедиции удовлетворить их жалованьем на щет вывезенных ими из Японии вещей»⁵⁰. Позднее эта точка зрения была немного ужесточена: «Неполучение награждения за сражения в Финляндии послужит сим офицерам в наказание за своевольства противу японцев»⁵¹.

Столь быстрое и достаточно мягкое решение относительно действий русских офицеров против граждан другого государства может объясняться только тем, что из донесений Резанова в столице знали о готовящихся набегах на японские фактории. Более того, своим молчанием власти как бы одобряли эти планы, поскольку в бумагах Резанова не найдено документов из столицы с критикой этих

действий. Но и проигнорировать факт нападений, когда о них было известно в Японии, было нельзя. Таким образом, действия Хвостова и Давыдова уже в 1808 г. получили окончательную и высочайше утвержденную оценку как своевольство.

Дальнейшая судьба офицеров сложилась трагически. Нелепая смерть 14 октября 1809 г. (неудачный прыжок с разведенного моста на баржу, закончившийся в Неве) помешала им снискать новые награды, а Г.И. Давыдову еще и закончить достаточно интересный труд «Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним».

Впоследствии исследователи событий 1806 – 1807 гг. на Сахалине и Курильских островах акцентировали свое внимание именно на том, что в тот момент существовала военная угроза Японии со стороны России⁵², что эти военные действия являлись местью за отказ, сделанный Резанову в Нагасаки. Причем данное мнение появилось уже в 1807 г., во время расследования обстоятельств дела. «Ныне получил достоверные сведения из писем и слухов, что эта экспедиция учреждена Резановым, яко бы по воле Его Императорского величества к Японским берегам на разорение Сахалина в отмщение сделанного японским двором отказу»⁵³, – писал в одном из своих рапортов начальник Камчатки Кошелев. Но японский исследователь Ё. Корияма указал на то, что действия русских офицеров «не представляли собой случайного локального инцидента, как считают обычно. Они имели сложный характер, при котором заветное чаяние русского промышленного капитала на Тихом океане сблизиться с Японией приобрело специфическую форму силового давления»⁵⁴. И действительно, послания Хвостова губернатору Хоккайдо содержат указания на то, что грабительские действия русских преследуют одну цель: добиться открытия торговли между двумя странами, и будут прекращены, как только Япония проявит желание торговать с Россией⁵⁵.

Помимо того, что в данном инциденте проявилось столкновение интересов Российско-американской компании, стремившейся укрепиться в Тихоокеанском регионе, с интересами японских властей, всеми силами старавшихся сохранить в стране существующий порядок и расширить свои владения за счет

более северных земель, здесь впервые возник вопрос о необходимости установления границы между двумя странами. Как отмечалось ранее, к началу XIX в. и Россия, и Япония стали претендовать на одни и те же территории. Но если до 1806 г. соперничество на Курильских островах носило выражалось в том, кому удастся быстрее обосноваться на том или ином острове, то действия Хвостова и Давыдова показали, что отсутствие границ может привести к вооруженным столкновениям. Это хорошо поняли в княжестве Мацумаэ, что проявилось в уже упоминавшейся записке.

Несмотря на то, что действия Хвостова и Давыдова в дальнейшем негативно оказались на русско-японских отношениях, именно они показали, что Япония все еще не считает Курилы и остров Сахалин своей территорией, хотя и претендует на них. Также, в результате окупации ряда японских поселений на Сахалине и Итурупе, была создана возможность для укрепления России на вышеуказанных территориях и установления отношений между двумя странами. Япония, испуганная этими нападениями, поначалу усилив оборону острова Хоккайдо, воздержалась от укрепления разбежавшихся гарнизонов на Курильских островах и Сахалине, что благоприятствовало усилиению здесь российского влияния. Но занятость России европейскими делами не позволила ей укрепиться в данном регионе и начать переговоры об установлении границы и торговли, к которым Япония была готова⁵⁶. Бездействие русского правительства позволило японским властям оправиться от пережитого потрясения и выработать новую позицию по отношению к России, которая теперь воспринималась в качестве весьма реальной угрозы. После укрепления обороны основных японских островов, войска были направлены на Сахалин, Кунашир и Итуруп. Побывавшие на этих островах представители японского правительства поставили новые знаки принадлежности территории Японии, ликвидировав подобные российские. Новым гарнизонам было дано повеление пальбою отгонять всякие иностранные суда⁵⁷. К 1811 г. японцы уже считали захваченные за несколько лет земли полностью своими.

2.2. Трудности в процессе зарождения русско-японских отношений в связи с проблемой Курильских островов в 1811 – 1817 годах

В год вторичного нападения Хвостова на японские поселения на Сахалине, из Кронштадта отправилась в путь вторая русская кругосветная экспедиция. Ее начальником был назначен лейтенант флота Василий Михайлович Головнин. В 1811 г. в рамках этой экспедиции Головнин на шлюпке «Диана» должен был «описать точнейшим образом Курильские острова, Шантарские острова и Татарский берег, от широты 53°38' N до Охотска⁵⁸. На основании данных мореплавателей, бывавших в этой местности ранее (таких, как Лаперуз, Сарычев, Броутон, Круzenштерн), был составлен план проведения описи островов и в мае 1811 г. «Диана» направилась к острову Расшуга, находившемуся в средней части Курильского архипелага, отправной точке намеченных Головнином исследований.

17 июня 1811 г. «Диана» подошла к острову Итуруп, на берег которого была отправлена шлюпка «для отборания... сведений об острове и о других предметах, к... делу принадлежащих»⁵⁹. Несколько позднее и сам Головнин отправился на берег, где, к своему удивлению, нашел японцев. Чтобы не вызывать подозрений, он сообщил начальнику находившейся на острове группы японцев, что его судно нуждается в пресной воде и дровах и, получив оные, тотчас оставит их берега. Поскольку в заливе Сяна, куда пристала «Диана», не было ни того, ни другого, японский начальник объявил русским, что в главном селении Итурупа Урбитче, можно получить не только все необходимое, но и съестные припасы. Осмотрев лагерь японцев, пообщавшись с бывшими там курильцами и взяв одного из них – Алексея Чикина в качестве переводчика, Головнин на следующий день отправился к восточному берегу Итурупа. Узнав от курильца Алексея, что на южной стороне острова Кунашир «есть безопасная гавань и укрепленное при ней селение», где можно запастись дровами, водой, пшеном и зеленью, Головнин решил идти в эту гавань. Но по его же собственному признанию, главной причиной для такого решения «было желание... описать подробнее гавань и пролив, отделяющий Кунасири [Кунашир – И.С.] от Мацмая, который прежде сего европейским мореплавателям не был известен и

на многих картах Бритона оставлен он под сомнением»⁶⁰. Сверх того, к этому времени «Диана» действительно стала нуждаться в пополнении запасов продовольствия и пресной воды. 5 июля 1811 г. судно вошло в Кунаширскую гавань, где было встречено двумя пушечными выстрелами.

В.М. Головнин был осведомлен о посольствах Лаксмана и Резанова, об их результатах. Также ему было известно о действиях Хвостова и Давыдова, и о том, «что правительство не одобряло поступков Хвостова». Зная, что некоторые южные Курильские острова заняты японцами, Головнин не хотел иметь с ними никаких сношений. Однако теперь необходимость заставила его искать с ними контактов. Несколько дней «Диана» пробыла у берегов Кунашира без каких-либо связей с гарнизоном японской крепости. 9 июля японцы через курильцев-переводчиков принесли свои извинения за пушечную пальбу, «поставя сему причиной недоверчивость..., происшедшую от поступков двух русских судов, нападавших на них несколько лет перед сим»⁶¹. Японцы пообещали снабдить шлюп провизией, но советовали переговорить об этом с «начальником города». На следующий день последовало приглашение на берег Головнину и некоторым офицерам. Сойдя на берег 11 июля 1811 г., В.М. Головнин, мичман Ф. Мур, штурман А. Хлебников, четыре матроса (Дм. Симанов, Г. Васильев, М. Шкаев, С. Макаров) и курилец Алексей Чикин – всего 7 человек, – были захвачены в плен у селения Томари (ныне Головнино).

Причины пленения семерых россиян были следующими. Во-первых, японский гарнизон исполнял статьи закона, повелевавшего отгонять иностранные суда от берегов пальбой, а если придет такой корабль в гавань, кроме Нагасакской, то держать людей с него «вечно в неволе».⁶² Во-вторых, напуганные нападениями Хвостова японцы не поверили в мирные причины прихода «Дианы» к их селению, несмотря на все старания Головнина убедить их в обратном⁶³. Третья причина заключается в том, что с визитом Головнина открывалась возможность произвести «строгий допрос о целях и причинах их двукратных буйств»⁶⁴, который правительство намеревалось сделать при ожидавшемся визите русских на север Японии в 1808 г⁶⁵.

Помимо вышеуказанных причин, свою роль сыграло сообщение Алексея Чикина и его соотечественников, захваченных японцами на Итурупе, о том, что они прибыли на этот остров по приказу камчатского исправника Ламакина с разведывательными целями перед приходом русских судов на следующий год. Так получилось, что ложно указанная курильцами дата, совпала с появлением в этой части Курильских островов экспедиции Головнина. Это обстоятельство также сказалось на отношении японцев к прибывшим русским⁶⁶.

В связи со всеми этими обстоятельствами японцы не были склонны сразу же верить объяснениям, которые дали Головнин и его спутники. Кроме того, в японской практике еще не было случая освобождения пленных граждан другого государства и их возвращения на родину.

Хотя японцы и считали в 1811 г. Кунашир своей территорией, но пленников следовало допрашивать и содержать в более значимых поселениях, чем Томари. Поэтому их доставили на Хоккайдо в Хакодатэ, где подвергли допросу в присутствии городского начальника. В конце сентября пленников перевели в главный город острова и княжества – Мацуэ, где их судьба была вверена попечениям губернатора⁶⁷. Здесь Головнина с товарищами также неоднократно допрашивали, и для верности они даже составили бумагу, объясняющую все дело. Наконец, 19 ноября губернатор объявил русским морякам, что он верит в их непричастность к делу Хвостова и тому, «что россияне не имели никогда намерения вредить Японии, а потому...возвращение [на родину]... последует»⁶⁸. Но через полгода пребывания в Мацуэ еще не было никакой надежды на освобождение. В одной из доверительных бесед японский переводчик Мураками Тэске в марте 1812 г. сообщил Головнину, «что здесь [в Мацуэ], губернатор и все прочие им верят, но в столице нет»⁶⁹. Не видя возможности освобождения из плена, Головнин и его 4 товарища сочли за лучшее совершил побег в ночь с 23 на 24 апреля в надежде добраться на рыбачьей лодке до берегов России. Мичман Федор Мур, наоборот, решил перейти на японскую службу и в этом побеге не участвовал⁷⁰. Проблуждав по горам Хоккайдо, беглецы были схвачены в тот момент, когда они уже собирались сесть в лодку.

Вернувшись в Мацумаз, пленники узнали, что решивший «уйти в японскую службу» Федор Мур, сообщил в знак своей лояльности к Японии новые сведения, дополнив тем самым уже имевшуюся у японцев информацию о нападениях Хвостова. Он рассказал, что Резанов ожесточился за отказ, сделанный ему в Нагасаки, и потому велел Хвостову произвести нападения, однако потом рассудил, что не может велеть такого без разрешения государя и изменил свое решение, но Хвостов его не послушал и потом за это был арестован. О причинах визита «Дианы» Мур сообщил, что было повеление описать Курилы, но не хватило провизии, почему и пришли к Кунаширу⁷¹. Кроме того, Мур заявил, что Хвостов и Головнин были знакомы, вместе воспитывались, служили и были искренними приятелями. Узнав об этом Головнин пришел «в крайнее отчаяние», думая что теперь неизбежно последует вечное заключение, почему предпринял попытку «суморить себя». Испуганные таким поворотом дела японские чиновники, поспешили сообщить Головнину, что японцы не хотят русским «никакого зла сделать» и что по приезду нового губернатора их положение изменится в лучшую сторону, и оба губернатора будут стараться о возвращении россиян на родину⁷².

Но не только в Японии были люди, желавшие освобождения Головнина и его товарищей из плена. После ареста Головнина на Кунашире командование «Дианой» принял на себя капитан-лейтенант П.Н. Рикорд. Он произвел артиллерийский обстрел японской крепости, но малочисленность экипажа не позволила ему высадить десант на берегу и освободить товарищей. Ответный огонь японских батарей принудил Рикорда покинуть негостеприимный залив Кунашира, названный в память о произошедшем Заливом Измены.

14 августа 1811 г. «Диана» вернулась в Охотский порт, начальник которого М.И. Миницкий, узнав о несчастии, постигшем В.М. Головнина, с которым он был дружен еще со службы во флоте, принял деятельное участие в подготовке экспедиции для освобождения русских моряков из японского плена. П.И. Рикорд решил ехать в Санкт-Петербург «для подробного донесения обо всем случившемся», рассчитывая получить в столице разрешение на кампанию к японским берегам для освобождения оставшихся в плену... соотечественни-

ков»⁷³. Но иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин распорядился, чтобы Рикорд ожидал решения из столицы в Иркутске, и сам занялся вместе с капитан-лейтенантом составлением плана предполагаемой экспедиции.

В истории России конец 1811 – начало 1812 гг. – весьма напряженный период, предшествовавший войне с Францией. Сложная международная обстановка не позволяла российскому правительству принимать меры против Японии. Поэтому по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири И.Б. Пестеля Александр I повелел Рикорду продолжить опись Курильских островов, разрешив зайти к Кунаширу для выяснения участи пленных товарищей⁷⁴.

Новая экспедиция к Курильским островам была усиlena «для безопасного плавания» некоторым количеством солдат из охотской морской роты и бригом «Зотик». Несмотря на такое подкрепление, главным оставалось мирное решение возникнувшего конфликта. Для этого на борт «Дианы» были взяты 7 японцев для обмена на пленных моряков. Один из них – Городзи Накагава, назвавшийся в России большим чиновником и купцом Леонзаймо или Дежаймоном, был взят в 1807 г. Хвостовым в плен на острове Итуруп⁷⁵. Остальные японцы были спасены на Камчатке после кораблекрушения в 1811 г⁷⁶. (См. Прил. 1)

28 августа 1812 г. «Диана» и «Зотик» прибыли в залив Измены. Начались попытки П.И. Рикорда установить контакты с начальником гарнизона и получить какие-либо сведения о находящихся в пленах товарищах. Первым делом на берег острова был высажен японец из числа шести потерпевших кораблекрушение с письмом иркутского гражданского губернатора, переведенным на японский язык Городзи Накагава: «Несмотря на такой неожиданный и неприязненный поступок..., мы возвращаем всех японцев, претерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки, в их отчество. Да послужит сие доказательством, что с нашей стороны не было и нет ни малейшего неприязненного намерения, и мы уверены, что... капитан-лейтенант Головнин с прочими также будут возвращены... Но ежели, сверх нашего ожидания, пленные наши возвращены теперь же не будут по неимению ли на то разрешения от высшего японского правительства или по другим каким причинам, то для требования людей наших в

будущем лете придут вновь корабли наши к японским берегам»⁷⁷. Как видно из приведенного текста письма, Россия стремилась продемонстрировать свое миролюбие и желание урегулировать проблему без применения оружия. Но последние слова оставляли, в случае невозможности решить вопрос в 1812 г., свободу действий за российскими властями от посылки такой же группы кораблей на следующий год, до снаряжения вооруженной карательной экспедиции.

Не получая ответа в течение трех дней, Рикорд отправил в крепость второго японца, который вернувшись сообщил, что в гарнизоне не хотят иметь никакого дела с русскими. В течение семидневного пребывания «Дианы» и «Зотика» в заливе Измены, было видно, что японцы не доверяют прибывшим русским, и «начальник острова – по собственному ли произволу или по предписанию высшего начальства – вовсе отказался иметь... сношения»⁷⁸.

4 сентября Рикорд отправил на берег Городзи Накагава, которого хотел использовать в качестве переводчика в предстоявших переговорах, и еще одного японца. На другой день на «Диану» было доставлено известие о казни пленных русских моряков. Эта новость поразила весь экипаж русских кораблей, однако для того, чтобы решить, как действовать далее, Рикорд хотел получить более верное доказательство, нежели слова японца, и Городзи Накагава вновь был отправлен на берег за доказательствами, но обратно больше не вернулся.

Обмен пленными не состоялся. Тогда Рикорд принял решение захватить с берега или какого-нибудь судна человека, чтобы выведать от него правду. 7 сентября такой случай представился и в открытом море у входа в залив Измены было задержано следовавшее с Итурупа в гавань Хакодатэ на Хоккайдо судно «Касэ-мару». Его владелец японский купец Такадая Кахээ сообщил правду о судьбе пленников, сказав, что они живы и «находятся в городе Матсмае». Для того, чтобы Такадая Кахээ подробнее рассказал об участии пленных и намерениях японского правительства, а также потому, что Рикорд видел в нем человека высокого положения, и просвещенного, было решено взять его на Камчатку для зимовья. Купец на это согласился, после чего были отпущены четыре остававшихся на «Диане» японца, а вместо них взяты четыре матроса с «Касэ-мару».

После того знакомства японских моряков с устройством русского корабля, при участии Такадая Кахээ к начальнику японской крепости было написано новое, более подробно описывающее суть дела. Оно осталось без ответа, и 11 сентября «Диана» и «Зотик» снялись с якоря, взяв курс на Камчатку⁷⁹.

После этого визита «Дианы» на Кунашир в 1812 г. у русских моряков, находящихся как в России, так и в Японии, появилась надежда на благополучное разрешение возникшего между двумя странами инцидента. Японцы показали Головину с товарищами бумаги, присланные с «Дианы» на Кунашир, полные выражениями в защиту товарищей, а также письмо мичмана Рудакова мичману Муру, в котором тот писал о намерении вернуться на следующий год⁸⁰. В свою очередь, зимуя в Петропавловской гавани, из бесед с Такадая Кахээ Рикорд уверился в том, что с помощью этого японца удастся освободить пленных товарищей. Такадая Кахээ разъяснил россиянам многие законы и обычай Японии, «по незнанию которых иностранец может произвести... ложное суждение» о Японии. Благодаря ему в России впервые стало известно о том, что пленение Головнина явилось результатом действий Хвостов и Давыдова⁸¹. При помощи столь ценного советчика было решено при посредничестве начальника Охотского порта М.И. Миницкого испросить у иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина официальное письмо, в котором бы свидетельствовался тот факт, «что правительство не участвовало в поступках Хвостова». Это послание Такадая Кахээ «брался лично вручить... матсмайскому губернатору и доставить в Кунашир (...) решительный ответ и известие об участии всех... пленных»⁸².

Весной 1813 г. начался новый этап операции по спасению русских моряков. За два месяца до нового прихода «Дианы» на Кунашир в Мацуваэ прибыл новый губернатор, с которым приехал переводчик Мураками Тэске, обучавшийся русскому языку у пленных моряков и успевший с ними подружиться. Он в приватных беседах довел до сведения россиян о существовании повеления «писать на русские суда и объясниться с ними»⁸³. Через несколько дней после этого сообщения, японские чиновники заявили о намерении требовать объяснений о Хвостове от тех русских, которые будут на кораблях. С этого момента освобождение россиян

из японского плена стало еще более реальным, так как были назначены посыльные на корабли из числа семерых пленников (один из матросов и курилец Алексей Чикин). При этом с японской стороны выдвигалось одно единственное условие, выполнение которой русской стороной было необходимо для освобождения подданных России: объяснить вооруженные нападения Хвостова и Давыдова на японские фактории на Курильских островах и Сахалине.

В июне 1813 г. на Кунашир вновь прибыла «Диана». Здесь Рикорда уже ожидали заранее приготовленные бумаги, содержащие сведения о том, что все его пленные товарищи живы и здоровы, за исключением штурмана Хлебникова, а также официальное письмо из Мацумазэ, оповещавшее о готовности японских властей освободить пленных, если будут даны официальные объяснения относительно поступков Хвостова. Такадая Кахээ, отпущенный с «Дианы» на берег, весьма активно содействовал Рикорду в его контактах с представителями Японии на Кунашире, разъясняя многие японские обычаи и привычки японцев, непонятные русским, чтобы снять все препятствия для установления взаимопонимания. Также он добровольно взял на себя роль курьера между Томари и «Дианой», доставляя письменные и устные сообщения⁸⁴. Поэтому именно Такадая Кахээ смог лично вручить Рикорду привезенную из Мацумазэ бумагу, написанную Головниным, подтверждавшую то, что он и все его товарищи действительно живы, а немного позднее сообщить, что вместе с чиновником, отправленным на Кунашир специально для переговоров с Рикордом, на остров прибыл и один из пленных матросов. Все это с одной стороны должно было подтвердить то, что все пленные живы, а с другой стороны – показать положительный настрой японцев по отношению к россиянам и их готовность к переговорам с российской стороной.

Прибывшие с матросом Д. Симановым представители японского правительства Сампэй Такахаси и Хёгоро Кодзимото передали П.И. Рикорду документ, в котором содержались условия, выдвигаемые японской стороной для освобождения пленных: подтвердить, что приходившие в 1806 и 1807 гг. суда «поступили разбойничьи без ведома и позволения правительства. ... Объясне-

ние на сие от начальства в ответе прислать хорошо. Если сему верить и прилично поступить, тогда в Эдо просить будем возвращения всех пленных русских»⁸⁵. В этом же документе назначалось новое место для дальнейших и окончательных переговоров – Хакодатэ. Подтверждение этого требования японцев содержалось и в письме В.М. Головнина П.И. Рикорду, тайком принесенном на «Диану» Д. Симановым. «Японцы... уверяются в миролюбивых намерениях нашего правительства, а так же и в том, что поступки Хвостова были самовольны, без ведомства начальства и к большому неудовольствию государя; но им нужно на это формальное уверение от начальника какой-нибудь нашей губернии или области, с приложением печати»⁸⁶.

Эти требования японской стороны были вполне приемлемы для России, тем более, что по совету Такадая Кахээ у Иркутского губернатора уже была испрошена подобная бумага, за которой необходимо было ехать в Охотск. Поэтому, получив на Кунашире все вышеуказанные бумаги, Рикорд немедленно дал приказ сниматься с якоря, чтобы еще в 1813 г. успеть освободить россиян из японского плена, не откладывая решение этого вопроса до следующего года.

В ожидании обещанного возвращения «Дианы», чтобы понапрасну не терять времени, было решено заранее подготовить все требуемое для освобождения из Японии семи русских моряков. В августе 1813 г. в Мацуэ из столицы было прислано повеление, согласно которому «если русский корабль, обещавшийся нынешним же годом прийти в Хакодате с требуемым японцами ответом, действительно придет и привезенный им ответ здешний [Мацуэйский] губернатор найдет удовлетворительным, то правительство уполномочивает его отпустить нас [русских], не дожидаясь на сие особенного решения»⁸⁷. Поскольку японцы были уверены в том, что «Диана» успеет вернуться в этом же году, в конце августа – начале сентября Головнин и его товарищи были переведены в из Мацуэ в Хакодатэ. С этого момента меняется отношение японцев к русским: их перестают считать пленными, обращаясь с ними как с гостями, учитывая многие их желания, а также подчеркивая более явно главенствующее положение Головнина как начальника этой группы⁸⁸.

Прекрасно понимая, что после освобождения россиян японцы теряют хороший источник знаний по многим предметам, они старались получить от них в оставшееся время как можно больше сведений. Еще в марте 1813 г. для обучения русскому языку и другим наукам в Мацуэ прибыли двое ученых: Садзюро Баба и Санай Адати. Садзюро Баба был переводчиком голландского языка, который также выучился русскому языку у Кодаю, был в Нагасаки во время прибытия туда посольства Резанова. Санай Адати являлся математиком и астрономом, также несколько знакомым с русским языком благодаря Кодаю и посольству Резанова. С собой японцы привезли в Мацуэ книги на русском языке, которые они при помощи моряков пытались перевести на японский язык. И если Санай Адати занимался переводом арифметики Магницкого, которая попала в Японию еще в конце XVIII в. с Кодаю, то Садзюро Баба занимался книгой более новой, по времени своего появления в этой стране, и гораздо более интересной для японцев с точки зрения ее практического применения по мнению «учителей».

Андрей Хлебников, обладавший прекрасными познаниями в математике, по памяти составил таблицу логарифмов, синусов, тангенсов и других тригонометрических функций, которая была подарена Санай Адати. Также Хлебников сделал «чертеж и модель солнечных горизонтальных часов для города Матмая» и затем для Эдо, по которым отображалось европейское время, японское календарное время и японское гражданское время⁸⁹. В.М. Головнин сочинил для японцев «грамматику русского языка... с таковою удивительною подробностью что нет никакого сомнения в том, что оная чрезмерно облегчит впредь для них изучение нашего [русского – И.С.] языка», а заодно «делал еще многие пояснения из небесной физики и других предметов»⁹⁰. На основе уроков, данных Головниным, и его грамматики Садзюро Баба составил «Краткий русский лексикон» и «Правила русской грамматики»⁹¹. Эти занятия велись около полугода, не считая того, что с самого начала пребывания в Японии, русские моряки обучали своему языку двух бывших при них переводчиков – Кумаджера Камихара и Тейсукэ Мураками (Вейхара Кумаджеро и Мураками Теске, как их называют

в своих воспоминаниях Головнин, Хлебников и Рикорд). В последний месяц пребывания на Хоккайдо русских моряков, их занятия со всеми этими японцами велись очень интенсивно, поскольку как уже отмечалось, «ученые» стремились получить от своих «учителей» как можно больше сведений.

Одновременно с обучением японцев, в Хакодатэ велась подготовка документов, необходимых при освобождении пленных и их отправки на родину. Здесь также предстояло проделать большую работу, так как японское правительство, видя, что между странами из-за неверного понимания, в том числе и официальных документов, может возникнуть конфликт, решило еще раз перевести на русский язык с оригинальных бумаг свои ответы Лаксману и Резанову, чтобы россияне, вернувшись домой, «постарались переводы сии довести до сведения... правительства, а если возможно, то и до самого государя»⁹². Кроме того, для отправки в Россию с этой же целью готовились копии с бумаг, оставленных Хвостовым. Готовился перевод тех бумаг, которые предстояло вручить Рикорду и освобожденным пленным. После завершения этой работы были получены точные переводы всех бумаг, которые отправлялись из Японии в Россию, начиная с 1793 г., поскольку над ними трудились как японцы, выучившие русский язык, так и россияне, изучившие за два года пребывания в Японии язык этой страны.

Но все эти приготовления к новому визиту русского корабля не могли заставить пленников до конца поверить в возможность своего достаточно скорого освобождения. 15 августа 1813 года датируется составленный В.М. Головниным документ, в котором он пишет: «Я теперь в японской тюрьме и надежда возвратиться в Россию едва, едва для меня мелькает»⁹³. Несмотря на такие слова, это сочинение самим автором названо «мнения и замечания Капитан-лейтенанта Головнина, кои не дурно будет представить на разсмотрение правительства» и представляет собой план ведения военных действий против Японии, составленный человеком, имеющим достаточное представление об обороноспособности этой страны. В пункте первом этого документа Головнин выдвигает три «самые справедливые и законные причины наказать Японию», которые есть у России. «I.e. Японцы заселили острова, издавна бывшие в зависимости России.

2е. Послу [Резанову – И.С.] дали весьма оскорбительный ответ, запретили судам нашим и в бедствии к ним заходить, угрожая людей взять, а суда сжечь; отчего подвергли мореплавание наше на здешних морях крайней опасности, ибо судно в несчастии должно тонуть не будучи в состоянии прибегнуть к помощи соседственной державы.

3е. Обманули и захватили командира военного судна и потом на дружеские предложения не смотрят, а продолжают обманывать и хитрить (сие разумеется, если обман с их стороны теперь есть, впрочем не известно еще точно)»⁹⁴.

Далее Головнин изложил подробный план ведения военной компании против Японии, прибыль от которой должна была покрыть все расходы с избытком: захваченные вещи, пленные японцы, которые могут работать в Сибирской губернии на рыбных предприятиях⁹⁵. Выгода России состояла в том, что «завладев Матмаем, по необходимости все острова к северу от него лежащие нам подпадут»⁹⁶. Но, самое главное, «после пяти или шести лет войны, – по мнению Головнина, – японцы опомнятся и сами пожелают мира и дружбы с нами; на выгодных для нас условиях»⁹⁷.

Эти предложения, составленные со знанием описываемого вопроса, остались не востребованными, так как ни правительство России, ни сам Головнин не считали вооруженный способ разрешения создавшейся ситуации верным. Сам автор «Мнений и замечаний», заканчивая их, писал: «Если бы я был в России то конечно же не осмелился бы предлагать свои советы правительству»⁹⁸. Поэтому при издании своих записок Головнин ни разу не упомянул о существовании этого документа, который разу не был опубликован.

Примерно в то же время, когда в Хакодатэ заканчивалась работа над переводом японских бумаг на русский язык, экипаж «Дианы» боролся с ветрами у берегов островов Сахалин и Хоккайдо. Противные курсу судна ветра несколько задержали «Диану» на пути в Вулканический залив к мысу Эримо, где ее должен был ожидать лоцман, знающий путь к Хакодатэ. 13 сентября караульные солдаты на берегу заметили корабль и с этого момента в Хакодатэ и местные власти, и с нетерпением ожидающие своих соотечественников россияне, вни-

матерно следили за передвижением «Дианы», которая прибыла в указанное для переговоров место 27 сентября.

Еще до начала встреч губернаторов с прибывшими россиянами, представителям японского правительства была вручена бумага начальника Охотского порта М.И. Миницкого. Здесь объяснялось «подробно, что нападения на японские селения были самовольные, что правительство в них никако не участвовало и что государь император всегда был к японцам хорошо расположен и не желал им никогда наносить ни малейшего вреда»⁹⁹. Это письмо позволило начать процесс освобождения пленных россиян и ему переговоры.

Если в предыдущих переговорах лица, представлявшие Россию и Японию, вели переговоры через переводчиков голландского языка, то теперь впервые каждая сторона располагала своими специалистами, знающими, соответственно, русский или японский язык (Мураками Тэйсукэ со стороны Японии и специально вызванный из Иркутска бывший японец Петр Киселев). России и Японии представилась возможность вести переговоры без каких либо ограничений в виде языкового барьера, как это было в 1779 г., или в лице переводчиков голландского языка в случае с посольством Резанова в 1805 г.

Первое свидание П.И. Рикорда с представителями японских властей состоялось 30 сентября. В ходе его подготовки еще раз было продемонстрировано, что две страны с различными обычаями и нормами могут найти общий язык без нанесения ущерба какой-либо стороне. При помощи Такадая Кахээ в разработанном церемониале встречи удалось обойти такие традиционно спорные вопросы, как обувь на ногах европейцев, принятые в Японии низкие поклоны, противоречавшие привычкам русских, использование стульев и ношение оружия караулом, сопровождающим русского посла к месту переговоров¹⁰⁰. На этой встрече было объявлено, что японская сторона вполне удовлетворена теми объяснениями, которые изложил в своем письме начальник Охотского порта М.И. Миницкий, а значит, вскоре 7 русских будут освобождены и смогут вернуться на родину. Со своей стороны, П. И. Рикорд зачитал и передал японцам письмо иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, решение по которому было обещано вынести через

несколько дней. На этом первый день встречи был закончен, и после того, как последовали поздравления от переводчиков и ученых, обучавшихся у Головнина, со счастливым окончанием дела, Рикорд вернулся на «Диану».

Послание Н.И. Трескина было написано ранее уже врученного японцам письма М.И. Миницкого и повторяло изложенное начальником Охотского порта, поэтому мацуэйский губернатор решил оставить его без ответа. Также от иркутского гражданского губернатора П.И. Рикорд имел предписание договориться «касательно постановления, с обоюдного согласия, между двумя государствами границ и взаимных дружеских связей»¹⁰¹. Такое же предложение «на предыдущие времена во отвращение всяких недоразумений с обоих сторон»¹⁰² содержалось и в письме М.И. Миницкого. Но ряд обстоятельств, указанных Головниным во время беседы с Рикордом 5 октября, заставили отказаться от переговоров по вопросам разграничения. В числе эти доводов была и необходимость губернатору Мацуэ для ответа на любое подобное предложение со стороны России получить предписание из столицы, и невозможность зимовки «Дианы» в ожидании решения из Эдо в гавани Хакодатэ¹⁰³. Поэтому было принято решение не поднимать осенью 1813 г. вопроса об установлении границы, оставив его до более лучших времен. А о том, что «случай к восстановлению между Россией и Японией дружеских связей еще не ушел»¹⁰⁴, японцы несколько раз говорили Головнину в беседах. Также из письма Миницкого и через Такадая Кахээ японская сторона узнала о намерениях России договориться о границе, а значит, могла заранее подготовиться к подобным переговорам.

6 октября губернатор Мацуэ официально объявил семи бывшим в плену россиянам об их освобождении и предстоящем возвращении на «Диану» и вручил свое поздравление в связи с эти событием. 7 октября состоялось столь долгожданное возвращение В.М. Головнина и его товарищей на русский корабль. При этом же П.И. Рикорду были вручены бумаги японского начальства для доставления «куда следует по возвращении в Россию». Хотя в японских документах неоднократно говорилось о запрете иностранным судам приближаться к берегам Японии для каких-либо контактов, в день отплытия из гавани Ха-

кодатэ Рикорд все же попросил дать ответ на предложение Миницкого об установлении границы, доставив его на Итуруп. 10 октября «Диана» покинула японские берега и 3 ноября 1813 г. вернулась в Петропавловск-на-Камчатке.

Оценивая значение событий 1811 – 1813 гг., их участники писали, что через них две империи сделали большой шаг на пути взаимного сближения и, наконец, установят дружественные связи, «на взаимных полезах и выгодах» утверждающиеся¹⁰⁵. В 1814 г. судно «Борис и Глеб» под командованием штурмана Новицкого приходило на Итуруп, но оно не привезло ответ на письмо иркутского гражданского губернатора, по которому, по мнению генерал-губернатора Восточной Сибири И.Б. Пестеля, можно было бы вступить в формальные переговоры с японцами¹⁰⁶. Причиной отсутствия письма японской стороны была задержка курьеров из Эдо, прибывших на Итуруп через две недели после ухода русского судна. Ответ сёгуната предлагал самым северным островом Японии считать Итуруп, а самым южным островом России – Симушир, оставляя Уруп, Чирпой, Брат Чирпоев и Макаруш в промежуточной зоне между двумя государствами¹⁰⁷. По сравнению с мнением, высказанным в 1807 г., Япония начала говорить о своеобразной «буферной зоне» на Курильских островах¹⁰⁸.

Но и вскоре после 1814 г. граница между Японией и Россией не была установлена. Это объясняется рядом причин. Во-первых, после 1814 г. из Эдо на Итуруп письма с ответом на предложение Н.И. Трескина более не посылались. В столице было решено, что переговоры с русскими о границе являются нарушением законов о закрытии страны, а во избежание каких-либо инцидентов следует усилить оборону на Сахалине и Курильских островах, так как это не было сделано после 1807 г. из-за неуверенного положения Японии на данных территориях¹⁰⁹. Во-вторых, в течение ряда лет русские корабли, направлявшиеся к Южным Курильским островам, преследовали неудачи.

После безрезультатного плавания 1814 г. И.Б. Пестель разрешил при удобном случае отправить к Итурупу еще одно судно, чтобы у японцев не было отговорки, что россияне не присыпали корабль, о чем он и сообщил в своем отношении руководителю Адмиралтейств-коллегии И.И. де Траверсе 3 января

1815 г¹¹⁰. Таким удобным случаем стало новое кораблекрушение японского судна в 1814 г. Трех спасшихся на шестом Курильском острове японцев было решено на транспортном судне «Св. Павел» вернуть на родину. Штурману судна Среднему было дано повеление идти «к пограничному 16 Курильскому острову Итурупу, – и снабдив потерпевших кораблекрушение людей на месяц провизией и лодкою, ежели только нет там других японцев, оставить их на сем острову, откуда они весьма удобно могут уже отправиться в свое Отечество»¹¹¹. А поскольку «возвращение сих японцев в их отчество представлял самый благоприятный случай к отправлению пред назначенной к Японским берегам экспедиции для решительного узнания о расположениях японского правительства», то при этом было найдено нужным послать лист для доставления к Японскому правительству, где говорится, «что Российское Правительство, дабы явить новое доказательство мирного и дружелюбного расположения онаго к Японскому государству, приняло человеколюбие, призрело и возвращает потерпевших бедствие подданных Японской империи»¹¹². Однако в 1815 г. не удалось ни доказать еще раз добрососедский настрой России, ни вернуть японцев на родину, ни получить ответ на письмо Н.И. Трескина. «Св. Павел», достигнув пределов видимости Итурупа не сумел из-за сильных ветров пристать к берегу, и Средний вернулся назад, не сумев вернуть японцев на их родину.

Поскольку снаряжение ежегодно специального судна к берегам Японии и содержание ее граждан было для казны делом достаточно накладным, то в 1816 г. было решено этих японцев, а также еще троих, привезенных в 1815 г. в Петропавловск–Камчатский англичанином Пиготом из Калифорнии, куда занесло их бурей, отправить на родину на байдаре посредством курильцев, «на что и сами японцы не токмо согласны, но и просили, … о том»¹¹³. Навигация 1816 г. позволила реализовать это намерение и японцы через Курильские острова, снаженные всем необходимым, и упоминавшимся выше письмом, на байдаре были отправлены в их отчество, о чем И.Б. Пестель и составил записку К.И. Нессельроде. В этой же записке генерал-губернатор Восточной Сибири сообщал, что экспедиция в Японию не подает «никакой благоприятной надежды,

чтоб продолжить оную и на следующие навигации», и во избежание напрасных трудов и опасностей, с которыми сопряжено плавание к берегам японским, экспедицию предлагалось приостановить до более благоприятного времени¹¹⁴.

В декабре 1816 г., рассмотрев представленную И.Б. Пестелем записку, Комитет министров вынес решение приостановить иркутскую экспедицию до благоприятного времени, а всех заносимых в Россию японцев возвращать в их Отечество при помощи курильцев¹¹⁵. Таким образом, Россия сознательно прерывала связи с Японией и попытки установить с ней официальные отношения. Думается, что Комитет министров не предполагал, что столь расплывчато обозначенные «благоприятные времена» наступят лишь через 40 лет.

Однако перерыв в попытках установить контакты с Японией не означал полного забвения этой темы. Участники русско-японских контактов начала XIX в., основываясь на собственных знаниях, а особенно на том положительном опыте, который был приобретен во время событий 1811 – 1813 гг., разработали несколько предложений по отправке посольства в Японию.

В начале 40-х гг. XIX в. с подобной идеей выступил И.Ф. Крузенштерн, мотивируя необходимость «установления постоянных дружелюбных сношений с Японией» тем, что польза от них не ограничится «одними прибылями по торговле, но сношения эти возымеют также важное влияние на распространение пределов науки»¹¹⁶. Если выгоды от русско-японской торговли были очевидны еще в XVIII в., и Крузенштерн был озабочен снабжением Камчатки и северо-восточной Сибири, зная по личному опыту, с какой благодарностью принимается здесь привезенный из Японии рис¹¹⁷, то особо о научной пользе таких контактов в этих предложениях было сказано впервые. «Одно уже плавание из Балтийского моря в Японию представляет обширное поле для ученых занятий по различным отраслям наук», – писал И.Ф. Крузенштерн, и далее отмечал.– «Я упомяну здесь о пользе, какую можно ожидать от сей экспедиции в оном только отношении, именно в отношении к гидрографии. Западный берег Камчатки вовсе не описан, и суда, идущие из Охотска в Петропавловск, на этом берегу часто разбиваются. Потому было бы очень важно с точностью описать этот бе-

рег и для навигации сего моря составить подробные инструкции или лоцию»¹¹⁸.

Таком образом, если ранее на первом месте стояли географические открытия в Тихоокеанских владениях России, то теперь снаряжение посольства в Японию должно было способствовать исследованиям уже открытых территорий этого региона. Крузенштерн считал, что издержки на подготовку посольства, «не могут быть весьма значительны», и эта экспедиция «при желанном успехе.., вполне вознаградит за употребленные на нее издержки»¹¹⁹.

Через несколько лет после составления эти предложений П.И. Рикорд, будучи адмиралом, направил в Морское министерство письмо «О посылке экспедиции в Японию с целью установления торговых отношений». В отличие от Крузенштерна, Рикорд был более сведущ в вопросах, касавшихся Японии, благодаря контактам с японцами, которые имели место в 1812 и 1813 гг., и тому, что по его собственному признанию, Петр Иванович «не упускал никакого случая, чтобы дополнять и проверять сведения», полученные в ходе этих контактов. Не останавливаясь на вопросах взаимных выгод русско-японских отношений, Рикорд отмечает расположность японцев к установлению дружественных связей с Россией и о главной, по его мнению, помехе на пути к этому – влиянии Голландии на японское правительство. С точки зрения адмирала, если удастся убедить голландцев в том, что мирные отношения России и Японии не будут препятствовать их торговле, и что русские ограничатся только севером Японии, то «устранив такое препятствие, можно было бы надеяться почти несомненно, что со стороны японцев несогласия не будет»¹²⁰.

Временно эти предложения и письма не были использованы, а Россия, несомненно, испытывавшая трудности в освоении огромных пространств Сибири, после 1817 г. не имела возможности уделить должного внимания Японии и близлежащим Курильским островам. Государство, не желая идти на новые конфликты со своим островным соседом, решило ограничить свое экономическое влияние на Курилах незанятыми японцами островами, что было отражено в указе Александра I в 1821 г., определившем крайней точкой экономического суверенитета России южный мыс острова Уруп. В 1828 г. на Урупе было вос-

становлено русское поселение, а в 1853 году Г.И. Невельской, основав в заливе Анива, пост Муравьевский, объявил местным жителям, что Приамурье до границы с Кореей и Сахалин являются владениями, повторив, таким образом, заявления Н.А. Хвостова о принадлежности этого острова России.

Можно утверждать, что пленение Головнина на о. Кунашир показало, что отсутствие границы между Россией и Японией неизбежно приведет к возникновению на спорных территориях инцидентов с участием граждан этих двух стран. При освобождении 7 россиян из японского пленя у соседних государств появилась возможность начать переговоры о территориальном размежевании, к которым была готова как Россия, так и Япония. Но вначале из-за погодного фактора, а затем из-за изменения позиции правящих кругов Японии эта возможность так и не была реализована. После того, как в очередной раз японские власти продемонстрировали нежелание идти на сближение, в 1816 г. на заседании российского комитета министров было принято решение временно приостановить попытки установить отношения с Японией. При этом сроки возобновления экспедиций к берегам Японии не были указаны.

Приостановив «японскую экспедицию», правительство Александра I попыталось самостоятельно решить проблему территориального размежевания с Японией исходя из того, что острова Кунашир и Итуруп, жители которых в 80-е гг. XVIII в. приняли российское подданство, были заняты в начале XIX в. японцами. Поэтому был издан императорский указ, разрешавший освоение северных и центральных Курильских островов вплоть до Урупа. Впоследствии именно такое разделение Курильских островов было зафиксировано при подписании в 1855 первого русско-японского трактата в Симода¹²¹.

Таким образом, в результате встречного движения России и Японии по Курильским островам перед странами встало необходимость решить, кому именно принадлежат острова Итуруп, Кунашир и Шикотан. Нерешенность вопроса о русско-японской торговле, привела к тому, что представители русского государства попытались ее установить, прибегнув к силовому давлению на руководство Японии. В результате действий Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на

Курильских островах и острове Сахалин, правительство Японии выразило готовность идти на переговоры с Россией об установлении официальной торговли и о территориальном размежевании между странами. Но 1807 – 1817 гг. стали в отношениях двух стран «периодом упущенных возможностей».

Ликвидация Хвостовым и Давыдовым в 1806 – 1807 гг. нескольких японских поселений на Итурупе и Сахалине открывала возможность для усиления российского влияния на этих территориях и начала переговоров о торговле и границе с Японией. Однако в 1808 – 1811 гг. основное внимание русского правительства было сосредоточено на ситуации в Европе (русско-шведская и русско-турецкая войны, урегулирование отношений с Францией и другими европейскими государствами).

Отсутствие границы между Россией и Японией и усиление японского присутствия на южных Курильских островах привели в 1811 г. к пленению на острове Кунашир 7 русских моряков во главе с В.М Головиным. В ходе переговоров об освобождении их из плена, японская сторона в 1813 г. вновь выразила готовность обсудить вопрос об установлении границы, но сами переговоры были перенесены на 1814 г. Но и на этот раз обсуждение проблемы территориального размежевания не состоялось. Вначале этому воспрепятствовал погодный фактор, помешавший участникам переговоров своевременно прибыть к месту их проведения. С 1816 г. меняется позиция по этому вопросу как в Японии, так и в России. Японское руководство возвращается к политике сохранения позиции самоизоляции, а российское правительство решает сосредоточить все силы на освоении Русской Америки, временно приостановив финансирование и работу «японской экспедиции».

В отсутствие официально определенной границы с Японией Россия ограничила свое экономическое влияние в этом регионе уже освоенными северными и центральными Курильскими островами. Позднее эта граница была зафиксирована официально в Симодском трактате 1855 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В подтверждение этого положения см, напр.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XX. С. 814, где прямо говорится о том, что к 1779 возможные курильцы (население южных Курильских островов) приведены в российское подданство.
- ² См.: Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 153.
- ³ Цит. по: Полевой Б.П. Указ. соч. С. 154.
- ⁴ См.: Позднеев Дм. Материалы по истории Японии и Ея отношений к материку Азии и России. Иокогама, 1909. Т. 2. Ч. II .С. 58
- ⁵ См.: Архив внешней политики Российской империи. Ф 98. Оп. 98/1. Д. 3. ЛЛ. 2 – 2 об. (Далее – АВПРИ)
- ⁶ См.: Полевой Б.П. Указ. соч. С. 165.
- ⁷ См.: Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. М., 1993. С. 4.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 161. I – 7. Оп. 6. 1802. Д. 1. П. 32. Л. 3.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 161. I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14. Л. 40.
- ¹⁰ Там же. ЛЛ. 39 – 39 об.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 161. I – 7. Оп. 6. 1802. Д. 1. П. 34. ЛЛ. 82 об. – 83.
- ¹² АВПРИ. Ф. 161. I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14. Л. 41 об.
- ¹³ Там же. Л. 43 об.
- ¹⁴ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1972. С. 200.
- ¹⁵ Позднеев Дм. Указ соч. С. 159.
- ¹⁶ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 35 – 36.
- ¹⁷ Там же. Л. 36 об.
- ¹⁸ См.: Позднеев Дм. Указ. соч. С. 161 – 162.
- ¹⁹ Позднеев Дм. Указ. соч. С. 164.
- ²⁰ См.: АВПРИ. Ф. 161. I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14. ЛЛ. 72 – 73.
- ²¹ Позднеев Дм. Указ. соч. С. 164.
- ²² См.: РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 35 – 36.
- ²³ См.: Позднеев Дм. Указ соч. С. 163, 172; Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 141.
- ²⁴ См.: Позднеев Дм. С. 172.
- ²⁵ См.: АВПРИ. Ф. 161. I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14. ЛЛ. 70 об. – 71; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 550. Q. IV. Д. 430. Л. 10; Позднеев Дм. Указ. соч. С. 166 – 168.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. Д. 430. Л. 23.
- ²⁷ См.: Там же. Л. 23 об.
- ²⁸ Позднеев Дм. Указ соч. С. 180.
- ²⁹ См.: Там же. С. 200.
- ³⁰ Там же. С. 178.
- ³¹ См.: Там же. С. 170 – 171; Черевко К.Е. Указ. соч. С. 168.
- ³² Позднеев Дм. Указ. соч. Т. 2. Ч.III. С. 242.

- ³³ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 114 об.
- ³⁴ Позднеев Дм. Указ. соч. С. 248 – 249.
- ³⁵ Там же. С. 249.
- ³⁶ См.: Там же. С. 246 – 248.
- ³⁷ См.: Там же. С. 250 – 251, 253.
- ³⁸ См.: Там же. С. 251.
- ³⁹ Цит. по: Там же. С. 255.
- ⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 256.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 257 – 259.
- ⁴² Цит. по: Там же. С. 251.
- ⁴³ Цит. по: Там же. С. 261.
- ⁴⁴ См.: АВПРИ. Ф. 161. I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14. Л. 17.
- ⁴⁵ См.: Там же. Л. 25.
- ⁴⁶ Там же. Л. 28, 28 об.
- ⁴⁷ Там. же. Л. 25
- ⁴⁸ Реляция с фронта// Санкт-Петербургские ведомости. 1808. № 72, 8 сентября.
- ⁴⁹ См.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697 – 1875 гг. М., 1960. С. 102 – 103.
- ⁵⁰ АВПРИ. Ф. 161. I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14. Л. 173.
- ⁵¹ Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 166. Оп. 1. Д. 4671. Л. 46.
- ⁵² См.: Чехов А.П. Остров Сахалин. ПСС. М., 1987. Т.14. С. 165; Новаковский С.И. Япония и Россия. Токио, 1918. Ч. 1. С. 124.
- ⁵³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 75. Л. 3
- ⁵⁴ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 66 – 167..
- ⁵⁵ См.: РГИА. Ф. 1264. Оп 1. Д. 577. ЛЛ. 35 – 36; Позднеев Дм. Указ соч. Т. 2. Ч. II. С. 178.
- ⁵⁶ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 168.
- ⁵⁷ См.: РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 21 – 22; Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 113.
- ⁵⁸ См.: Головнин В.М В плену у японцев... С. 228..
- ⁵⁹ Там же. С. 236.
- ⁶⁰ Там же. С. 246.
- ⁶¹ Там же. С. 250.
- ⁶² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 12, 21об., 24 об.
- ⁶³ См.: Там же. Л. 19 – 19 об.; Головнин В.М. Указ. соч. С. 150 – 159.
- ⁶⁴ Позднев Дм. Указ. соч Т.2. Ч.III. С. 252 – 253.
- ⁶⁵ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 2; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 19об.– 20; Позднеев Дм. Указ. соч. С. 252 – 260; Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании е к японским берегам 1812 и 1813 годах и о сношениях его с японцами// Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972. С. 401.
- ⁶⁶ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 4; Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 172. С. 50, 119.

- ⁶⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. ЛЛ 3 об. – 4.
- ⁶⁸ Там же. Л. 5 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 6 – 7 об.
- ⁷⁰ См.: Там же. Л. 7 – 11 об.
- ⁷¹ См.: Там же. Л. 17 об. – 18.
- ⁷² См.: Там же. Л. 21 об.
- ⁷³ Рикорд П.И. Указ. соч. С. 318.
- ⁷⁴ См.: Там же. С. 379.
- ⁷⁵ См.: АВПРИ. Ф. 161. I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14. ЛЛ. 178 – 182.
- ⁷⁶ См.: АВПРИ. Ф. 161. II – 27. 1811 – 1812. Д. 1.
- ⁷⁷ Рикорд П.И. Указ. соч. С. 383.
- ⁷⁸ Там же. С. 386.
- ⁷⁹ См.: Там же. С. 395 – 396.
- ⁸⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 23.
- ⁸¹ См.: Рикорд П.И. Указ. соч. С. 401.
- ⁸² Там же. С. 402.
- ⁸³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 24.
- ⁸⁴ См.: Рикорд П.И. С. 406 – 418.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 19 об. – 20.
- ⁸⁶ Рикорд П.И. Указ. соч. С. 415 – 416.
- ⁸⁷ Головнин В.М. В плену у японцев... С. 368.
- ⁸⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. Л. 53 – 57; Головнин В.М. Указ. соч. С. 369.
- ⁸⁹ См.: Там же. Л. 52.
- ⁹⁰ Там же. Л. 51 об.
- ⁹¹ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 183.
- ⁹² Головнин В.М. Указ соч. С. 371.
- ⁹³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 44.
- ⁹⁴ Там же. Л. 30.
- ⁹⁵ См.: Там же. Л. 43 об.
- ⁹⁶ Там же. Л. 32.
- ⁹⁷ Там же. Л. 43 об.
- ⁹⁸ Там же. Л. 44.
- ⁹⁹ Головнин В.М. Указ. соч. С. 377.
- ¹⁰⁰ См.: Рикорд П.И. Указ. соч. С. 429 – 431.
- ¹⁰¹ Головнин В.М. В плену у японцев... С. 381.
- ¹⁰² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. Л. 58.
- ¹⁰³ См.: Головнин В.М. Указ. соч. С. 382; Рикорд П.И. Указ. соч. С. 438.
- ¹⁰⁴ Головнин В.М. Указ. соч. С. 382.
- ¹⁰⁵ См.: Рикорд П.И. Указ. соч. С. 445.
- ¹⁰⁶ См.: Российско-американская компания... С. 234.
- ¹⁰⁷ См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 174.
- ¹⁰⁸ Ср.: Позднеев Дм. Т. 2. Ч. III С. 251.
- ¹⁰⁹ См.: Там же. Ч. II С. 170 – 171; Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII – XIX веках. Владивосток, 1997. Сю 51; Черевко К.Е. Указ. соч. С. 174.

¹¹⁰ См.: Российско-американская компания... С. 234.

¹¹¹ АВПРИ. Ф. 161. II – 27. 1816 - 1818. Д. 2. Л. 2 об. – 3.

¹¹² Там же. ЛЛ. 1об. – 2, 3 – 3 об.

¹¹³ Там же. Л. 5 об.

¹¹⁴ См.: Там же. Л. 5 об.

¹¹⁵ См.: Там же. ЛЛ. 22 – 26, 40; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1816. Д. 102. Л. 812 об.

¹¹⁶ Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина... С. 493.

¹¹⁷ См.: Там же. С. 494.

¹¹⁸ Там же. С. 494.

¹¹⁹ Там же. С. 495.

¹²⁰ Там же. С. 497.

¹²¹ См.: Файнберг Э.Я. Указ. соч. С. 168 – 169.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЯПОНЦЕВ О РОССИИ И РУССКИХ О ЯПОНИИ НА СТАДИИ СКЛАДЫВАНИЯ РУССКО- ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (XVII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

3.1. Русские о Японии и японцах

В ходе более чем столетнего периода становления русско-японских отношений в России и Японии накапливалась информация друг о друге, поступавшая из различных источников, изменявшая и уточнявшая взаимные представления.

Первой на путь такого накопления встала Россия, расширившая в XVII в. свои контакты с Европой, в том числе и культурные. В этот период Россия начала приобщаться к имеющимся там географическим знаниям. В стране начинают переводить на русский язык выходящие за рубежом атласы. Компиляцией географических знаний, которыми располагали на тот момент в России, стала «Космография», один из списков которой был выполнен в Холмогорах в 1670 г. Ее 70 глава называется о «Иапонии, или Иапан Острове», и сообщает о Японии все те сведения, которые к семидесятым годам XVII в. имелись в России.

Глава начинается со ссылки на Марко Поло и его упоминания о Японии. Далее следует описание географического положения страны: «Три острова... Окружены многими иными меньшими островами. Первой и большой остров Япон именуемо, ... Другой остров Ксимо именуется. ... Третий остров Ксиокум,. Япон остров отстает от Хинского царства [Китая – И.С.] 60 леук [лиг – И.С.] гишинских. А в леуке по-три версты. От новой Гишинии, то есть Западной Индии, 108 леук»¹. В числе природных богатств этих островов, называются пшено сорочинское [рис – И.С.], масло рыбье, много руды, древа овощные, кедр, животные и птицы². Особен-но подробно со ссылкой на Марко Поло рассказывается о золоте³

Есть в «Космографии» и описания природных чудес Японии. Дерево, выле-чивающее всякую мокротную болезнь, заживляющую «тот час» всякую рану и вы-тягивающее любую занозу «железную и деревянную, хотя стрелиное копейщо»⁴. Называются источники с теплой водой, которые «ко здравию человеческому зело угодны». Упомянуты здесь необычные горы Японии, среди которых «особные две славные имянем незнаемые. Из одной всегда пламень исходит. Некие тамошние

жители той горе поклоняхуся, и жертвы приношаху. ... Есть гора Фиченаема [Фудзияма – И.С.]. Высота ея выше облак, много леую⁵.

Уделено внимание и характеристике политической системы Японии. Уже в начале семидесятой главы говорится о наличии в стране большого количества царств. Позднее делается уточнение: «Японские все острова и государства под именем единого царя». Упоминаются два начальника, которые некогда «умыслили были от царя отложитьсь, себе царства владеть. И было в том многое смятение. И потом царь их одолел, и царства свои в смирение и кротость привел. И ныне един царь самодержавной, Даер именуется»⁶. Несколько раз говорится о борьбе за власть в конце XVI – начале XVII в. и ее результате: «В древние лета тем царством владел некий царь Нобунунга [Нобунага – И.С.], тот изведен... А ныне вправде всей Японии царь Такосама, или Тайко»⁷.

Сословный строй Японии также нашел здесь свое отражение. «Тамошние люди на пят чинов разделены. 1 чин называется тонас, якож князи, марграфы, графы, ландграфы, то есть великородные люди. 2 чин духовные люди. У тех верхи глав обритые, а по краям власы. ... Есть иные подобные рыцарскому чину, яко ж мальтийские, которые за веру свою стояли, тех обеих их словом называют бонзии. 3-й чин мещанский, и иных мелких шляхты, которые прислуживают градским делам. То есть в приставех, и во всяких посылках ходят. 4-й чин пахотные люди, которые трудами своими питаются»⁸. О пятом чине в «Космографии» ничего не сказано, но учитывая вышеперечисленные чины, это должна быть группа париев, состоящая из артистов и прочих людей, профессиональная принадлежность которых не вызывала уважения в Японии.

Говоря о вере, авторы данного текста справедливо пишут со ссылкой на Марко Поло о наличии большого количества японских божеств. «Имеют мужи японские разные идолы. Промеж иными есть быковы главы, у иных песьи главы, и разных зверей есть. У иных богов их одна глава, а четыре лица. А иные о трех главах, ... Есть о сто руках. ... А естьли тамошних жильцов иные страны кто вопросит. Отколе таковое богомольство взяли. Отвечают, что отцы и деды и прадеды их тем

богам поклоняхуся, и тако скончахуся. И им потомкам своим, иным богам поклоняться и молиться заповедали»⁹.

Дается в «Космографии» описание внешности японцев. «Лицом подобны оливкам. Брады подбирают. Главы иные бреют, а иные стригут под гребень»¹⁰. Нельзя не упомянуть, что семидесятая глава изобилует различными географическими названиями. Среди них такие, как Меако, Осака, Амангасаки и др.

Оригинальный текст этого описания Японии был составлен еще до закрытия страны, поскольку здесь не приводится упоминаний о запрете христианской веры, а наоборот, содержится информация о существовании училища, в котором японцы учатся португальскому языку, а португальцы – японскому¹¹. Имеется в этом тексте и дата, позволяющая утверждать, что ранее ее данное описание не могло быть составлено. «1596 года было земли трясение»¹². Поскольку в тексте часто упоминается столичный город Меако (как обозначался португальцами Киото) и нет ничего о городе Эдо, то хронологические рамки составления этого описания суживаются еще более, ограничиваясь 1596 и 1603 г. То, что в тексте как царь Японии указывается Такосама или Тайко (как называли второго из трех объединителей страны Тоётоми Хидэёси (1582 – 1598)), позволяет говорить о том, что это описание было составлено в двухлетний период с 1596 по 1598 г.

Обычаи японцев получили в семидесятой главе слабое освещение, так как они были подобны Хинским, т.е. китайским, а следовательно не нуждались в специальном описании.

В этом описании Японии достаточно мало неточностей и какого-либо вымысла. Например, в описании палаты царской, покрытой золотыми досками, легко угадывается Золотой павильон Кинкакудзи в Киото. Вполне верно описание японских божеств буддийского пантеона, которые традиционно изображались с несколькими руками или несколькими лицами (например, статуя одиннадцатиликой Каннон в главном храме Кондо монастыря Хоккёдзи в Наре или статуя царя-охранителя Бонтэна (Брахмы) в монастыре Тодзи в Киото).

Наиболее ярким примером присутствующего в тексте вымысла, пожалуй, является рассказ о дереве, которое «едину токмо ветвь испущает... То дерево зело

полезно к человеческому здравию, всякую мокротную болезнь уздравливает... Корень того дерева на солнце сушат. И толкуют на муку, и смешивают с песком сухим, и сеют в землю. И от того паки такое ж дерево вырастает. И корою обрастаєт. Ветвь того дерева такову силу имеет, отрезав или отломав приложи к ране какой ни есть, тот час заживет»¹³. Не точно и описание географического положения Японских островов, их размеров и очертаний, поскольку европейцы имели о них достаточно туманное представление, что отражено и на картах того периода¹⁴.

Большие трудности для идентификации представляют собственные японские названия, искаженные вначале при переводе на латынь, а затем – на русский язык, а также в результате ошибок, которые могли допустить переписчики. Тем не менее, в 70-х гг. XVII в. в России уже имелась достаточно достоверная информация о Японии, ее природе, политическом строе, социальном устройстве, религии, некоторых обычаях и торговых связях с соседними морскими островами (архипелаг Рюкю), Португалией и Испанией.

К 1670 г. в Японии уже произошли некоторые серьезные перемены, и содержащаяся в семидесятой главе «Космографии» информация, датированная выше 1596 – 1598 гг., несколько устарела и не соответствовала действительности. Российское правительство, заинтересовавшееся к этому времени Японией, не могло довольствоваться такими сведениями. С конца XVII в. в России начинается сбор данных об этой стране из различных источников.

Поскольку Япония являлась хоть и островным, но все-таки соседом Китая, наиболее достоверным источником информации о ней должно было стать именно это государство. В 1675 г. туда было отправлено очередное посольство во главе с румыном Николаем Спафарием для переговоров по поводу установления русско-китайской границы. Также Спафарию вменялось в обязанность собирать сведения о сопредельных с Китаем странах, в том числе и о Японии.

По возвращении в Москву в 1678 г., Спафарий описал в двух книгах свое путешествие. В последней главе второй из них Николай Спафарий довольно сбивчиво изложил сведения о Японии, полученные им от иезуитов в Пекине: расстояние между Китаем и Японией (из китайского города Пинкпо, «когда вёдро бывает, тогда

горы на Японском острову видятся»), политическое устройство, данные о языке (японцы «разумеют грамоту и язык китайцев»)¹⁵.

Здесь, по сравнению с «Космографией», Николай Спафарий ничего нового сообщить не смог, так как ко времени посольства иезуиты уже несколько десятилетий как были изгнаны из Японии и располагали устаревшей информацией, которая была в том источнике, который подробно описан выше. Единственные сведения, которые оказались новыми, – это описание положения Японии со ссылкой на китайские источники: «Великой и славной остров Японской как пишут китайские земнописатели и чертежи, начинается против устья Амура и простирается далеко против Китайского и для того иногда из Китайского государства в двои суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что иные острова меньшие видятся от усть Амура от берегу морского с гор»¹⁶.

Таким образом, к началу XVIII в. в России располагали достаточно достоверной, но устаревшей информацией о различных сторонах жизни Японии, основывавшейся на сообщениях в основном иезуитских священников. С момента первых контактов русских и японцев для России появилась возможность проверять и уточнять эти сведения при помощи информации, получаемой непосредственно от жителей этой страны.

В конце 1701 г., как уже говорилось ранее, в Москву был доставлен японец Дембей, найденный В. Атласовым на Камчатке. В январе 1702 г. Дембей рассказал о своем плавании, Камчатке и Японии. Эти данные, собранные в его «Сказке», уточнили и дополнили информацию о Стране Восходящего Солнца.

Прежде всего, из рассказа Дембея в России узнали, что Киото (Меако) уже не является главным городом Японии, хотя и продолжает играть важную роль в жизни страны, так как только там, наряду с новой, неофициальной, столицей Эдо, «серебро и золото печатают».

Если в «Космографии» о климате Японии сообщалось, что «зимним временем снеги и мразы бывают»¹⁷, то теперь эта информация уточнялась¹⁸, после чего следовало перечисление представителей «скотско природы», разводимых в Японии

с уточнением, что хотя быки, лошади, свиньи и овцы у них и есть, но в пищу мясо этих животных не употребляют, что было новой информацией.

Переходя к описанию предметов быта, к ценинной (фарфоровой) посуде, которая упоминалась в «Космографии», Дембей добавил изделия из меди и серебра. Впервые в России от этого купца узнали, что «платье у них в Японской земле носят камчатое и китайчатое, а зимою стежное на бумаге»¹⁹.

Подтвердив сведения авторов «Космографии» о наличии в Японии идолов «человечими и змеиными, и зверскими, и иными разными воображеньями», Дембей назвал имена некоторых японских божеств, среди которых встречаются как представители буддистского пантеона (Амида, Каннон, Фудомё), так и синтоистского (Хатиман)²⁰.

При помощи Дембея была обновлена информация о системе управления Японии. Если «Космография» называла царем всей страны «Даера», а реальным царем – Тайко, то теперь стали известны последние данные о «разделении властей» страны. «А в Японской де земле владетель их, или царь, которому имя Кубо-Сама [титул сёгуна], да в подобие патриарха Дайро-Сама [дайри-сама, титул императора Японии], да меньше того Дайра властью Кинчю-Сама [киитю-сама, придворные]»²¹. Эта информация отражала реальную расстановку сил в Японии периода сёгуната Токугава, когда император, обладавший лишь духовной властью, мог быть сравним по своему положению с патриархом православной церкви, а действительным «владетелем» страны являлся сёгун.

Благодаря Дембею в России появилась и новая информация о Японии. Прежде всего, это данные о вооружении страны, которые будут постоянно интересовать собирающих подобные сведения в дальнейшем. «Космография» по эту вопросу сообщала только то, что японцы «ко всякому оружию имеют охоту... Служилых людей меж собою почитают, и в чести имеют». Дембей же рассказал следующее: «А в их де земле пушечки есть маленькие, по аршину.., и порох есть же, и делают тот порох в их же землях. ... А у воинов их японских оружие – мушкеты, копья, сабли. А начальные люди носят по 2 сабли. Только де у них войны никакия ни с кем не бывает... А торговым людям того Японского острова пушек и мушкетов и пищалей

с собою братъ у них заказано, только в домах пищали и пушки люди держат»²². Таким образом, была получена информация о распространении в Японии огнестрельного оружия при наличии некоторых ограничений в его использовании.

Совершенно новой информацией стали данные о принятом в Японии летоисчислении и денежной системе: «А в их Японской земле считают оне в году по 12, а в ином году по 13 месяцев, а в месяцах по 4 недели, а в месяце по 28, а в иных по 29 дней. А год починается у них зимою...

А деньги у них медные называются жени [дзэни],... да серебряные деньги, которые называют у них гин [чин],... А медных денег на серебряную копейку дают по 50. Да у них же есть золотые,, которые называют у них кованы [кобан]... А иные золотые большие,, которые называют убин [обин],.. А иные золотые есть меньшие ,которые называют ичим [итимай]»²³.

Таким образом, при помощи Дембя была не только уточнена и исправлена информация о Японии, содержавшаяся в семидесятой главе «Космографии», но и получены новые данные. Кроме того, в «Сказке» Дембя содержатся сведения о некоторых принципах строительства зданий в Японии и конструкции японских судов, торговле с голландцами и китайцами, о том, что «иных никаких вер оне, японцы, не принимают и быть иным верам не велят»²⁴.

Следующая информация, усовершенствовавшая представления о Японии, появляется в 1711 – 1726 гг., в связи с деятельностью И.П. Козыревского по изучению Курильских островов. Это «Сказки» найденных казаками на Курилах японцев и «Описание Апонского государства» Игнатия Козыревского, составленное на основании рассказов этих японцев.

Поскольку источником для составления «Описания» Козыревского стали рассказы японцев, то, прежде всего, необходимо выяснить, какую новую информацию они в себе несли. В Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве древних актов сохранились записи сведений Сантьэмана, получившего в крещении имя Ивана Яковleva. При сравнении этих документов становится видно, что более ранней по времени составления является «Запись сообщений бывшего жителя Японии Ивана Яковleva, попавшего после ко-

раблекрушения в Якутск, о расположении Японии, о ее вооружении и торговле золотом»²⁵, поскольку ее текст содержит большое количество помет и исправлений, исчезнувших при переписывании набело. Впервые опубликовавший эту «Запись» К.Е. Черевко, ошибочно указывает, что это запись сообщений другого японца, входившего в эту же группу, Мацбэ – Якова Максимова²⁶, хотя в заглавии четко обозначено имя Ивана Яковлева.

По сравнению с «Записью», «Сказки» содержат в себе больше информации о Японии и о том, как Иван Яковлев с товарищами попали в Россию. Все они представляют собой списки с одного документа, составлено в 1719 г. в Санкт-Петербурге, черновиком которого является документ, находящийся в Российском государственном историческом архиве.

В своем рассказе житель города Кинокуни Санъэмон прежде всего поведал о том, что ему было ближе всего – о торговле Японии, как внутренней, так и внешней. «Чужестранных кораблей в Епонию приходят по два и по три к городу Лангезаку [Нагасаки – И.С.], который на малом острову, близ большого Японского острова, а на большой остров япони [Хонсю – И.С.] [их] не пущают. А на тех кораблях привозят к ним всякое коренье, а за то берут золотом и серебром, которое у них в Епонии сыскивают на острове, именуемом Сандо. ...

Товары у них свои – камки, китайки, вина из пшена сорочинского. Из города Яму бумага хлопчатая, шелк, сахар. Из Кинокуни привозят железо, медь, рыбу, дерево, из которого делают бусы»²⁷.

«А из города Кинокуни в Китай не ездят. А из иных ездят ли незнает... И что у них в Кинокуни товаров и шолку сделают и то все также хлеб, пшено и вино возят они в город Еду [Эдо – И.С.]; у них же делают порцениновые суды [фарфоровую посуду - И.С.]»²⁸.

«Товаров в том городе [Эдо – И.С.] никаких не делают. А живут в том городе торговые люди. А привозят к ним товары из городов их же [т.е. – из японских городов - И.С.]. Из города Асаки [Осаки – И.С.] камки... вино из пшена сорочинского. Из города Жмуту (?) бумагу хлопчатую, китайку, шелк, сахар, пшено сорочинское»²⁹.

«С Камчатки привозят к ним бобры, которых зело у них любят»³⁰.

Остальные сообщенные Санъэмоном сведения носили уточняющий характер. Сообщалось о том, что столица Японии называется Эдо, где живет их владелец, «называемый Кубо-Зама». Также давались сведения о распространенном в стране оружии: «Есть пушки, токо немного. И они малы. Таюже и ружья огненного немного имеют. А то ружье и порох делают они сами. А прочее ружье, луки, и обыкновение их такое как и китайское»³¹. Несколько уточнялась и обновлялась информация, связанная с религией японцев и грамотностью населения: «Вера их – кланяются Солнцу и светилам; грамоте умеют и они читать писать умеют»³².

Впервые со слов этого японца в России была получена информация о том, что Японские острова находятся недалеко от Камчатки: «От Камчатского берега ближе всего из японских островов один остров, которой они называют Матмай, от которого острова до камчатского мысу, которой называется Езо, по его разумению добрым ветром дни два»³³.

Сведения, подтверждающие существование торговых связей между Японией и Курильскими островами, со слов Ивана и Петра Козыревских записал в 1713 г. Камчатский приказчик Василий Колесов: на Курильские острова «приезжают по все годы японцы из Матманского города стругами и привозят к ним платье японское камчатое и китайское, покрой долгой, стеганое на бумаге, котлы медные, чугунные. Сабли оправа серебряная. Чаши фарфоровые, пшено сорочинское. А берут у них лисицы красивыя, и каланы бобры»³⁴.

Хотя в 1700 и 1701 гг. В. Атласов сообщал в своих сказках о торговых связях курильцев, он не знал о том, что поставщиками товаров к ним были японцы. «А против первой курильской реки [р. Голыгина] на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть. А на тех островах города каменные и живут люди, а какие - про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов курильским иноземцам приходит ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых, китаек и лензовые азямы»³⁵. Таким образом, сведения 1713 и 1719 гг. можно считать первой достоверной информацией о наличии торговых связей между Японией и Курильскими островами.

Более обширные данные о японской торговле по сравнению с рассказами Санъэмона несет в себе составленное Игнатием Козыревским в 1726 г. для В. Беринга «Описание Апонского государства». Создание этого документа стало возможным благодаря тому, что И. Козыревский общался со всем японцами, входившими в состав спасенной им и его казаками в 1710 г. группы. Соответственно, в «Описание Апонского государства» вошло гораздо большее количество информации, нежели было сообщено Иваном Яковлевым – Санъемоном.

По сравнению со всеми предыдущими данными, в «Описании Апонского государства» приводилось больше информации о географии и политическом устройстве Японии. «Государство стоит в великой губе над рекой [Токийский залив, в который впадает р. Тонэ], а званием их Едо общим Нифонское государство... А от моря стоит не в дальнем расстоянии... А царя своего не видят, а когда бывает ход, и в это время падут на землю и смотреть не смеют. А звание тому царю Кобосома Телка [Кубо-сама-но тэнка – И.С.]. И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают ради управления наместников...

Город Кинокуни [Провинция Кии – Кии-но-куни] особливое владение, а владеет узакинскому царю [Осакский князь (даймё)] свойственник ближней...

В губе морской близ моря стоит великий город званием Ища [Исэ], особливое владение, а владеет званием их Уат Етвемя [верховный жрец храма богини Солнца Аматэрасу] подобен большому царю Кобосоме...

И войны из давних лет у них во Нифоне острове [остров Хонсю] между владящими [подвластными] не сказывали, но токмо мир меж собою. В полуденной стороне в подданстве они пребывают, а владельцы [их принадлежат] Узинскому [Осакскому – И.С.], а в востоке и севере Нифонскому [государству]... А сказывали многие полонные нифонцы все особливых владетелей у них на Нифоне близ осмидесяти...

Да у них же Нифоне острове обретается великий правитель, например папа, или кто он званием их Фоносома, которому все цари и другие правители поклоняются и честь все отдают аки богу, или Фоносома бог их [Каннон-сама – богиня милосердия], того вдостаток не уверился.

Город Матмай стоит в проливе близ моря, подданный Нифонскому государству, а сказывали полонные иноземцы, что де не в дальних годех оной город Матмай построен. А которые де люди явятся в винностях каких, и таких людей ссылают с Нифона в Матмай [остров Хоккайдо] в ссылку. А Матмайского города люди при себе имеют всякое ружье ради оберегательства, в городе пушки и разное ружье и суда и снаряды. И меж Матмайским и Нифонским островов в означенном сем проливе с обоих сторон прилегли носы [мысы]³⁶.

В «Описании Апонского государства» Козыревский собрал достаточно верную информацию, специально оговорив не понятые им места в рассказе японцев тем, что «о том не уведомился, забвением не спросил», или же «того в достаток не уверился. Для того полоненные иноземцы разговору и русскому языку в достаток не обыкли в то время, когда они у меня были и жили»³⁷.

В отличие от «Космографии» и «сказок» Дембея, на это раз почти отсутствовала информация о сельском хозяйстве японцев, их обычаях, каких-либо традициях и культуре. Сообщалось только, что «хлеб де у них рождается по трижды в год, и овощ земной, плод всякий безпрестанно. А табак сеют и множество делают и рождается. А пашут де крестьяне на быках. Також де шелковые и всякие товары делают мужики и бабы.

А платья носят шелковые, бумажные и всякие...

Народ острова оного на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят»³⁸.

«Описание Апонского государства» внесло изменения в представления об отношении японцев к «воинскому делу». «Космография» утверждала, что среди японцев много людей, умеющих обращаться с оружием, и учить этому искусству начинают с детства³⁹. Козыревский, основываясь на общении с японцами, писал: «А к воинскому делу зело не искусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда глаза руками закроют и падут на землю, також и про своих людей сказывали, а именно про нифонцов»⁴⁰.

Таким образом, к моменту организации Первой и Второй камчатской экспедиции, в России располагали некоторыми сведениями о географии Японии, ее экономике, политическом устройстве, религии и обычаях. Эти сведения были полу-

ны в результате переводов иностранных работ («Космография, 1670»), сбора информации в Китае (Н. Спафарий), открытий русских землепроходцев на Дальнем Востоке (В. Атласов, И. Козыревский), а также непосредственно от оказавшихся в России японцев. Но точное положение Японских островов оставалось неизвестным. Из перечисленных выше источников было ясно, что Японские острова находятся недалеко от России, начинаясь сразу за Курильской грядой. Но основываясь на географических картах, составленных в Европе, получить четкое представление о месте нахождения и очертании Японии было невозможно, хотя было понятно, что, отплыв от дальневосточных берегов России, можно достичь берегов Японии в сроки гораздо более короткие, нежели это занимает у голландцев.

Как уже говорилось ранее, Петр I в 1702 г. распорядился разведать путь в Японию. Эта задача ставилась перед многими экспедициями последующего времени, в том числе, и перед успешно ее разрешившей Второй камчатской экспедицией (1733 – 1743 гг.).

В ходе данного крупномасштабного исследования Сибири, Дальнего Востока и Тихоокеанского севера были собраны сведения о различных народах, территориях и странах, в том числе и о Японии. Полученная в ходе Второй камчатской экспедиции информация об этой стране происходила из различных источников. Прежде всего, *впервые* были получены описания Японии, составленные побывавшими в этом государстве россиянами с координатами мест, которые они посетили.

Описания всего увиденного в Японии содержатся в вахтенных журналах, веденных на борту кораблей, совершивших плавание к берегам этой страны, рапортах участников экспедиции В.И. Берингу. Поскольку мореплаватели не имели возможности вести переговоры с японцами, то вся эта информация является результатом наблюдений, проводившихся русскими моряками в Японии.

В данных источниках впервые даются описания японских поселений: «На тех японской земли берегах... усмотрели мы жилые места – четыре великия деревни, строение у них в тех местах каменное, а круг всего того жилья усеяно хлебом со удовольствием, под тем хлебом пашни видели по жеребьям так, как в российских местах, десятинами или четвертями разделено»⁴¹. Вилим Вальтон, члены команды

которого не ограничились наблюдениями с корабля, дает в своем рапорте некоторое уточнение относительно планировки и архитектуры японских деревень: «Пошел [штурман Казимиров]... и ходил по слободе, в которой, например, дворов около 1500, а строение де во оной слободе деревянное и каменные палаты, и устроено вдоль по берегу близ моря, ... И жители той слободы имеют в домех чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домех с товарами»⁴².

В ходе имевшего место обмена различными вещами были получены сведения о занятиях японцев: рыболовство, выращивание табака и риса, огородничество, скотоводство, ткачество, гончарное ремесло.

Моряки не могли не придать значение внешнему виду и устройству японских судов: «Приезжали к нам две лотки, кормы их с перилами, веслами гребут, а не на судне, в подобие как рыба хвостом правит, и те лотки их строением наподобие галер, кормы тупые»⁴³. «Да и большие у них лотки строены тако же, как и малые, а рули у тех лоток имеютца, по два весла кривых, гребут стоя, наискось, положа весла на уключины, а рукоятки привязывают веревкою; а шиты оные лотки медью, а драги у них четырерогие, железные. И те лотки с палубами, и поделаны на них ящики для воды, а на палубы складены печи, в которых у них имеютца котлы для варения каш, и начоют на море»⁴⁴. «Пошло от берегу в море 39 судов японских..., ис которых каждое было величиною против галеры нашей или больше, а парусы на них были на каждом судне по одному и те прямые, зделанные из материи китайчатой синей, с белым полосатыя, и на иных все белые»⁴⁵.

Впервые после Дембеля в рапорте М.П. Шпанберга упоминались денежные знаки Японии. Но если в 1702 г. давались их названия и номиналы, то теперь был описан внешний вид денег и даже привезены образцы⁴⁶.

Не могли мореплаватели обойти вниманием внешний вид жителей Японии: «Оные японцы росту среднева и малова. Платя у них много схожа на татарское. Ходят босыя, штанов и портков ни на ком не имеетца. С полу головы ко лбу волосы стрижены и подклевые kleям, назади завязывают кустиком, которой торчит кверху. Шляпы у них великия, тровяныя, плоския, ис которых носят те шляпы, привязав под бороду, а у которых шляп нет, те головы подвязывают плотками. Вместо епо-

нечь имеют вощанки, зделаны из бумаги, ... А телом оные японцы некоторые из бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черные, бороды бреют. А еще, ... подгребала к нашим судам вблизости японская ж лотка, на которой было 6 человек, и видно по платью и по персонам, что они знатных отцов дети. И в руках они у себя имели веэры от солнца, токмо из какой материи, про то неведомо, а только видно, что колеру белову»⁴⁷. Лейтенант В. Вальтон уточнял, что более знатные японцы одеты «больше в долгом китайском платье, которое подобно быть нашим шлафрокам. А грепцы... все наги, токмо стыд их завязан»⁴⁸. При этом же Вальтоном перечислялись изготавливаемые в Японии ткани, виденные в лавках на берегу штурманном Казимировым: «Видел он пестряди бумажныя и шелковыя, а парчи де не видал, может де быть, что и есть, токмо в скоросте усмотреть было некогда»⁴⁹.

Таким образом, в результате плавания М.П. Шпанберга и В. Вальтона к японским берегам в 1739 г. уже имевшаяся информация об этой стране была дополнена *первыми наблюдениями, которые были сделаны побывавшими в Японии россиянами*. Наряду с данными о некоторых сторонах повседневной жизни Японии, впервые были получены координаты, промеры глубины и описания той части японского побережья, о которой в Европе середины XVIII в. не имели никакого представления⁵⁰.

Помимо того, что в рамках Второй камчатской экспедиции впервые были получены эти свидетельства о Японии, параллельно шел сбор сведений об этой стране и из других источников, которым занимался еще один участник этой экспедиции, член Петербургской академии наук, Герард Фридрих Миллер. Согласно данной ему инструкции, академик должен был собирать сведения о народах, проживающих в тех местах, где работали отряды Второй камчатской экспедиции⁵¹. Работая в сибирских архивах, записывая устные рассказы и изучая переводы работ иностранных авторов, Г.Ф. Миллер собрал о японцах сведения весьма интересного характера.

В Российском государственном архиве древних актов в фонде «Портфели Миллера» хранятся все собранные ученым документы, содержащие информацию о Японии. В число этих документов входят уже рассмотренные ранее «Описание Апонского государства» И.П. Козыревского, автором которого некоторое время

считался сам Г.Ф. Миллер⁵², и «Ежедневный журнал погоде и различным происшествиям, веденый на бригантине «Архангел Михаил», под командою капитана Шланберга с 6 июля 1738 г. по 30 августа 1739 г.»⁵³.

Первым документом, попавшим в архив Г.Ф. Миллера, из числа имеющих отношение к Японии, является статья «О земле Иессо»⁵⁴, написанная ученым в 1728 г. на основе книги голландского географа конца XVII – начала XVIII в. Николая Витсена. Приводимые в этой статье данные об острове Хоккайдо, который до середины XVIII в. отождествлялся в Европе с землей Иессо, достаточно малочисленны и неточны. Под влиянием исследований и открытий, сделанных Второй камчатской экспедицией, Миллер отказался от изложенных в этой статье взглядов. Стоит только отметить, что главным городом острова справедливо называется Матмай, а также то, что здесь говорится о наличии торговых связей между островами Хоккайдо и Хонсю⁵⁵.

Некоторое количество информации несут в себе «Краткие сведения о японском городе Зазме и о японских островах, составленные Г. Гейнцельманом со слов двух японцев, взятых в плен у Камчатских берегов»⁵⁶. Записанный во время пребывания Г.Ф. Миллера в Сибири рассказ Содзы и Гонзы (Козьмы Шульца и Дамиана Поморцева) содержит гораздо больше сведений о том, как японцы попали в Россию и об их встрече с русскими на Камчатке, чем о городе Сацума и Японских островах. Такое содержание документа объясняется низким уровнем подготовки рассказчиков, один из которых являлся матросом, а второй – сын штурмана, попал в Россию будучи одиннадцатилетним мальчиком⁵⁷.

Гораздо более содержательным является составленное Николаем Христизия (Хрисниц) «Известие о вещах японских, о которых помогл проводить», также находящееся в «Портфелях Миллера»⁵⁸. Автор «Известия», Николай Христизия в 1720-х гг. был отправлен русскими купцами в Китай, что позволило ему через китайцев собрать более подробную информацию об этой стране, в том числе, о положении торгующих с Японией голландцев.

«Слышно, что когда галанцы приезжают [в Нагасаки – И.С.].., тогда японцы принимают их суда и экипаж, а людей отводят в Фортецию без ружья держа за ка-

раулом, а тех, которые пожелают итти в город, принуждают повернуть крест под ноги для верности, что между ими нет миссионаржев или посланых для проповеди веры понеже в прошедшем веке все миссионеры побиты до смерти. Там галанцы чрез три или 4 месяца отпустятца с товарами как скоро отданы им будут.

Японцы позволяют токмо 4 или 5 Галанским кораблям приходить в год для торгу»⁵⁹.

Как видно из приведенного текста, Хрисниц дал обширную информацию о состоянии голландской торговли в Японии. Это, пожалуй, происходило впервые со времени знакомства России с этой страной. Все источники, которые были упомянуты выше, ограничивались заявлениями о том, что в город Нагасаки приходит по два или три голландских корабля в год с сукнами, пряностями и другими товарами, и на остров Хонсю иностранцев непускают⁶⁰.

Здесь же, как видно из приведенного текста, говорится об отношении в Японии к христианской вере. «Известие о вещах японских» подтверждало и ту информацию, которой в России уже располагали: «Япония состоит во многих островах. Оные имеют малое количество кораблей и те невелики. Оные [японцы – И.С.] мало потребляют огненного оружья, но большую часть стрел»⁶¹.

Другим документом, расширяющим знания о Японии, является «Краткое историческое и статистическое известие о государстве Жыбынь (Япония), переведенное из Китайской Генеральной Географии, называемой И-тун-джи» в 1744 г. Ларионом (Иллиарионом) Расохиным (Россохиным)⁶². Благодаря этому переводу, прежде всего были расширены знания о японской истории. Помимо упоминания уже известной в России междоусобной войны, закончившейся избранием одного достойного государя, здесь впервые можно было узнать о нападениях монгольского войска на Японские острова⁶³. Здесь же давался достаточно большой перечень богатств Японии⁶⁴.

За несколько лет до смерти Г.Ф. Миллера в 1783 г., в его архиве оказались новые свидетельства побывавших в Японии россиян. Участники побега Беневского из числа россиян смогли сообщить некоторые новые данные о Японии. Подлинники и копии документов, касающихся этого побега, несколько расширили представле-

ния россиян о побережье Японии и внешнем виде ее населения. «Журнал морской, содержащийся вкратце на судне галиоте «С. Петре», о выходе на оном из Большеречного устья... до португальской рейды города Макао» содержит планы всех заливов, где останавливался галиот и некоторые географические координаты тех мест, посещение которых иностранцами было строго запрещено законами «о закрытии Японии»⁶⁵.

«Журнал Ивана Рюмина» несет в себе заметки и наблюдения, сделанные его автором во время этого плавания. На его страницах журнала приводятся интересные замечания о повседневной жизни Японии. Благодаря Рюмину в России впервые было получено описание внешнего вида японских священников и женщин.

Обративший, как, наверное, любой мужчина, внимание на женщины Рюмин заметил, что среди них «есть весьма хорошего виду». Автор «Журнала» описал некоторые детали японского женского костюма и необычные с точки зрения европейца прически, сделанные наподобие «павлинова хвоста», держащиеся, по мнению наблюдателя, на булавках или проволоке. Платье японские женщины имели «такое, как китайские женщины, а у всякой в руках зонтик, чтоб они от солнца не загорали, и для того имеют лица белые, волосы и глаза черные»⁶⁶. До посещения П.И. Рикордом в 1812 г. острова Хоккайдо, это единственное в отечественных источниках описание японок.

При взгляде на священников первое, что бросилось в глаза россиянину, – то, что «у монахов на поясах привязаны деревянные черные, также и костяные белые вырезанные болванчики или идолы [нэцке – И.С.]; оные все люди ходят по тамошнему жаркому воздуху босыми ногами, платье имеют легкое шелковое и бумажное, называемое азямы или халаты широкорукавые разных цветов, а у ламов белое, у монахов черное с белым»⁶⁷.

Воссоздавая одежду обычных японцев, И. Рюмин подтверждает наблюдения М.П. Шпанберга и В. Вальтона, повторяя описания мужской прически маки, соломенных шляп и т.п. Но и здесь автору «Журнала» удалось отметить нечто не зафиксированное предшественниками: наличие на поясах коробок лаковых «с ароматами», и трубочек «с табаком, которыми всегда курят табак»⁶⁸.

В описании попыток путников сойти на берег Рюминым отражены законы о закрытии Японии. Из текста журнала становится видно, что в случае схода на берег иностранцев, допустившим это японцам грозит смертная казнь. Подтверждение соответствующему законам обращению японцев с чужестранцами обнаруживается на страницах журнала и далее, когда португальцы в Макао сообщили о сожжении недолго до визита Беневского двух испанских судов, приблизившихся к берегам Японии⁶⁹.

Таким образом, участники Второй камчатской экспедиции собрали большое количество данных о Японии различного происхождения: рассказы японцев, переводы китайских книг и, что самое главное, впервые были получены описания Японии, выполненные побывавшими у берегов этой страны россиянами. Полученные сведения существенно дополняли те данные о Японии, которые уже имелись в России, в основном не опровергая их, а даже наоборот, уточняя. Так, значительно были расширены сведения о положении торгующих с Японией голландцев, было выяснено, что земля Иессо и Матмай – названия одного и того же острова. Очевидцами были подтверждены те сведения о японском сельском хозяйстве, которые сообщались попадавшими в Россию японцами. Точно также данные о слабом развитии морского флота островного государства теперь подкреплялись описаниями судов японцев, выполненных русскими моряками. Впервые были сделаны описания внешнего вида японцев и японок, селений. Впервые были получены описания некоторых участков побережья главного японского острова Хонсю и некоторых других островов, посещение которых было запрещено европейцам, что позволило несколько уточнить положение Японских островов на географических картах.

Через несколько лет после завершения работы Второй Камчатской экспедиции на Курильских островах была обнаружена большая группа японцев, которая дополнила имевшиеся сведения о своей родине. Сообщенные ими данные во многом повторяют то, что уже было рассказано Иваном Яковлевым, и занимающиеся изучением этого периода русско-японских отношений исследователи кратко их сообщают, не указывая источник информации, находящийся в Российском государственном архиве военно-морского флота: японец Юсонти «завизировал» русскую

ландкарту Японии от острова Матмай до острова Кюсю, составленную по его данным, и сообщил, что на острове Хонсю имеются ткацкие фабрики, а на острове Симушир рудники по добыче золота и серебра, а в гавань Аккеси на северо-востоке острова Матмай приходят крупные японские корабли для обмена японских товаров на бобров и на орлиные перья»⁷⁰. Из приводимой таким образом исследователями выдержки видно, что попавшие в 1746 г. в Россию японцы подтвердили своими рассказами уже имевшуюся информацию.

Накапливавшаяся в России информация позволяла создать исследование, посвященное Японии. Подобную работу, основанную на результатах исследований Второй камчатской экспедиции, ожидали от Г.Ф. Миллера, и собранные им материалы позволяли это сделать. Однако, этого не произошло. К 70-м гг. XVIII в. единственным опубликованным на русском языке описанием Японии оставалась 70 глава «Космографии» 1670 г. При том, и это подтверждалось данными, поступавшими в Россию в течение столетия, прошедшего с момента выхода в свет этой книги, ситуация в Японии несколько изменилась.

В 1773 г. в Москве вышла книга, написанная профессором Московского университета И. Рейхелем, под названием «История о японском государстве, из достоверных известий собранных». Разделенная на шесть глав, касающихся географии, истории, религии, политического устройства, быта, нравов и состояния страны, эта книга базировалась, тем не менее, на данных европейцев, побывавших в этой стране, а не на свидетельствах, которые были накоплены в России. Рейхель сделал попытку вывить неверные суждения о Японии, которые распространялись в Европе изгнанными из страны португальцами. «Португальцы из пристрастия о японцах много худого объявили: ибо потеряние столь богатого торга было им прискорбно, а они однажды свою жестокость, немилосердие, лихоимство и гордость, с которою они против японцев поступали и себя в ненависть привели, хотели оправдать, извинить и всю вину на безбожный и варварский народ сложить: тогда ради должны они списать о себе все хорошее, а о Японцах и Голландцах все худое. Также некоторые люди для своей корысти из упрямства, или желая другим вредить, разгласили в Европе разные ложные известия о Японии»⁷¹.

Опираясь на труды европейцев, И. Рейхель в своей работе опять-таки приводил не самую новую информацию, поскольку в основном пользовался «Историей Японии и Сиама» Э. Кемпфера, побывавшего в Японии в конце XVII в. Несколько устарелая, «История о Японском государстве», тем не менее, расширяла знания о Японии. Не случайно, собирая сведения об этой стране в первой четверти XIX в. I Сибирский комитет, возглавляемый М.М. Сперанским, начал именно с этой работы.

Малоизвестная история Японии И. Рейхеля заслуживает того, чтобы быть процитированной в том ее объеме, в котором она изложена в архивах I Сибирского комитета.

«В столичном городе Даире [Дайри – И.С.] Мияко или Меако [Киото – И.С.] из 180.000, в 1675 году оставалось около 150.000 домов и около миллиона людей.

В Кубовой [Кубо-сама-но тэнка - И.С.] столице Иедо [Эдо – И.С.] безчисленное множество народа.

Третий главной город Осака столь многолюден, что из собственных жителей выставить может в поле до 80 000 войска. Другой остров Ксима [Кюсю – И.С.], третий Ксикоко [Сикоку – И.С.], оба меньше Нипона [остров Хонсю – И.С.]. В сих трех островах щитается около 13 000 городов. В России 735 городов. Долгота Японии от Востока к Западу около 200, а широта от севера к югу с лишком 70 немецких миль <между 35 и 40 градусами>.

* * *

В 1586 году землетрясение продолжалось 40 дней. Которым целые Провинции опровергены. В 1703 году большая половина города Иедо землетрясением разрушена, при чем до 200 000 жителей погибло.

Кемпфер, [бывший в Японии до 1692 года] пишет что в 1637 году обнародован указ следующего содержания: все [чужеземные, особливо] португальцы изгояются. Никакому японскому кораблю не позволяет для торгов ездить в чужие земли и никому из Японцев не выезжать из своего государства, под лишением корабля, всех товаров и самой жизни. Естьли кто из чужих земель в Японию привезет письмо или понезнанию возвратиться паки в оную, такой со всею своею фамилиею

имеет быть осужден на смерть, да и тот, кто просить за него станет подвержен такой же казни.

В Кемпферовы времена, [до 1641 года] когда еще голландцам не запрещалось жить внутри государства, ежегодно в известный день, по всем домам носили крест, который каждый в доме живущий должен был попирать ногами.

В 1640 году директоры португальской коммерции в Макао отправили в Кубу [сёгуну – И.С.] посольство, состоявшее из 73 человек. Как скоро сей корабль прибыл в Нагасаки, то был конфискован и посольство все осуждено на смерть и казнено. Только 12 служителей были назад отосланы для объявления что есть либ и сам король Португальский в Японию прибыл, то и его не лучше бы приняли.

Около 1585 года высочайшая власть явно и торжественно разделена стала: Кубо получил высочайшую власть в светских делах, а Даире удержал при себе правление духовных дел. Армия состоит в мирное время из 100 000 пехоты и 20 000 конницы. В военное из 308 000 пехоты и 38 000 конницы.

Сперва Голландцы не были включены в изгнание, они оставались при прежней вольности; но после лишены оной, потому что никакия поступки подозрения Японского предупредить не могут. С 1641 году заключены они в зделанной искусством в Нагазакской гавани остров Дезиму [Дэсиму – И.С.], имеющий сообщение с городом посредством моста. Их суда как скоро которое прибудет, обезоруживаются: порох, ружья, шпаги, артилерия и даже руль выносится на землю. В сем роде тюрьмы поступают с ними с презрением, какого себе представить не можно, и говорить им дозволяется только с комиссарами уполномоченными устанавливать цену и количество их товаров. Нельзя чтоб терпение с каким они уже более одного столетия таковое с ними обращение переносят не унизило их в глазах народа до чрезмерности и чтоб любовь к корысти [довела] до такой степени нечувствительности к наругательствам, не повредив душевного их свойства. Ежегодно отправляют они посольства с подарками к Кубу. В лучший год получают прибыли не более 20 000 гульденов. Честнейшие и просвещеннейшие из них часто с живостию предлагали оставить сию столь постыдную и толь мало прибыльную ветвь торговли. Китайцы торгуют там не выгоднее и с такими же утеснениями»⁷².

Что же нового добавила приводимая Рейхелем информация по сравнению с тем, что было известно ранее? Во-первых, это некоторые данные о численности населения Японии и численном составе ее вооруженных сил, никак не фигурировавшие в более ранних источниках. Во-вторых, в тексте большое количество дат, тогда как в «Космографии» приводилась лишь одна дата – 1596 год.

Но самое главное, что давала «История о Японском государстве», – подробное описание системы мер, предпринимаемых японскими властями для изоляции страны от внешнего мира, начиная с первого и главного шага, сделанного в 1637 г. До этого самым полным описанием положения иностранцев в Японии можно считать «Известие о вещах японских о которых возможн проводать» Н. Христизия. Теперь о положении голландцев было сказано более подробно с указанием источника информации из числа чиновников фактории в Нагасаки, каким являлся Э. Кемпфер.

В целом «История о Японском государстве» профессора И. Рейхеля несет в себе информацию практического свойства. Прежде всего, данные сведения о Японии показывали состояние внешней торговли этой страны и ее вооруженных сил. Несомненно, информация, изложенная Рейхелем, должна была оказать содействие при попытке завязать отношения с этой страной и была учтена при подготовке первых посольств в Японию.

При подготовке посольства А.К. Лаксмана были учтены и сведения о Японии, содержащиеся непосредственно в работе Э. Кемпфера «История Японии и Сиама», вышедшей в 1727 г. на английском языке в Лондоне. Кроме того, Э. Г. Лаксман, принимавший деятельное участие в подготовке первого русского посольства в Японию, был знаком с «Историей и описанием Японии» К.П. Тунберга, опубликованной в 1777 – 1779 г. Также Э.Г. Лаксман способствовал выходу в России на немецком языке «Дневника путешествия... по Европе, Африке и Азии в 1770 – 1779 гг.» того же автора⁷³. Таким образом, в России в распоряжении людей, знающих английский и немецкий языки оказались еще три описания Японии, составленные побывавшими там людьми. Данные работы, авторы которых некоторое время жили в Японии, изобилуют подробными описаниями не только положения служащих голландской фактории в Нагасаки, но и обычаяев, нравов японцев, пред-

метов быта, экономики и т.д. Но если пребывание Кемпфера в Японии совпало со временем экономического и культурного подъема в стране и потому немецкий врач выступает сторонником самоизоляции Японии, приписывая ей эти достижения, то в середине 70-х гг. XVIII в. токугавская Япония уже стала клониться к упадку и бывший в это время директором голландской фактории К.П. Тунберг осуждал изоляцию Японии. Стоит также отметить здесь, что изоляцию страны будут так или иначе осуждать все побывавшие в Японии россияне, начиная с А.К. Лаксмана.

Знакомый с работами К.П. Тунберга, Э.Г. Лаксман имел возможность проверить сделанные шведом наблюдения, общаясь с группой японцев, возглавляемой Дайкокуя Кодаю. Хотя исследователям русско-японских отношений известны несколько вариантов рассказа Кодаю о России, записи его рассказов о Японии отсутствуют.

Содержание рассказов Кодаю и его товарищей отчасти можно восстановить по ссылкам на беседы с японцами Э.Г. Лаксмана. Так, в письме президенту Коммерц-Коллегии А. Р. Воронцову и в «Представлении о японском торге» 26 февраля 1791 г. ученый давал оценку знаниям Кодаю о Японии: «Во время их пребывания в Иркутске старался я свести знакомство с начальником японского судна Коодаю, яко человеком из первейших в Японии купцов, от коего можно получить довольноя сведения о японской торговле и вообще о его отечестве»⁷⁴.

Во время пребывания в Петербурге Э.Г. Лаксман при помощи Кодаю исправил географические названия на карте Японии Кемпфера⁷⁵, пополнил свои записи об этой стране. Странно, что Э.Г. Лаксман не оставил записи рассказов Кодаю о Японии. Вполне возможно, что такой документ существует и ждет своего исследователя. Точно так же удивляет, что Екатерина II, на аудиенции у которой побывал Кодаю, не отдала распоряжения записать рассказ японца о своей родине, поскольку все ее предшественники в подобной ситуации такой случай пополнить знания о Японии старались использовать более полно. Точно также пока не найдено записей рассказов о Японии следующей группы ее граждан, часть которых была отправлена на родину в 1803 г.

Первое и второе посольства в Японию, предлогом для которых явилосьозвращение ее граждан, попавших в Россию, существенно дополнили и расширили знания об этом островном соседе, компенсировав некоторым образом, отсутствие записей рассказов японцев.

«Известия о первом Российском посольстве в Японию» К. Болховитинова, – краткий пересказ журнала, веденного Адамом Лаксманом. Поэтому, говоря о том, насколько посольство в Японию 1792 – 1793 гг. обогатило знания об этой стране, следует обратиться к «Журналу мореплавания в Японию» поручика А.К. Лаксмана.

Следует отметить, что информация, собранная А.К. Лаксманом, касается, прежде всего, той части Японии, которая была совершенно недоступна чиновникам голландской фактории, являвшимися главными источниками сведений об этой стране, поэтому для своего времени она была уникальной.

Поскольку А.К. Лаксман побывал на острове Матмай (Хоккайдо), главная часть его наблюдений относится к этому острову. Из всех упомянутых ранее источников, о статусе этого острова и его населении говорится лишь у И. Козыревского и М. Шпанберга. Из них первый получил информацию от никогда не бывавших там японцев, а второй – из подробного отчета посетивших остров членов своей команды. Теперь стараниями руководителя русского посольства и его подчиненных была составлена карта северо-восточного побережья Хоккайдо с его подробным описанием, получена копия японской карты острова «с приобщением острова, называемого Карафуто [Сахалин]». Также были собраны некоторые данные о той части острова, которую россияне видели плывя из Немуро в Хакодате и добираясь сухим путем из Хакодате в Мацумая.

В результате общения с бывшими в Немуро японскими чиновниками, Лаксман сумел узнать, что на севере Хоккайдо японцы находятся лишь часть года, собирая подати и разные пошлины «с продаваемых курильцами японским купцам товаров», и наблюдая за промыслами айнов. На зиму же они всегда уезжают в Матмай, и возвращаются с первыми судами в мае месяце⁷⁶. Таюже стало известно, что местные жители – айны, недовольны действиями японских чиновников и не желают им подчиняться⁷⁷. Наряду с предпринятыми мерами к тому, чтобы не допустить

общения русских с айнами, дабы первые «не могли от них чего изведать», не ускользнувшими от внимания А.К. Лаксмана, вся эта информация позволяла судить о шатком положении японцев на севере Хоккайдо и о том, что освоение этой территории было начато недавно.

Живя бок о бок с японцами, Лаксман смог сделать некоторые наблюдения за их личными качествами, среди которых более всего его поразили их любознательность, прилежность и трудолюбие, отмеченные еще за сто лет перед этим в семидесятой главе «Космографии»: «В видимости же нашей могли мы приметить, что японцы были весьма прилежны и трудолюбивы, не оставили наше судно, чтоб не сделать к нему модели, и для оснастки просили человека, почему и был послан квартирмейстер. Сняли чертеж с октанту, даже с находившегося при мне токарного станка и с инструментов деревянные лекала»⁷⁸.

Ожидание посольством ответа из Эдо неожиданно предоставило возможность познакомиться с церемониями, сопровождающими встречу Нового года в Японии. «Накануне же Нового года зажигают перед своими идолами курительные свечки и, ходя по углам, бросают горстью жареный горох, произнося с криком следующия слова: «Онива соко фуку уджи», значащие, «Дьявол вон, добро останься!» И каждый, сколько от роду ему лет, съедает по стольку числом горошин. Еще бросают, когда после Нового года в первый раз бывает гром; также поставляют в передний угол сделанные наподобие хлеба из муки пшена сорочинского колопки и украшают дома обставляемыми вокруг балками с навязанными бумажными листьями, ленточками, вдоль развязанными.

В Новый год одеваются японцы в самое их лучшее платье, ходят везде с своими семействами, желая одни другим щастия, и пребывают почти весь первый месяц в покое»⁷⁹.

В связи с празднованием Нового года по японскому календарю, Лаксман заинтересовался принятой в Японии системой летоисчисления. «Год у японцев разделяется по течению месяца на 12 и чрез три года в четвертой на 13 месяцев, так что иногда Новый год бывает в феврале и марте месяцах.

Время разделяется не по часам, но по горящему скрученному из отрепья на подобие веревочки фитилю, который равными перевязанными узлами разделяется так, что когда зажжетца и до узла догорит, покажет прошедшее известное время и днем возвещается в их храмах ударами колокола, а в ночное время чрез часовых, которые ходя по улицам, ударяют сделанными деревянными брусками...

Небесных знаков считают, равно как и в прочих местах, 12, но только что имеют другие названия против европейских, как-то 1-й Не, Крыса; 2-й Уши, Бык или Корова; ...; 11-й Ину, Пес; 12-й Кабан.

Месяцы, в рассуждении неравного течения, никогда совершенно не соответствуют против настоящего исчисления, и считаются числом все по 30 равны»⁸⁰. Здесь же руководитель посольства описал и систему счет возраста японцев, отличавшуюся от российской⁸¹.

Еще раз возможность познакомиться с японскими обрядами представилась россиянам в связи с печальным событием. 22 апреля умер мацумэский чиновник Судзуки Кумадзо. Поскольку переводчик Е.И. Туголуков более всех сдружился с японцами, то А.К. Лаксман «послал ево, чтоб высмотреть обряд всей церемонии, при погребении употребляемой».

По возвращении Е.И. Туголукова в журнале Адама Лаксмана появилась следующая запись: «Сначала, как скоро помер, были зажжены курительные свечки перед их идолами и читана по их закону молитва. По окончании же оной обрили покойнику на голове волоса и положили в особом месте [Будучи хорошей породы, богатый человек, также имел в Матмае отца и многих родственников, за неимением здесь их духовных чинов не мог совершенно похороненным быть, оные волоса и трубка, из которой покойник курил, будут отосланы в Матмай, где над ними, равно как над ним самим, исполнится вторичная с большим обрядом церемония. – Прим. А.К. Лаксмана], после сего обмыли и одели в лучшее платье, заткнули за кушак его саблю. По изготовлении же гроба,.. в оный посадили, пригнув несколько голову вперед и надев на правую руку четки, обе руки сложив вместе, совершенно так, как обыкновенно молятся; потом, покрыв шелковою черною материю, поставили в переднее место и перед ним на маленьком столике сваленные из теста сорочинско-

го пшена белые колобки с украшением вместо цветков нарезанными бумажками. Затем, несколько помедлив, зажгли их обыкновенные свечки и, прочитав молитвы, закрыли крышку и, заколотив гвоздями, перевязали гроб белою дабою, продернули вверху длинный четырехгранный брус для носки, подняли с обеих концов по два человека, понесли. Между тем все закричали, другие еще ударяя в гроб означенные термины, массутуни и кашари, значащие: «Прямо ты иди, назад не приходи!» несли же гроб с таким обрядом: впереди шел один с фонарем, другой нес поставленные на маленьком столике колобки, за коими следовали два рядом чиновников, и за ними несли покойника. Прочие же чиновники и служители шли сзади. Дошел до могилы, которая была вырыта в два аршина квадратная, в оную спустили и, поставя от могилы на сажень расстоянием четырехгранный столб с надписью ево имени, когда родился и когда помер, а на прочих сторонах с надписанными молитвами, проща-лись, бросая каждый горстью землю, кроме служителей, кои остались загребать. Прочие чиновники, воротясь в дом покойного, сделали поминовение, при котором ели пареное сорочинское пшено и жареный горох; на могиле же ввечеру был по-ставлен фонарь, а на другой день был поставлен сделанный треножный таган с ви-сячим крюком, на который вешают чайник, и поставлены были две чашки лаковых – одна с водою и другая с пареною сорочинскою пшеною, чем и весь обряд цере-монии кончился⁸². Таким образом, в России впервые было получено описание по-хоронного обряда японцев с начала и до конца церемонии. В последующих описаниях Японии, созданных в начале XIX в., похоронный обряд не рассматривается ввиду того, что их авторы не имели возможности его наблюдать.

Лаксман, побывавший на японском корабле лично, дополнил сведения 1739 г. о японских судах. Его описание корабля включало в себя особенности кроя паруса, и внутреннего устройства и обоснованные замечания о непригодности судна к путешествию в открытом море. Здесь же есть и ссылка на Кемпфера, указывающая на то, что за сто лет принципы строения японских судов ничуть не изменились⁸³.

Живя в Немуро, россияне наблюдали не только за японцами. Несмотря на чинимые мацуваэскими чиновниками препятствия, были сделаны некоторые на-блодения за жизнью айнов Хоккайдо, первые не только с момента знакомства Рос-

ции с Японией, но и со времени знакомства Европы с этим государством. В журнале А.К. Лаксмана были записаны ценные сведения этнографического характера: как выглядят айны, во что одеваются, где и в чем живут, что употребляют в пищу, а также о предметах их взаимной торговли с японцами⁸⁴.

Сухопутный переезд из Хакодате в Мацуказэ и пребывание в главном городе княжества еще более обогатили представления о японских традициях и церемониях. Прежде всего, это были наблюдения, сделанные во время пути из Хакодате в Мацуказэ.

«Пришли чиновники и объявили, что все к выезду исправлено и препроводили нас до передних дверей, к коим поднесены были норимоны, похожие на европейские порчезы [портшезы – И.С.]. Когда же сел в норимон, понесли оный четыре человека и четверо шли возле для смены и переменялись через каждые полчаса на ходу, без остановки. И, сверх того, шли по обеим сторонам по два человека надзирателей из мелких чинов для прислуги, также назади двое вели подрученную оседланную лошадь на случай, если желание буду иметь ехать верхом. Далее несли господина Ловцова... Напереди же ехали двое матмайских чиновников, за коими несли по копью, и за первым шли шесть, а за вторым три человека, как и позади за нашими служителями, равно таким же образом, а за теми следовали прочие их чиновники и препровождаемая кладь на выочных лошадях и наши люди с легкими ношами; коих всех с служителями и чиновниками находилось 450 человек.

...При входе же перед каждым селением видел вышедших сидевших вниз головою по два, по три и, смотря по величине селения, и до десяти человек в уборном платье для встречи, кои были надзиратели сельские, также и старшии из обывателей, равно как и на выезде из селения сажен за 130 расстоянием.

В два часа пополудни пришли в селение..., где был назначен дом для обеда..., и..., оные дома [в которых останавливался вовремя дороги Лаксман – И.С.] для отличности, исключая внутреннего убранства, составленного расписанными ширмами, около стен поставляемыми, обтягиваемы были снаружи в шесть полос спицтою белою дабою с напечатанными матмайского губернатора гербами⁸⁵. При

входе в Матмай порядок следования несколько изменился для придания всему шествию большей пышности и торжественности⁸⁶.

Побывавший за время сухопутного путешествия по югу Хоккайдо во многих домах, Лаксман, однако, ни разу подробно не останавливался на описании японского жилища и поэтому сведения о некоторых элементах убранства японских домов и тех предметах, которыми японцы пользуются в быту, разбросаны по различным страницам «Журнала». В этих обрывочных сведениях содержится следующая информация: японские дома снабжены раздвижными стенами и передвижными бумажными щитами, позволяющими моделировать внутреннее пространство дома; стульями и скамейками японцы не пользуются, ввиду чего столы делаются низкими; украшение комнат состоит из «картин, лаковых ящиков для бумаги, чернильных и для курения табаку приборов»⁸⁷.

Уделяя немного внимания жилищу, А.К. Лаксман дважды описывает виденные им японские сады: «Тут... введены в покой, кои были на запад открыты к небольшому саду, представляющему аллегорический вид утесных положений, составленных из навозных [привезенных - И.С.] больших каменьев, искусно складанных и разного рода мохом и кустарником украшенных. Деревья же были персидские, цареградские орехи [греческие орехи – И.С.], вишневые и яблонные»⁸⁸. «Перед домом же был сад с разными деревьями и поставленными из твердого гранита для горшков круглыми педиесталами, вокруг коего был низкий забор»⁸⁹.

Путешествие из Мацуэ в Хакодате позволило ознакомиться с возделываемыми в Японии сельскохозяйственными культурами, и с разводимыми видами домашних животных⁹⁰.

Таким образом, Лаксман подтвердил предшествующую информацию о сельском хозяйстве страны. Благодаря ему впервые, и это стало единственным разом для рассматриваемого периода, стали известны некоторые сведения о промысле морской капусты (ламинарии): «В следовании же приметил, что берег морской был размежеван на 100 сажен и более гранями, выведенными подобно как грядами из крупного галешника, и на вопрос: для чего? – объявили, что у них на каждого человека, смотря по семейству, разделяется часть берега для сортирования выкидной мор-

ской капусты, разных произрастаний и ракушек и что каждый только на отведенном ему месте и против оного в море промышлять может»⁹¹.

В дороге Лаксман получил сведения и об одном из методов лечения, принятом в японской медицине – целительных источниках, расположенных на склоне вулкана, до сих пор пользующихся большой популярностью. До этого, о горячих источниках говорилось лишь в семидесятой главе «Космографии».

Еще одним дорожным впечатлением А.К. Лаксмана явились храмы, имевшиеся во всех придорожных селениях: «В каждом прошедшем селении,... были выставлены их капища, при коих также в особо выведенном над входом или крыльцом возвышенном месте были навешаны колокола»⁹².

Благодаря почти годичному пребыванию россиян на севере Японии, была получена ценная информация о многих традициях этой страны и обычаях, причем впервые все ими виденное россияне могли уточнить в ходе устного общения, поскольку в распоряжении посольства был переводчик японского языка Егор Туголуков и сын обосновавшегося в России после кораблекрушения японца геодезист И.Ф. Трапезников.

Устное общение позволило узнать, что Япония обладает некоторой информацией о России, исходящей от голландцев и изображающей нашу страну в неприятном свете: «По довольно уверению от... голландцев известно, что хотя бы какого владения и закону люди не были, когда к вам в Россию попадутся, со всеми таковыми жестоко и варварски поступают»⁹³. Однако, как показал результат посольства, оно своими действиями поколебало негативные представления японцев о России. Но этот вопрос будет рассмотрен в свое время.

Ставшая доступной читающей публике благодаря публикации К. Болховитинова в 1805 г., собранная А.К. Лаксманом информация значительно обогатила представления россиян об этой стране. После посольства 1792 – 1793 гг. Япония предсталла перед Россией не только как страна, располагающая природными богатствами и производящая вату, ткани, бумагу, рис, табак, лаковые изделия и фарфоровую посуду. Первое русское посольство показало страну, обладающую богатыми и

древними традициями, уважение и соблюдение которых является обязательным для всех ее жителей.

Справедливость сделанных А.К. Лаксманом наблюдений в 1805 г. была подтверждена участниками второго русского посольства в Японию. Но, в отличие от первого посольства, на этот раз россияне побывали не на севере, а на юге страны. Собранная в 1804 – 1805 гг. информация не перечеркнула известное ранее, а дополнила, показав, что различие между севером и югом страны заключается лишь в степени влияния центральной власти на жизнь региона и наличии либо отсутствии голландской фактории.

В 1818 г. Россия смогла познакомиться с описанием пребывания своих граждан в Японии в 1804 – 1805 гг. и их замечаниями об этой стране благодаря изданному под фамилией комиcсионера Российско-американской компании купца Федора Шемелина «Журналу первого путешествия россиян вокруг земного шара». Текст этой публикации восходит к «Журналу путешествия Двора Его Императорского величества Действительного камергера Резанова из Камчатки в Японию и обратно в 1804 1805 годах»⁹⁴. Некоторые описания Японии содержатся в дневниках и воспоминаниях других участников этого плавания в Японию: «Дневник, веденый во время кругосветного плавания И.Ф. Крузенштерна на корабле «Надежда»» капитан-лейтенанта М.И. Ратманова, «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве» И.Ф. Крузенштерна.

Прибывших осенью 1804 г. в Японию россиян прежде всего встретил «жестокий штурм [шторм – И.С.], которой на конец... превратился в так называемый тифон [тайфун – И.С.]»⁹⁵, – природное явление, никогда ранее не виденное русскими моряками и силу которого они теперь испытали на себе. «Ветер был так силен, что подобного не запомнят здешние жители. Голландские корабли стоящие в прекрасной Нангасакской гавани, близь Дезимы разружившись с 3-х якорей подрейфовав и бросились на подветренной берег. Ане [Они, т.е. японские чиновники и служащие голландской фактории – И.С.] справедливо удивлялись, что мы благополучно вытерпели прошедшего шторм»⁹⁶.

Вторым «явлением», поразившим россиян не менее, а, пожалуй, и более тайфуна, стало обращение японцев с иностранцами, строгое соблюдение изоляции Японии от внешнего мира и вызванная этим регламентация пребывания кораблей в гавани Нагасаки. Об этом говорят и описания длительного, обставленного многими условиями, процесса перевода «Надежды» с дальнего рейда на более удобный, ближний⁹⁷, и разбросанные по различным местам наблюдения за отношением японцев к голландцам⁹⁸. Сами россияне тоже испытали на себе всю строгость японцев по отношению к иностранцам. Так, М.И. Ратманов в своем дневнике отмечает: «Мы узнали, что нас не для притиснения не вводили в гавань, а для того, чтобы мы не имели сообщение [с голландцами – И.С.];... И нам дали до двадцати военных лоток с военными людьми под предлогом для услуг наших. Но мы понимали, что для караула»⁹⁹.

Таким образом, посольство 1804 – 1805 гг. не только подтвердило факт соблюдения Японией изоляции от внешнего мира, но и испытalo связанные с нею меры на себе. Ф. Шемелин, рассуждая о контроле японцев над собою и своими соотечественниками, однако, находит для него оправдание в том, что и для россиян, и для голландцев, и для всех иностранцев в целом законы японские одинаковы¹⁰⁰. И.Ф. Крузенштерн же говорит о том, что россияне испытали на себе и японское гостеприимство, поскольку посланнику японцы оказали разные преимущества, «которым не было до того в Японии примера»: офицерам были оставлены шпаги, а Н.П. Резанову «позволили взять с собою на берег солдат для караула и притом с ружьями»¹⁰¹.

Подкрепляя сведения А.К. Лаксмана о пышных переездах из города в город и торжественных шествиях к месту переговоров, второе посольство дополняет их описанием переезда русского посланника с корабля в Мэгасаки, где было отведено место для его проживания. В этот день все сторожевые суда в гавани были разукрашены шелком, флангами и вымпелами. Среди них выделялась своими размерами и богатым убранством «лотка принца Физенского» – даймё, чьи владения находились в окрестностях Нагасаки. Предназначенный для посла корабль поражал богатством и внутренней отделки, в которой были использованы лаки, бронза, золото,

ковры¹⁰². И.Ф. Крузенштерн, побывавший в Англии, Индии, многих других странах, отмечал, что «судно сие превосходило величиною своею и богатством убранства все виденные мною прежде такого рода»¹⁰³.

Н.П. Резанов и Ф. Шемелин предоставили в распоряжение россиян и описания японских построек, дополнившие замечания, сделанные по этому поводу А.К. Лаксманом. Первый отведенный для русского посольства дом очевидцы единодушно охарактеризовали как садовую беседку «с украшением японской пышности с прибавлением, что на диване сверх японских рогожек послано [постлано] красное сукно»¹⁰⁴. Шемелин уточнял, что однокомнатный дом был сделан из тонкого теса, и внутри никаких украшений кроме стен не было¹⁰⁵. Второй дом состоял из семи комнат, кухни и флигеля для чиновников и приезжающих с корабля. Внутренняя отделка дома была простой, кроме двух комнат посланника, разделяющихся ширмой, на которой по золотому полу были изображены ландшафты. Еще в доме находились две ванные в отдельных комнатах, «некоторым образом заменяющие русские бани»¹⁰⁶. Стоит отметить, что о наличии у японцев ванн писал в своем журнале еще А.К. Лаксман, однако довольно удачное сравнение с русской баней было сделано именно Н.П. Резановым и Ф. Шемелиным.

Поскольку второе русское посольство находилось на острове Кюсю, который, в отличие от Хоккайдо, был давно заселен и освоен японцами, традиции и обряды этого народа его участники могли наблюдать в полном объеме. Прежде всего, было значительно расширено описание торжеств и церемоний, связанных с празднованием Нового года¹⁰⁷.

Вторым праздником, который застали россияне на это раз, был отмечаемый в марте день кукол. Из связанных с эти событием церемоний, из своей «резиденции» участники посольства могли видеть, что в находящемся по соседству доме «в верхнем этаже были поставлены столы с куклами и заседками, но у окон тотчас поставлены были ширмы»¹⁰⁸. От россиян не ускользнуло и то, что хозяйская дочь в это день принимала у себя гостей и уговаривала их конфетами.

Чуть ранее посольство стало свидетелями ритуала изгнания распространившейся в Нагасаки болезни: по воде плыл соломенный кораблик с разноцветными

бумажками, на которых было что-то написано. В ответ на расспросы россиян караульный сообщил, что в городе началась повальная болезнь, и «бонзы отправили богослужение о избавлении от оной и торжественною процессиою отправили корабль сей в море, чтоб увез он все болезни»¹⁰⁹.

Становясь свидетелями этих церемоний, россияне убеждались в том, какое большое значение придается в Японии обрядам и церемониям, а также используемым в них символам.

Несколько раз на страницах журнала Н.П. Резанова проскальзывают описания тех лиц, которые были призваны играть в обрядах весьма важную роль. Так, 9 января Резановым оставлено описание молодых монахов «ордена Рокудо в белых платьях и панталонах, ... с белою с правого плеча перевяскою, с брюха висело нечто продолговато-четвероугольное с плоскою на конце медною выпуклостию в которое ударяли они шаром на палочку насаженным и производили острой звук; в руке имели они колокол и пели несносную мелодию»¹¹⁰. В один из дней празднования Нового года участники посольства выдели «множество бонзов ходящих по улицам и дворам со святынею, они были одеты в пунцовые, лиловые, зеленые и другаго цвета платья. Два четвероугольные в 3 четверти аршина лоскутъя парчи или толстой другаго цвета материи наподобие набедренников, соединялись того же цвета перевязью»¹¹¹.

Описание внешнего вида японских монахов – редкий случай, когда авторы указанных записок останавливаются на внешнем виде японцев или деталях их одежды. Лишь И.Ф. Крузенштерн, наблюдавший Японию с борта «Надежды», тщательно фиксировал все свои немногочисленные наблюдения. На страницах его «Путешествия вокруг света» мы находим описания одежды японцев, их обуви, причесок. Отмечая особенности национального платья японцев, Крузенштерн находит, что разница между одеждой богача и бедняка заключается в используемой ткани. При этом он заметил, что «все на многих местах верхнего платья имеют фамильный герб, величинаю с империал. Сей обычай принадлежит обоим полам. При первом взгляде узнать можно каждого, не только какого он состояния, но и какой даже фамилии»¹¹².

Ранее побывавшие в Японии россияне отмечали, что японцы ходят босиком. У И.Ф. Крузенштерна же японская обувь вызывает удивление. «Странно, что японцы не умеют обувать своих ног лучше. Их чулки, длиною до полуицр, сшиты из бумажной ткани; вместо башмаков носят они подошвы, сплетенные из соломы, которые придерживаются дужкою, надетою на большой палец»¹¹³.

В отношении прически японца Крузенштерн не дал ничего нового, описав уже известную традиционную прическу маки. Но ему удалось сделать новое наблюдение в связи с отсутствием растительности на лицах мужчин: «Бороды не стригут, не бреют, но выдергивают волосы щипчиками, чтобы нескоро росли. Сии щипчики вместе с металлическими зеркальцами каждый японец имеет в карманной своей книжечке»¹¹⁴. Таким образом, И.Ф. Крузенштерн опроверг утверждение, сделанное в «Космографии»: «Брады бреют».

Бывший в распоряжении первой русской кругосветной экспедиции художник тщательно зарисовывал многое из виденного. Сделанные по этим рисункам литографии вошли в «Атлас иллюстраций к атласу путешествия Крузенштерна в 1804 – 1805 годах». Здесь изображены и предметы одежды, и используемые в быту предметы (например, «табашный прибор», «посуда, в которой носят кушанье»), японские флаги, вымпелы и знаки почестей¹¹⁵. Также были выполнены зарисовки помещения русского посольства в Мэгасаки, японской крепости, торжественных шествий. Составление рисунков, позволяющих увидеть многое из ранее описанного – несомненная заслуга второго русского посольства в Японию.

Еще одной заслугой этого посольства стало описание системы власти Японии с краткими историческими экскурсами. Объясняя причину существующего разделения верховной власти Японии на духовную, возглавляемую императором (Дайри), и светскую во главе с сёгуном, Шемелин записал, что последний Дайри был слаб и безволен, что позволило полководцу Юритома [Минамото Ёритомо – И.С.] составить заговор и, основав новый престол в Японии, объявить себя первым Кубо-Самой – великим Наместником императора «и правителем светских государственных дел». Стремясь оградить свою власть от покушений, Юритома и его преемники ввели много законов и учреждений, и, в том числе, запретили иностранную

торговлю¹¹⁶. Из ближайших родственников сёгуна составляется Государственный совет, куда входит пять чиновников первого класса, и пять – второго. Именно они являются настоящими правителями государства. Более мелкими правителями Японии считаются губернаторы, одновременно являющиеся князьями (даймё) своих владений, которых на эти должности назначает сёгун¹¹⁷.

Новой информацией стали сведения о заключении браков в Японии и правилах наследования детьми имущества родителей. Н.П. Резанов в своем журнале, а вслед за ним и Ф. Шемелин, сообщает, что японец может иметь не более одной жены, и сколько угодно наложниц, однако редко бывает, чтобы их было более одной. Замуж японки выходят не ранее 14 лет. В праве наследования имущества дети мужского и женского пола равны, награждение же детей от наложниц зависит от желания отца. В случае, если нет сына от жены, но есть сын от наложницы, то «он усыновляется и пользуется всеми правами»¹¹⁸.

Как скоро Н.П. Резанов и Ф. Шемелин были представителями купеческой Российско-американской компании, их более всего волновали вопросы установления торговли между двумя странами. Поэтому особое внимание уделено именно этой теме. У Шемелина специально выделен раздел «Некоторые статьи, относящиеся к торговле». Здесь комиссионер Российской-Американской компании отмечает, что до того, как был получен решительный отказ в торговле, с японскими чиновниками было много разговоров, посвященных этой теме, во время которых была высказана большая заинтересованность японцев в российских товарах ввиду их ценового преимущества перед такими же товарами из Голландии. В этом же разделе Шемелин приводит обширный перечень тех японских товаров, которые будут пользоваться в России спросом (медь, пшено, ткани, фарфор и др.), и тех вещей, которые россияне могут в Японию ввозить (моржовая кость, клей, меха, железные инструменты, зеркала, очки, кожи и т.д.). Заканчивая перечень предметов взаимной торговли, автор этого текста *впервые* попытался дать оценку того, насколько велика потребность Японии и России в тех или иных товарах, того, какие трудности могут возникнуть при их доставке¹¹⁹. Из рассуждений Шемелина и из того, что список нужных России японских товаров более обширен, чем русских товаров для Японии, становится

видно, что на начало XIX века в установлении торговли между двумя странами была более заинтересована Россия, надеясь таким образом решить проблему снабжения своих тихоокеанских владений. Например, говоря о японской меди, Шемелин отмечает не только то, что, проданная в Санкт-Петербурге, она даст стопроцентную прибыль, но и что, удешевив оную в Америке, Охотске, Якутске, «даст способ завести артиллерию»¹²⁰.

Продолжая тему богатств Японии, Шемелин уделил много внимания металлам этой страны. На страницах его «Журнала» о драгоценных металлах сказано, что золото добывается в рудниках, 2/3 дохода от которых идет императору, и из песка, а японское серебро считается «лучшим в свете». Из других металлов выделены медь, которой очень много, и железо, которое добывают в трех областях и мало, что позволит России в будущем ввозить в Японию изделия из него¹²¹.

Расширяя уже имеющиеся познания о флоре и фауне Японии, Шемелин перечислил растения, животных, птиц этой страны, а в «Альбоме иллюстраций к атласу путешествия Крузенштерна в 1804 – 1805 годах» даны рисунки некоторых представителей японского животного и растительного мира¹²².

Были дополнены приведенные А.К. Лаксманом сведения о сельском хозяйстве Японии. В журнале Н.П. Резанова описано хлебопашество в условиях гористой местности в окрестностях Нагасаки, по поводу которого достаточно восторженно отзывался И.Ф. Крузенштерн: «Возделывание земли, виденное нами повсюду, чрезвычайно и бесподобно. Обработанные неутомимыми руками долины не могли бы одни возбудить удивления в людях, знающих европейское настоящее земледелие, но, увидев, не только горы до их остроконечных вершин, но и вершины каменных холмов, составляющих край берега, покрытые прекраснейшими нивами и растениями, нельзя было не удивляться»¹²³.

Вслед за А.К. Лаксманом Ф. Шемелин подтверждает сведения о жестоком обращении японцев с айнами. Но делает это уже со слов японцев, которые были захвачены Н.А. Хвостовым и Г.И. Давыдовым на Сахалине: дав взятку губернатору Матмая, японцы получают права на рыбный промысел «и получают право распо-

ряжаться ими [айнами – И.С.] как собственными своими рабами»¹²⁴, и отзываются об айнах как о скотах, но не как о людях.

Таким образом, второе русское посольство в Японию внесло весомый вклад в развитие представлений россиян об этой стране. Были значительно уточнены уже имевшиеся сведения о политическом устройстве этого государства и его становлении. Благодаря наблюдению за голландцами, разговорам с переводчиками и личному опыту участники посольства могли судить о системе мер, предпринимаемых для соблюдения изоляции Японии. Дополняя описанные А.К. Лаксманом церемонии, связанные с встречей Нового года, Шемелин и Резанов смогли сообщить некоторые сведения о весеннем празднике кукол и обрядах, совершаемых при возникновении эпидемии. Впервые после побега Беневского с Камчатки, Н.П. Резанов описал внешний вид буддийских монахов

Несомненной заслугой посольства 1804 – 1805 гг. является получение новой информации о Японии. Сюда входят данные о семейной жизни японцев, умении выращивать миниатюрные деревья, террасном земледелии. Сделанный Ф. Шемелиным анализ перспектив торговли теми или иными товарами также можно отнести к впервые появляющимся сведениям.

Не следует забывать и о составленных в ходе путешествия картах и планах. В 1813 г. в Морской типографии был опубликован «Атлас к Путешествию вокруг света Капитана Крузенштерна». В его составе имеются «Карта Южного берега Японских о-вов и пролива Ван-Димена [Осуми]», «Карта залива Киутию [Кюсю]», «Карта о-ва Нипона и Японского моря с Проливами Ван-Димена, Сангара и Корейского», «Виды берегов NW^й части острова Нипона», «План залива Нангасаки» и даже «План 22го Курильского острова имяненаго Японцами Еззо от северо-восточного мыса A по северную сторону до речки Шимпецы B а по южную до гавани Аткиса С. Сочинен в бытность Японской Экспедиции в 1793 м году»¹²⁵. Заслуга россиян в картографировании части побережья Японии становится еще более значимой в свете размышлений, высказанных И.Ф. Крузенштерном по поводу познаний о географии Японии. «Голландцы не доставили даже и посредственного определения положений Фирандо и Нагасаки, где они так долго имели свое пребыва-

ние. Кемпферова копия с худого японского чертежа есть единственная известная в Европе карта Нагасакского залива. Они не сообщили никакого описания даже о положении островов, находящихся в близости Нагасаки»¹²⁶. «Около двух с половиною столетий уже посещали Японию разные европейские народы и почти двести лет прошло, как европейцы бывают ежегодно в Нагасаки. Но и по сие время нет ни точного определения широты и долготы, ни верной карты Нагасакской пристани, одной из лучших в целом свете»¹²⁷.

Но, пожалуй, самым ценным вкладом в развитие знаний о Японии стали гравюры с изображениями японских растений, вещей и людей, с видами японских крепостей и резиденции посольства в Мэгасаки, позволившие воочию увидеть многое из описанного.

Помимо этого в ходе посольства было составлено «Руководство к познанию японского языка, содержащее азбуку, первоначальные грамматические правила и разговоры, сочиненное Н.П. Резановым в первом путешествии Россиян около света 1803го года под парусами на корабле Надежде»¹²⁸. «Руководство к познанию» представляет собою подготовленный к печати учебник японского языка, разбитый на главы, большинство из которых посвящено отдельным частям речи. Завершается учебник разделом «Разговоры», включающим в себя 19 диалогов и ряд японских пословиц¹²⁹. Единственной опубликованной частью этого учебника стала «Полная азбука фирокана [хирагана – И.С.] со всеми различных видов употребляемыми литерами», изданная в 1821 г. в Санкт-Петербурге¹³⁰. В результате этой проделанной Н.П. Резановым работы в России были получены *систематизированные данные* о Японском языке, намного превосходящие свидетельства конца XVII – начала XVIII в., подобные тому, что приводил Н. Спафарий («а письмо то ж де с китайским»).

Из всего сказанного видно, что второе посольство в Японию значительно обогатило знания россиян о Японии, позволив не только узнать, но и увидеть эту страну.

Нападения, произведенные Н.А. Хвостовым и Г.И. Давыдовым на японские поселения, расположенные на Сахалине и Курильских островах, незначительно

расширили сведения о Японии в силу того, что разворачивавшиеся не на территории японских островов события занимали небольшой промежуток времени.

Освещавшие экспедицию Хвостова и Давыдова материалы в основном дают представление о действиях лейтенантов в отношении айнов и японцев. Единственным документом, описывающим состояние японских промыслов, селения японцев, оружие является «Журнал путешествия Американской компании тендера «Авось» в 1807-м году под командою мичмана Давыдова»¹³¹. Здесь дается подробное описание этих указанных сторон жизни Японии.

Несколько страниц журнала посвящено описанию японского селения «на острове Итуруп в губе Шана [Сяна]». Из оставленного Г.И. Давыдовым описания видно, что в поселке имелись «большие столярные, кузничные и слесарные мастерские», обслуживающие потребность жителей селения в их продукции. Здесь же находился и пребольшой сарай, который «занят был только машинами для делания саки [сакэ]».

Приведенные Давыдовым описания жилищ японцев на Итурупе давали еще один образец японской архитектуры. «Жилища японцев расположены были не особыми домами, но в больших флигелях. Они отделялись одни от других выдвижными щитами, столь плотно сделанными, что сначала покажется будто видишь последнюю уже стену, но выдвинув один щит, находишь потом ряд разделяющихся между собою весьма чистых горниц, устланных повсюду травяными рогожками. В каждом флигеле была особая кухня, в кою вода проведена посредством труб, и оную брали отвернув только сделанные в стене краны».¹³² Таким образом, вместе с описанием здания Давыдов выполнил и описание системы подачи воды в жилища. Среди новых сведений, относящихся к архитектурным традициям, было описание внутреннего устройства японской крепости и того, как японцы пытались благоустроить окружающую территорию¹³³.

Кроме расширения познаний о планировке и устройстве японских укреплений и поселений, журнал Давыдова нес в себе описание доспехов и оружия, распространенного в Японии. «Латы и Шишаки японцев железные, весьма тонкие, покрытые лаком и очень чисто сделанные; копья и штыки скользят от них, но пуля

легко пробивает на весьма довольно разстоянии. Ружья с фитилями, сделаны весьма чисто и красиво, берут далеко, только японцы стрелять не умеют. Сказывают, будто в Японии нет иных пушек кроме оставшихся от Португальцев; но если мы нашли две на Итурупе, то кажется нельзя не быть им в середине Империи. Для больших пушек ядра свинцовые, обмазанные глиною и обклеенные бумагою. Для малых же... свинцовые а в середине глина. – Большая пушка походила на единорог.

- Копья японские на длинных гибких шестах, покрытых черным лаком и с позолоченными ручками. – Сверх чего есть несколько родов оружий неизвестных европейцам и могущих казаться служить для мучения только людей»¹³⁴.

Более ранние источники, описанные выше, ограничиваясь перечислением употребляемых в Японии видов оружия, не давали еще ни разу столь подробного описания некоторых его видов. Доспехи же до сих пор вовсе не упоминались ни в одном источнике.

Так же кратко, как и об оружии, говорилось в предыдущих источниках и о японских промыслах на Курильских островах. Предшественники Давыдова отмечали, что главным объектом промыслов являлась рыба, перерабатываемая на месте и затем доставляемая в центральные провинции Японии. Г.И. Давыдов, старавшийся зафиксировать в своем журнале все им виденное как можно точнее, обратил внимание и на способы заготовки рыбы¹³⁵.

Под влиянием всего виденного на Итурупе Г.И. Давыдов задался вопросом о причинах интереса японцев к островам, лежащим к северу от острова Хонсю, несмотря на запрет покидать пределы Японии. Пожалуй, впервые в России задавшись этим вопросом, он находит на него ответ в необходимости снабжения японских островов рыбой и жиром с севера в силу «избыточества жителей сей империи и недостатка прокормления для всех»¹³⁶.

«Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе» – наиболее известное описание событий 1811 – 1813 гг. из целого ряда подобных заметок, в который входят «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами», «Японский

плен 7-ми россиян в 1811-м, 12-м и 13-м годах, описанный одним из участвовавших в оном Андреем Хлебниковым» и «Краткое описание наших приключений», выполненное В.М. Головниным в форме писем к другу еще во время пребывания его в японском плену.

Описания событий 1811 – 1813 гг. открыли миру сущность обращения японцев с пленными и заключенными. В записках Головнина присутствуют описания четырех тюрем, в которых содержались он и его товарищи, и таким образом перед нами предстает целый спектр различных тюрем и жилых домов, значительно обогативший познания европейцев в области архитектуры Японии, включая такие подробности, как размещение и оборудование туалетов¹³⁷. Такого описания бытовой архитектуры Японии не давал до В.М. Головнина никто из европейских путешественников.

В отличие от А.К. Лаксмана, который ограничился в своем журнале сравнением японской ванны с баней, В.М. Головнин позволил, благодаря своим запискам, ознакомиться с нею более подробно. «Ванну японцы сделали для нас в пребольшом чану, нагрев воду посредством вставленной в бочку чана медной трубы с небольшой каморой вместо печки, в которой жгли дрова несколько часов сряду, пока вода не согрелась. Они посыпали нас мыться по очереди, начиная с меня и до Алексея, и всех в одной и той же воде. Сначала нам показалось досадно; мы думали, что они в этом случае поступают с нами как с презренными преступниками, которых восемь человек могут мыться в одной грязной воде, но успокоились совершенно с сей стороны, когда, к немалому нашему удивлению, увидали, что после всех нас в той же самой воде, не прибавляя ни капли свежей, мылись три или четыре человека из наших караульных солдат императорской службы. Звание сие довольно почетное в Японии. Из чего видно, что японцы немало не брезгливы и не имеют отвращения к христианам»¹³⁸. Сразу же стоит отметить, что подмеченное Головниным «многоразовое использование» налитой в ванную воды, остается характерным для Японии по сей день¹³⁹.

В число сведений, связанных с бытовыми удобствами японцев, входят и те, которые дают представления о защите от зимних холодов: теплые платья на вате,

оклеенные с наступлением холодов внешние решетки тюремы. Но наиболее неоценимыми стали строки, посвященные «отапливанию» камер: «Перед каждой клеткой, шагах в полуторах или двух, вырыли они [японцы – И.С.] большие ямы и на всех сторонах их положили толстые плиты, а внутри вместо вынутой земли насыпали песку. Таким образом устроив очаги, стали они держать на них с утра до вечера огонь, употребляя для того дровянной уголь»¹⁴⁰.

Еще одной частью быта заключенных в Японии, описанной В.М. Головним, стали заметки о принципах связывания узников, чтобы избежать их побега или какого-либо сопротивления. Тем более что судить об этом автор записей мог на основании личных впечатлений. «Всех нас (...) поставили на колени и начали вязать веревками, в палец толщины, самым ужасным образом, а потом еще таким же образом тоненькими веревочками, гораздо мучительнее. Японцы в этом деле весьма искусны, и надобно думать, что у них законом поставлено, как вязать, потому что нас всех вязали разные люди, но совершенно одинаково: одно число петель, узлов, в одинаковом расстоянии и пр...»¹⁴¹.

Преступники в Японии «испытывали неудобства» не только от содержания в тюрьмах и веревок, которыми их связывали. В помещении, где велся первый допрос Головнина, тот заметил «железа для кования преступников, веревки и разные инструменты для наказания»¹⁴². Разговоры с переводчиками дали описание одного из видов наказания и информацию о том, что наиболее тяжким преступлением в Японии считается отцеубийство, а вторым по степени тяжести – «почитается домозажигательство»¹⁴³.

Продолжая «бытовую» линию своего повествования, Головнин несколько раз уделил внимание традиционной для японцев еде и даже вопросам ее приготовления¹⁴⁴. К теме еды относятся сведения об употребляемом в Японии чае, зеленом и черном, второй из которых был «очень дурен», а первый считался чем-то вроде лакомства. При этом Головнин сделал замечание о том, что «японцы редко пьют чай с сахаром, а любят просто есть его: положив на ладонь ложку сахара, берут его в рот, как маленькие дети»¹⁴⁵. Это первое подобное наблюдение о таких традициях японского чаепития. Ранее А.К. Лаксман и Н.П. Резанов, которым во время переговоров

или после них обязательно подавали чай, отмечали только обязательные в этом случае сладости¹⁴⁶. Эту же традицию подавать угощение при переговорах отметил и П.И. Рикорд¹⁴⁷.

Если чай и традиционная пища японцев многократно были отмечаемы русскими путешественниками XVIII – начала XIX в., то такой момент, как употребление палочек для еды до Головнина нашло отражение лишь однажды в «Альбоме иллюстраций к атласу путешествия Крузенштерна в 1804 – 1805 годах»¹⁴⁸. Отмечающий многие детали и особенности японского быта Головнин не мог не остановиться на этой характерной детали «сервировки»: «Японцы не употребляют ни ложек, ни вилок, а едят двумя тоненькими палочками; жидкое же кушанье прихлебывают из чашки как мы чай»¹⁴⁹. Еще один участник событий 1811 – 1813 гг., П.И. Рикорд, вслед за своим другом и начальником также отметил употребление палочек вместо вилок и ножей, и даже привел их название – *хаси*¹⁵⁰.

К развлечениям японцев, описанным Головниным, относятся карты и шашки. По замечанию В.М. Головнина, «в шашки игра их премудреная...; они употребляют пребольшую шашечницу и около четырехсот шашек, которыми ходят и берут в разных направлениях и разным образом»¹⁵¹. Вполне очевидно, что русский моряк описал распространенную на Востоке, и становящуюся в последнее время популярной и в России, игру *го*. Другим способом проведения досуга, популярным в Японии, можно назвать сады. Впервые о японских садах было сказано в журнале А.К. Лаксмана. Записки В.М. Головнина – второй случай описания садов этой страны: «Прогуливаясь по городу, мы заходили в некоторые дворы и почти на каждом находили, буквально сказать, судя по величию, лужу, обсаженную зеленью и деревцами, в середине коей две или три кучи земли представляли острова, на которых местами лежали каменья, изображающие скалы и утесы, а инде посажен тростник; на воде же плавали суда и лодки, весьма грубо сделанные. Это мы видели у бедных людей..; но у богатых есть сады прекрасные... мы знаем по описанию самих японцев, что на главном их острове, Нифоне, есть множество великолепнейших садов, принадлежащих князьям и вельможам»¹⁵².

Прогулки с конвоирами помогли русским осмотреть храмы, часовни, причем не только снаружи, но и внутри. Такое знакомство позволило сравнить внутренне убранство буддийских храмов с католическими церквями: «Таким же образом стоит иконостас, множество резных или вылитых фигур, больших и малых подсвечников со свечами и пр.»¹⁵³. Описывая внутреннее убранство японских храмов, В.М. Головнин на страницах своей книги нигде не упоминает японских божеств. Надо отметить, что этот вопрос перестает подниматься на страницах повествующих о Японии источников примерно с середины XVIII в. Наоборот, информация о запрете в этой стране христианской веры, непременно содержится во всех записях, журналах и описаниях. Головнин в этом отношении не является исключением, но в изучении данного вопроса он идет дальше своих предшественников, получив от переводчиков объяснение возникновению такого запрета. «Геске объявил нам..., чтобы мы..., не считали японцев такими ненавистниками христианской веры, которые принимали бы исповедующих оную за людей дурных и презренных; этого они никак не думают... Но что христианская вера строго запрещена японскими законами, тому причиной великие несчастья, которые прежде они испытали в междоусобной войне, последовавшей от введения к ним сей веры»¹⁵⁴.

Следуя за своими предшественниками, и Головнин, и Рикорд, обращали внимание на японские традиции, будь это традиции связанные с религиозными обрядами или общением людей.

С обрядовыми традициями были связаны замечания о праздновании Нового года и похоронами. О новогодних праздниках многое было сказано в журналах А.К. Лаксмана, Н.П. Резанова, и Ф. Шемелина. К уже имеющейся обширной информации В.М. Головнин добавил, что «японцы празднуют Новый год целый месяц; но настоящее общее празднество продолжается только от новолуния до полнолуния, то есть две недели. В это время у них нет ни присутствия, ни работы, и ничем они не занимаются, а только ходят по гостям и пируют;... Новый год есть самый важный праздник в японском календаре. К нему шьют обновы и делают великие приготовления, как у нас к Пасхе. Обыкновение требует в этот праздник всем

знакомым, в том же городе находящимся, сделать визиты, а отсутствующих по-
здравить письмами»¹⁵⁵.

О похоронном обряде, принятом в Японии, была сделана запись в журнале А.К. Лаксмана со слов наблюдавшего обряд Е.И. Туголукова. П.И. Рикорд, почти год общавшийся с японским купцом Такадая Кахээ, смог с его помощью несколько дополнить сведения об одной из сторон этого обряда. Туголуковым и Лаксманом была отмечена такая деталь, как отрезание волос на голове умершего, чтобы его родственники смогли потом над ними исполнить обряд погребения. Благодаря Такадая Кахээ россияне смогли узнать, что волосы для погребения их родственниками отрезаются не только в случае смерти на чужбине, но и в случае смерти на поле брани, а также в случае совершения харакири, когда человек погибал вдалеке от родины, не запятнав свою честь позором¹⁵⁶.

Подробно освещенные участниками посольства 1804 – 1805 гг. вопросы о формировании системы управления, на страницах записок о событиях 1811 – 1813 гг. не находят почти никакого отражения. Кроме тех случаев, когда Головнин считал нужным отметить некоторые детали одежды чиновников или объяснял, что чиновничья должность «бунио» «соответствует тому званию, что в Европе называется губернатором»¹⁵⁷. В дополнение к этому в «Кратком описании наших приключений» излагаются факты, дающие представление о положении владетельных князей: «В Японии более 200 владетельных князей, из коих многие очень сильны; но они все подчинены одному Государю и правлению, которое так подозрительно, что княжеские жены и дети живут всегда в столице, а князья сами погодно, год в столице, а год в своем владении»¹⁵⁸.

При этом на страницах записок отражаются некоторые традиции, связанные с личностью императоров и сёгунов. Находясь в плену, россияне «узнали, что, по японскому закону, никто из подданных не может носить того имени, которое имеет царствующий государь, почему при вступлении на престол наследника все те, которые имеют с ним одно имя, переменяют оное»¹⁵⁹. А. Хлебников дополнил эту информацию, сообщив, что преемника императора коронуют тайно в Киото и лишь затем сообщают о смерти старого императора и вступлении на престол нового в

Эдо. Тот же самый порядок соблюдается и в случае смерти сёгуна¹⁶⁰. При этом летоисчисление ведется по годам правления тех или иных императоров. Точно так же, как принятый в Европе счет лет отличается от японского, различается и деление суток на часы, которое подробно описано А. Хлебниковым, отмечавшим, что в Японии приняты «календарное время», делящее сутки на 100 равных частей, каждая из которых «делится еще на четыре части», и «гражданское время», делящее всякий день и ночь на 6 часов.., а каждый таковой час еще на половину»¹⁶¹.

В отличие от организации власти, экономическое развитие острова Хоккайдо нашло в этих записках самое полное отражение за весь рассматриваемый период. Этому способствовали не только беседы с японцами, но и переезды из Хакодате в Мацуэ, а также путешествие по острову в ходе побега из тюрьмы. В итоге была установлена неравномерность заселения острова¹⁶². Несколько раз Головнин и Рикорд упоминают о том, что главным занятием населения острова является добыча морепродуктов, а земледелие развито слабо и в основном в районе города Хакодате, описанию которого отведено много места¹⁶³.

Надо также отметить, что размышлявший о наказании Японии за удержание в плену россиян Головнин детально изучил состояние вооруженных сил этой страны. В этой связи он впервые в России говорит о личном составе армии, оценивая не только его численность: «Японцы считают свои силы числом солдат, а не способностями их; Мы видели между ими множество стариков, даже за 70 лет; и мальчиков в 14 лет, а такая дряхлость и слабость едва ли не одну треть составляет»¹⁶⁴.

Вторым фактором, говорящим, по мнению Головнина, о плохой боевой подготовке японской армии, является отношение к оружию, и, прежде всего, огнестрельному, составляющему главную часть вооружения европейских армий. «По японским законам, кроме чиновников и солдат ни один гражданин не имеет права иметь у себя в доме какое-либо оружие, а потому у них никто, никаким оружием действовать не умеет, при том страх как боятся огнестрельного оружия, а потому сколько бы их селения многолюдны не были, они не сильны»¹⁶⁵. Но боязливое отношение к главному оружию Европы, огнестрельному, сочеталось в Японии с приверженностью холодному оружию, что также было отмечено: «Военные японцы

всегда носят за поясом по сабле и по кинжалу; даже когда они и дома сидят, то одну саблю только снимают, а кинжал редко; если же когда и вынут его из-за кушака, а понадобиться чем хоть на минуту выйти из дома, тотчас опять берут, словом – без кинжала ни на минуту»¹⁶⁶.

Записки П.И. Рикорда содержат очень много данных о различных традициях и обычаях, соблюдаемых японцами. Так, при помощи Такадая Кахэй разъяснилась причина требований японской стороны, предъявляемого и посольству А.К. Лаксмана, и посольству Н.П. Резанова, сидеть на коленях и снимать обувь перед входом в дом. По японскому обычаю это является выражением учтивости, тогда как сесть на стул по европейскому обычаю, «почитается величайшим неуважением и грубоствию»¹⁶⁷. Пересекая порог любого дома, японец должен оставить обувь перед его дверью, отсекая себя, таким образом, от пространства улицы и оставляя за порогом все то, что не связано с домом. Поэтому «войти в сапогах противно... обычаям и почитается величайшую грубоствию»¹⁶⁸.

Еще одним предметом, фигурировавшим в описаниях церемоний переговоров, а точнее – процессии шествия посланника, были большие пики (копья), обернутые сукном, изображения которых имелись в «Альбоме иллюстраций к атласу путешествия Крузенштерна в 1804 – 1810 годах»¹⁶⁹. Рикорд, по сравнению со своими предшественниками, уточнил, что такие пики являются не только знаком почести, но и то, что «по числу таких пик в Японии познается чин того, перед кем их несут»¹⁷⁰.

Особо стоит отметить тот факт, что в записках П.И. Рикорда содержится описание японки, являющееся, вместе с соответствующим местом в «Записках Ивана Рюмина», единственным описанием японской женщины в отечественных источниках периода становления русско-японских отношений. П.И. Рикорд описал не только одежду побывавшей на его корабле женщины, но и черты ее лица и даже голос. «Она довольно приятна женщина. Лицо у нее было смуглое и несколько продолговатое, с правильными чертами, рот – маленький, со светящимися под черным лаком ровными чистыми зубами, брови – узенькие, черные, гладкие, как будто проведенные кистью, - лоснились над такого же цвета пламенными без впадин гла-

зами; волосы – самые черные, в виде тюрбана причесанные, без всякого головного украшения, кроме черепаховых гребней. Роста она среднего, собою тонка и довольно стройна. Одевание ее состояло из шести шелковых, на самой тонкой вате, похожих на наши халаты широких платьев; каждое было подпоясано особым кушаком очень низко. От пояса книзу платье было в обтяжку; каждое особливого цвета, а верхнее было черное.

Разговор ее был протяжный, голос томный; все вместе с выразительною физиономией производило приятное впечатление»¹⁷¹.

Кроме того, и записки В.М. Головнина, и записки П.И. Рикорда содержали данные о японо-курильской торговле и об образе жизни айнов.

События, связанные с плениением В.М. Головнина, всколыхнули в России интерес к Японии и на следующий год после издания его записок и записок П.И. Рикорда, в Санкт-Петербурге была опубликована работа, автором которой был назван природный японец Николай Петрович Колотыгин (Синдзо). Книга титулярного советника Н.П. Колотыгина называлась «О Японии и Японской торговле или новейшее историческо-географическое описание японских островов».¹⁷² Этот труд по сути дела являлся переводом работы Кемпфера, дополненным некоторым количеством более новых сведений (в том числе, приводимых Тунбергом) и данных о русско-японских контактах вплоть до 1814 г.

По сравнению с уже накопленной за более чем столетний период информацией, работа Н.П. Колотыгина незначительно дополняла то, что уже было известно в России. Например, в части сведений, касающихся развития японо-голландских связей, было сделано прибавление, повествующее о первых десятилетиях пребывания голландцев в Японии¹⁷³. Более подробно, нежели ранее, Колотыгиным была описана география Японских островов, как физическая, так и политическая (причем здесь давались сведения о городах не только главного японского острова, но и островов Сикоку и Кюсю)¹⁷⁴. Кроме сведений о политическом устройстве Японии и ее географии, Колотыгиным приводится информация о ее культуре, в том числе, в качестве религии этой страны впервые называется синто¹⁷⁵.

Но больше всего в этой работе, основанной на трудах представителей голландской фактории, информации об экономике Японии, состоянии ее внешней торговли и, особенно, о взаимоотношениях японцев и голландцев. Для иллюстрации обширности данных о японо-голландских отношениях достаточно будет привести названия параграфов, посвященных этому вопросу: «Ограничение привилегий Голландцев», «Голландско-японская торговля», «Обхождение Японцев с Голландцами», «Цена привозимых Голландцами товаров», «Образ торгу», «Голландцы после торгу», «Путешествие начальника фактории к Японскому Императору», «Важность прежней Голландско-Японской торговли», «Товары, привозимые Голландцами». Информация по всем этим вопросам уже имелась в России, много об этом было сказано участниками посольства 1804 – 1805 гг., но в работе Н.П. Колотыгина она впервые была систематизирована по специальным разделам. Причем, относительно голландско-японской торговли есть не только разделы, посвященные порядку ее проведения и легально экспортируемым и импортируемым товарам, но и вещам, составляющим предмет контрабандной торговли¹⁷⁶.

Русско-японским отношениям посвящены лишь два последних параграфа книги Н.П. Колотыгина. Поскольку сведения о них не могли содержаться в работах чиновников голландской фактории, эти разделы были специально написаны для данной книги. Параграф «Сношения Россиян с Японцами» охватывает период с начала XVIII века, когда у берегов Камчатки появились японские корабли, приносимые бурей, и до 1814 г. Здесь было уделено внимание всем имевшим место контактам японцев и россиян в Японии и на сопредельных территориях, начиная с плавания Шпанберга и Вальтона, и заканчивая нападениями Хвостова и Давыдова, освобождением из плена В.М. Головнина с товарищами¹⁷⁷. В разделе «Товары, которые Россиянами могли бы быть в Японию ввозимы и из оной вывозимы» повторяется список, приводимый Ф. Шемелиным, которые и послужили, вероятно, источником для написания этого раздела.

В целом работа Н.П. Колотыгина подводила краткий итог более чем столетнего периода накопления информации о Японии. В сжатой форме здесь были изложены все те сведения, которые попадали в нашу страну, начиная с «Космографии

фии» 1670 года и заканчивая «Записками флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах».

На основе всей этой информации в России начали складываться определенные представления о Японии и населяющих ее людях.

Первые сведения, исходившие от испанских и португальских миссионеров, («Космография», собранная Н. Спафарием информация), показали Японию как государство, содержащее много чудес, диковинных вещей и богатств, населенное похожими на китайцев людьми. Здесь впервые возникает образ японца, как человека трудолюбивого, прилежного и любознательного («Всяких премудростей искатели. К работам терпеливы»¹⁷⁸). Этот образ трудолюбивой и любознательной нации в последующие десятилетия не претерпел изменений и был подкреплен наблюдениями А.К. Лаксмана, и И.Ф. Круzenштерна. Несколько позднее об этом же писали В.М. Головнин и А. Хлебников, рассказывая о том, с каким усердием японцы изучали русский язык и насколько большой интерес были ими проявлен к европейским наукам¹⁷⁹. Данные черты японцев (трудолюбие, прилежание и любознательность) до сих пор в сознании россиян являются одними из наиболее характерных качеств этого народа. Более того, эти качества отмечаются как один из факторов успешного роста японской экономики в послевоенные десятилетия¹⁸⁰. Таким образом, еще в XVII в. в России появилась информация, положившая начало формированию одного из наиболее устойчивых стереотипов восприятия японской нации, которая постоянно подкреплялась в последующие десятилетия рассматриваемого периода.

Наряду с трудолюбием, прилежанием и любознательностью в начале XIX в. была подмечена такая черта японцев как дотошность. Наиболее полно она отразилась в описанных В.М. Головниным сценах расспросов россиян, показавших эту черту японцев наилучшим образом. «Все наши ответы они записывали, а к вещам привязывали ярлыки, также с надписями»¹⁸¹. Такая черта отмечается и за современными японцами, например, А.Н. Мешеряковым, описавшим переезд «некоего учреждения», во время которого «вдруг объявился бесхозный стул» – без бляхи с инвентарным номером. В этой ситуации «служитель конторы отрезал ножницами

аккуратную полоску бумаги, вывел на ней фломастером «стул» и повесил ее на спинку»¹⁸².

Еще одна черта, отмеченная «Космографией» – жестоконравность японцев. В 1670 г. эта характеристика касалась отношения японцев к «татям и воровским людям». Но в процессе знакомства с Японией она претерпела некоторые изменения. Постепенно понимание жестоконравности японцев пополнялось данными из различных источников, включая с себя жестое отношение к побывавшим за границей и вернувшимся на родину согражданам или к тем, кто принял христианство¹⁸³. Представление о жестокосердии японцев было дополнено через описания пребывания в плену В. М. Головнина и его товарищей. Это представление о японцах, как людях достаточно жестоких, сложившееся в России в период с XVII по начало XIX в., не было каким-либо исключительным явлением. Во второй половине XIX в. европейские дипломаты описывали применяемые к преступникам или подозреваемым наказания как бесчеловечные.¹⁸⁴ В настоящее время это представление о жестоконравности японцев претерпело некоторые изменения под влиянием продукции, поступающей на видеорынки. Сейчас в представлении большинства людей жестокость – удел самураев и якудзы, однако при этом образ среднего японца не лишен некоторых жестких черт, что, несомненно, является пережитком возникшего в более раннее время стереотипа восприятия этой нации.

Отказавшись, с течением времени, от представления о присущей всем японцам жестокости, мы не отказываем им в наличии таких черт, как хитрость и лукавство, переходящее местами в коварство. То есть, в тех качествах, о которых впервые написал В. М. Головнин, предостерегая от опасности полностью довериться японцам во время переговоров, «ибо вероломство против неприятеля у них точно почитается военным искусством; а в сей части они превосходят все другие народы в свете»¹⁸⁵. Однако и здесь время внесло свои корректиды, возникшие, опять-таки, под влиянием видеорынка, наделив этими чертами в основном представителей японской мафии – якудзы.

Во времена В.М. Головнина коварство и хитрость японцев выражались, прежде всего, в недоверии к иностранцам, от которых, по мнению японцев XVII – на-

чала XIX в., исходила опасность для их страны. Поэтому, не только В.М. Головнин, но и А.К. Лаксман, Н.П. Резанов и представители голландской фактории отмечали подозрительно отношение в Японии к иностранцам. К середине XIX в. в России представляли Японию закрытой для внешнего мира страной, стремящейся всячески оградиться от любого иностранного влияния, будь то проповедь христианства или неучтенный при ввозе в страну предмет иностранного происхождения. Но уже в начале XIX в. Япония начинает приоткрываться для поступающих с Запада знаний, что отмечается и В.М. Головнином. Сейчас в глазах всего мира от замкнутости не осталось и следа. Наоборот, японцы считаются очень восприимчивыми к достижениям других народов, которые они, тем не менее, приспособливают к своим нуждам и традициям.

Об отличии японских традиций от европейских вслед за Кемпфером и Тунбергом написал в своем журнале А.К. Лаксман. Это положение было подтверждено Н.П. Резановым, Ф. Шемелиным, В.М. Головнином, П.И. Рикордом. Все эти путешественники описали большое количество японских традиций и обыкновений, касающихся как повседневной жизни (например, сидение на коленях, а не на стульях, складывание обуви перед входом в помещение), так и особых случаев, связанных, в основном, с приездом посланника другого государства (церемония ведения переговоров, введение иностранного корабля в японскую гавань). Под влиянием обширной информации, полученной в конце XVIII – начале XIX в., в России начинает формироваться образ Японии – страны, чьи традиции очень резко отличаются от российских и европейских и неукоснительно соблюдаются ее жителями. Этот стереотип с того времени не претерпел сколько-нибудь значительного изменения в отличие от представлений о японском военном искусстве.

Первые сведения о вооруженных силах Японии даются в тексте «Космографии», в котором со слов авторов конца XVI в. японцы предстают хорошими воинами¹⁸⁶. С этого момента в России постоянно интересовались состоянием ратного дела островного соседа. В XVIII – начале XIX в. информация, посвященная этому вопросу, постоянно пополнялась. Дембей сообщил в 1702 г. о наличии в Японии пушек и умении японцев изготавливать порох, прибавив, что ношение с собою огне-

стрельного оружия торговым людям запрещено¹⁸⁷. Несколько позднее, Санъэмон (Иван Яковлев) и его товарищи добавили сообщение о том, что количество пушек в Японии весьма ограничено. Но, опровергая авторов «Космографии», появление этой группы японцев вносит некоторые корректизы в представления россиян об отношении японцев к «воинскому делу». Общавшийся с ними И.П. Козыревский сообщил, что японцы «к воинскому делу зело не искусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда глаза руками закроют и падут на землю, також и про других своих людей сказывали, а именно про нифонцов»¹⁸⁸. Побывавшие в середине XVIII века в Японии россияне смогли своими глазами увидеть вооружение японцев. В их описаниях фигурируют луки, копья и сабли, и не упоминается огнестрельное оружие.

В семидесятых годах XVIII в. профессор И. Рейхель, основываясь на данных Кемпфера, впервые в России указал численность японской армии¹⁸⁹. А.К. Лаксман и Н.П. Резанов ограничились лишь перечислением видов оружия, используемого в этой стране. Кроме того, было добавлено, что в Японии не принято салютовать из пушек при отплытии корабля и что подобные действия со стороны россиян вызвали испуг и панику среди японцев¹⁹⁰.

Более подробно на состоянии военного дела Японии остановился в своем журнале Г.И. Давыдов, отметивший не только виды оружия и способы защиты от него, но и попытавшийся дать ему некоторую оценку: латы не пригодны для защиты от огнестрельного оружия, пушки в основном из числа тех, что достались от португальцев, а стреляют из огнестрельного оружия японцы плохо¹⁹¹.

В.М. Головнин, говоря о вооруженных силах Японии, затрагивал их личный состав, и вооружение. Уже отмечалось ранее его наблюдение за тем, что «японцы считают свои силы числом солдат, а не способностями их». Боевой дух военных не заслужил высокой оценки Головнина: «Японских солдат много, но они величайшие трусы... Японцы с саблями или с ружьями в руках не страшны»¹⁹². Отмечены были путешественником и законы, ограничивающие право хранения оружия в доме: «По японским законам, кроме чиновников и солдат ни один гражданин не имеет права иметь у себя в доме какое-либо оружие, а потому у них никто, никаким оружием

действовать не умеет»¹⁹³. При этом «военные японцы всегда носят за поясом по сабле и по кинжалу; даже когда они и дома сидят, то одну саблю только снимают, а кинжал редко»¹⁹⁴. Из других видов оружия Головниным была упомянута пушка, отлитая для голландской Ост-Индской компании¹⁹⁵. Низко оценены Головниным и оборонительные укрепления японцев, подходы к которым, согласно эстетическим принципам и стремлению все обустраивать, были весьма красивы, но мало пригодны для обороны¹⁹⁶.

Книга Н.П. Колотыгина «О Японии и японском торге» повторяла данные Кемпфера и Рейхеля о численности японских войск, добавляя к этому тезис о том, что и артиллерия, и морские силы Японии слабы¹⁹⁷.

На основании всех указанных данных в России сложилось определенное представление о военной мощи Японии. Вся эта информация способствовала формированию представления о японцах, как о плохих воинах, не отличающихся храбростью на поле боя. Кроме того, к началу XIX в. в Европе уже несколько веков как отказались от такого вида оружия как лук, и основным средством ведения войны в этой части света являлось огнестрельное оружие. С этой точки зрения плохое владение японцами огнестрельным оружием расценивалось как неумение воевать вообще, что также не способствовало созданию образа японца-воина. При этом совершенно не учитывалось умение владеть холодным оружием, которому с детства обучались представители воинского сословия. Таким образом, в России в начале XIX в. существовало представление о японце – плохом воине и о Японии – слабом военном противнике. Подкрепленное успехом действий Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в 1806 – 1807 гг. и действий М. Перри в 1853 – 1854 гг., это представление настолько укрепилось в российском сознании, что продолжало существовать и к началу XX в., когда уже была осуществлена перестройка японской армии, доказавшей свою боеспособность в войне с Китаем.

Еще один стереотип восприятия, который формируется в период становления русско-японских отношений, связан с Курильскими островами и Сахалином. Попытки японцев освоить Южные Курильские острова начинаются во второй половине XVIII в., а японские поселения на Сахалине основываются еще позднее. Тогда

как продвижение россиян по этим островам начинается в первые годы XVIII в. Однако лишь инцидент 1806 – 1807 гг. впервые всерьез заставил задуматься о юридических правах на ту или иную часть этих территорий. Именно события 1806 – 1807 и 1811 – 1813 гг. представили россиянам Японию в качестве захватчика территорий, принадлежащих России. С этого момента начинает формироваться образ Японии – захватчика русских территорий, который настолько укоренился в сознании россиян, что многие люди, незнакомые с причинами возникновения современных территориальных споров между Россией и Японией, пытаются в качестве аргументов использовать факты двухсотлетней давности, тогда как истоки современной проблемы лежат в событиях, имевших место после Второй мировой войны. Тем не менее, такой стереотип постоянно существующей и неразрешенной проблемы разграничения имеет место, и возникает он именно в период становления русско-японских отношений.

Наконец, в рассматриваемое время начинает формироваться образ Японии – потенциального и очень выгодного торгового партнера, торговые отношения с которым помогут развитию российских владений на Дальнем Востоке и в Сибири. Это выражается в постоянных попытках завязать товарообмен между двумя странами, а также, например, в проанализированном Ф. Шемелиным списке предметов, могущих составить этот товарооборот.

Таким образом, накопленная в XVII – начале XIX в. информация о Японии способствовала созданию в России ряда стереотипов восприятия островного соседа. Преобладающую их часть составляют представления о личных качествах японцев: трудолюбие, любознательность, жестоконравность. Были заложены в это время и основы для формирования представлений о Японии в целом: претендент на Курильские острова, вероятный противник по военным действиям, страна с богатыми и отличными от европейских традициями, торговый партнер. Большая часть этих образов существует до сих пор и оказывает влияние на наше отношение к этой стране и населяющим ее людям. Кроме того, через публикацию в начале XIX в. записок и журналов И.Ф. Крузенштерна, Ф. Шемелина, В.М. Головнина, П.И. Рикорда Россия предоставила всему миру возможность познакомиться с Японией начала

XIX столетия. И возможность такого знакомства также является заслугой периода становления русско-японских отношений, становящейся еще более значимой, если учесть, что с конца XVII в. к началу XIX в. были опубликованы лишь два описания Японии: Э. Кемпфера и К.П. Тунберга.

3.2. Японцы в Российской империи и россиянах.

Заочное знакомство Японии с Россией состоялось несколько позднее того времени, когда в нашей стране появилась первая информация об этом государстве, и по времени совпадает с появлением на Камчатке японца Дембяя.

По свидетельству Накамура Синтаро самое ранее упоминание о России содержится в работе 1695 года «Пояснение к торговле с Китаем и Эдзо», автором которой является ученый-голландовед Нисикава Дзёкэн. Здесь говорится о находящейся где-то далеко в море стране Мусукохэя (т.е. – Московия, Россия). В 1708 году Нисикава Дзёкэн несколько исправил и дополнил эти сведения о России, написав: «Это крупная держава к востоку от Голландии, страна с суровым климатом»¹⁹⁸. При этом были упомянуты кожи, изготавливаемые в Московии, к которым через сто лет проявят интерес японские купцы¹⁹⁹. Еще позднее, в 1720 году этот же автор в «Пояснениям к персоналиям 42 стран» поместил портреты русских мужчин и женщин, сопроводив их краткими пояснительными статьями.

В это же время другой ученый, Араи Хакусэки, создает две работы: «Восхождение к величию» (1713 год) и «Записки о Западе» (1715 год), основанные на сведениях из Голландии. Накамура Синтаро переводит в своей работе те данные, которые изложил на японском языке Араи Хакусэки. «Зимой много снега. Люди крупные, красноволосые, глаза голубые»²⁰⁰. О том, что автор этой работы пользовался новейшими голландскими источниками, говорит наличие в его работах сведений о Петре I и Северной войне.

Проникала в Японию информация о России и из Китая. Например, «Записки о других странах». Здесь говорилось о «большом государстве, расположеннном на

северо-западной оконечности Азии и называемом Московия. Территория государства с запада на восток простирается на 15 тыс., а с севера на юг – на 8 тыс. миль. Вооруженные силы страны довольно мощные, всегда готовы к действию»²⁰¹. Помимо того, в китайских источниках рассказывалось о большом колоколе в Москве, царь-пушке, товарах, которыми торгуют русские с китайцами. Но почти ничего не говорилось здесь о внутреннем положении России и ее социальном устройстве.

Все перечисленные работы давали информацию о России справочного характера и для Японии наше государство долгое время оставалось просто одной из многих далеких стран, не вызывая к себе никакого специального интереса. Для того, чтобы вызвать всплеск интереса к другому государству в закрытой для внешнего мира стране, понадобилось «предостережение Беневского» об исходящей от России угрозе безопасности Японии. После 1771 года в Стране Восходящего солнца появляется ряд исследований, посвященных потенциальному противнику. С этого момента в Японии интерес к России более не пропадет.

В 1783 году была закончена работа, являвшаяся, по существу, первым в Японии исследованием России, – «Акаэдзо фусэцуко» («Размышления в связи с появлением красных эдзо», в другом варианте перевода – «Изучение сведений о рыжих варварах»), принадлежащая перу Кудо Хэйсукэ. По мнению японского писателя-историка Сиба Рётаро, «для Японии эпохи «закрытия страны», имевшей крайне ограниченную информацию о событиях за ее пределами, страны, политика которой была направлена на максимальное ограничение любой подобной информации, появление такой книги следует считать невероятно быстрой реакцией»²⁰².

Автор «Размышлений» обучался в Нагасаки, находился на службе клана Сэндай, но основную часть своей жизни провел в Эдо, где имел возможность общаться с самураями клана Мацумаз. Благодаря их визитам, Хэйсукэ смог получить большое количество информации о положении дел на севере Японии и, что немаловажно, о географии этой части страны, поскольку этот уголок островного государства многие его граждане, да и правительство, представляли себе довольно туманно. На основе бесед с самураями клана Мацумаз, а также знакомства с голландскими данными, Кудо Хэйсукэ и написал свою книгу.

«Размышления в связи с появлением красных эдзо» показывает, насколько скучна была информация о России в тот период, и одновременно открывает серию японских работ, из которых каждая последующая будет отличаться от предыдущей привлечением новых сведений. Кудо Хэйсукэ приводит некоторые интересные сведения, демонстрирующие представления о нашем государстве в Японии в начале 80-х годов XVIII века. «Родина «красных эдзо» Оросия. Эта страна имеет и другое название – Русь, но их главный замок называется «Мускобия». Правильнее называть «красных эдзо» «камсаска» или «камисикатка»... Довольно, однако, сомнительно, что верное название этой страны – Оросия. Среди стран мира есть страна Оросия. Я спрашивал о ней образованных людей, но не нашлось никого, кто бы ее хорошо знал. Все стало ясно, когда я выслушал рассказы гостей из Нагасаки и из клана Мацумэ и затем обратился к голландским книгам. Я узнал, что «Оросия» – общее название для земель «Мускобии», а «красные эдзо» - служащие государству чиновники, живущие на этих землях (на Камчатке). Когда их спрашивают, как называется их страна, они отвечают, что она зовется «Оросия»»²⁰³.

В результате контактов с русскими, имевшими место на Курильских островах, в княжестве Мацумэ узнали о существовании в России школы японского языка, в которой преподают выучившие русский язык японцы. Эту информацию, полученную от представителей самого северного княжества Японии, Кудо Хэйсукэ включил в свою работу, показав таким образом, что Россия интересуется своим островным соседом.

Продвижение русских в сторону Японии и интерес к ней, автор «Размышлений» не объясняет наличием агрессивных замыслов, хотя появление этой работы и было вызвано сведениями о постройке военных укреплений на тихоокеанских рубежах России. Начало покорения Сибири Хэйсукэ объясняет тем, что когда на этих территориях начались беспорядки, местное население попросило помочь у России. В ответ на эту просьбу Россия послала большое войско и усмирила волнения, «введя в действие закон, установив власть, и оставя там войска для того, чтобы разделить верхи и низы». «Народы Сибири склонились перед добродетелью и миролюбием ее. Так бывало всегда, когда Оросия расширяла свою тер-

риторию. Если бы не было беспорядков и смуты, незачем было бы посыпать войска»²⁰⁴. Из этих слов видно, что в представлении Кудо Хэйсукэ Россия являлась не захватчиком чужих территорий, но страной, которая несла порядок и добродетель другим народам по их просьбе. Первое в Японии посвященное России исследование говорит не о непосредственной угрозе с севера, а призывает к установлению торговых отношений с Россией через порты, расположенные на севере, чтобы развивать эту часть Японии²⁰⁵.

Насколько позволяла скучная информация, в «Размышлениях» получили освещение литература России, история и некоторые черты экономики. В целом же, хочется отметить это еще раз, работа Кудо Хэйсукэ – попытка привести в систему ту немногую информацию о России, которую можно было в Японии найти. И, по свидетельству самого автора, «не нашлось никого, кто бы ее [Россию] хорошо знал». Другим хорошим примером того, какие представления о землях, расположенных к северу и северо-западу от Японии существовали в этой стране, являются слова астронома, географа и математика Хонда Тосиаки, высказанные им в сочинении «Сеи-ики моногатари» («Рассказы о западных странах»): «Что касается до японцев, то тот из них, кто может сказать, что в отдаленных землях владений Мацумаз находится холодная страна, в которой не растут хлеба и где нельзя жить, тот должен считаться уже большим знатоком дел, и человеком просвещенным. Большинство убеждено, что Эдзо – иностранное государство, что люди там совершенно особые, что они имеют только один глаз во лбу и что он сверкает как молния»²⁰⁶.

Такая ситуация со знаниями о других станах в Японии XVIII века объясняется тем, что в период самоизоляции был наложен строгий запрет на распространение всякого рода сведений о других государствах, запись и хранение их.²⁰⁷ Подобные записи производились только по особому распоряжению правительства и хранились как секретные документы. Такая же участь постигла и сочинение Кудо Хэйсукэ. Однако, заказчик этой работы – правительство бакуфу, возглавляемое Танума Окицугу, ознакомившись с «Размышлениями в связи с появлением красных эдзо», решает более детально разобраться с положением дел на севере Японии. Для этого в 1785 году была организована специальная экспедиция, в задачи которой входило

не только изучение севера Японии, но и определение того, до каких пределов распространяется здесь влияние России. На развитие интереса к России и Курильским островам оказали свое влияние и голландцы, рекомендовавшие японцам обратить внимание на тот факт, что южные Курильские острова заняты русскими и рассказывающие при этом «массу дурного о русских»²⁰⁸.

Под влиянием действий голландцев в знакомых с их рассказами кругах начинает формироваться образ «большого Ивана» – Российского колосса, постоянно нависающего своей потенциальной мощью над маленькой Японией²⁰⁹. Ограниченнная в знаниях о России правящая верхушка склонна была давать неверную оценку своему потенциальному противнику, которого, по ее мнению, она обрела в лице нашего государства. Например, Мацудайра Саданобу, занимавший с 1788 по 1793 год «пост главного канцлера» бакуфу, в работе «Общие соображения об обороне морского побережья» изложил свой взгляд на тактику ведения войны с Россией. «Так, если бы имелось в виду издать распоряжение о том, чтобы произвести нападение на государство Россию, то на подвластные ей острова Эзосские [Курильские острова – И.С.], или на Камчатку можно было бы устроить такое неожиданное нападение с небольшим числом солдат, посаженных на одно или два судна. Однако, если будет издано предписание о том, чтобы войти в гавань столицы России и захватить ее, то это едва ли будет возможно выполнить с одним или двумя судами. Во всяком случае для этой цели безусловно необходимо будет приготовить людей и суда. Хотя бы это и было бесполезно, но если уже посыпать в русскую столицу и ея гавань одно или два судна, то необходимо прямо выбирать лиц, обрекших себя на верную смерть, без этого идти туда невозможно»²¹⁰. При этом, признавая возможность ведения военных действий против России, Мацудайра Саданобу не считал угрозу настолько большой, чтобы бросать большие силы на укрепление обороны Японии, что и доказал своими действиями против Хаяси Сихэя (Рин Сихэя).

Хаяси Сихэй был автором двух работ, посвященных проблемам обороны Японии: «Сангаку цурэн» («Обзор трех государств») и «Кайкоку хэйдан» («Военные беседы для морской страны»). Чертавший свои сведения из голландских источников, Хаяси Сихэй настаивал на скорейшем укреплении обороноспособности

страны, критикуя японские власти за бездеятельность в этом направлении. В «Военных беседах для морской страны» Хаяси Сихэй напрямую говорил о наличии реальной угрозы безопасности Японии со стороны России: «Московия постепенно завоевывает северные области Даттана [Манчжурию и Приморье – И.С.]; к эпохе Гэмбун [1736 – 1741 – И.С.] она уже расширила границы вплоть до крайних пределов Камчатки. Восточнее Камчатки уже нет более земель, которые она могла бы захватить. Потому она изменит направление своей завоевательной политики и будет лишь ожидать удобного случая, чтобы завоевать Цисиму [Курильские острова – И.С.]. Рассказывают, что сейчас там живет множество людей из Московии. Оборудовав базы на некоторых островах, они иногда появляются на Итурупе для торговли с нами. Нетрудно догадаться, в чем заключается действительная цель появления этих людей. Не намерены ли они вовсе поглотить Итуруп? Не надо забывать, что от Итурупа недалеко до Эдзо, а Япония и Эдзо – соседние страны. Нужно проявлять осмотрительность»²¹¹.

Мацуудайра Саданобу не мог простить Хаяси Сихею критики правительства бакуфу. Поэтому вскоре после выхода книги «Военные беседы для морской страны» ее автор «был арестован за распространение ложных паникерских слухов»²¹².

Что же дали результаты экспедиции, организованной в 1785 году? Она показала, что Россия действительно распространяет свое влияние на острова Курильского архипелага. В 1786 году на острове Итуруп участник этой экспедиции Могами Токунай встретил трех русских. Было видно, что они не занесены туда волнами случайно. Через этих представителей России в Японии была подтверждена информация о существовании в одном из русских городов – Иркутске, школы японского языка, в которой преподавателями являются японцы²¹³.

Несмотря на такое подтверждение факта пребывания в России на государственной службе японцев, на основании полученной в основном от голландцев информации, в Японии начало складываться определенное представление о России, как о жестокой и варварской стране, представляющей собой угрозу для Японии. Для примера можно привести слова, сказанные японскими чиновниками А.К. Лаксману: «Давно уже у нас в Японии о Российском государстве по довольно-

уверении от торгующих с нами голландцев известно, что хотя бы какого владения и закону люди не были, когда к вам в Россию попадутся, со всеми таковыми жестоко и варварски поступают. Почему, по известному разглашению, матмайские и едовские начальствующие чиновники, хотя посланное через Матмай письмо о посольстве вашем, из России произшедшем, по человеколюбию и по соседственной смежности для препровождения наших подданных и соответствующего к заключению совершенного дружественного союза на будущее вермя и получили, но по оному основательно увериться не могли. Даже и мы шли в здешнюю пристань Нимуро с великою опасностию»²¹⁴.

Общавшиеся в 1792 – 1793 годах с русским посольством чиновники отмечали, что в результате этого общения они изменили свои представления о России в противоположную сторону. Однако, одного общения было недостаточно. Требовалась более объективная информация о России, которую не давали все вышеуказанные работы, посвященные, в основном, проблемам, порожденным наличием миной угрозы безопасности Японии со стороны нашего государства.

В этом отношении настоящим информационным прорывом можно считать возвращение в 1793 году двух побывавших в России японцев, проехавших нашу страну от тихоокеанских окраин до Санкт-Петербурга, проживших здесь около 10 лет. При дворе сёгуна Иэнари (1781 – 1841) прекрасно понимали всю важность вновь приобретаемой информации, поэтому при допросах Кодаю и Исокити сёгун присутствовал лично. Запись допроса двух возвращенных на родину японцев вел придворный врач и ученик К.П. Тунберга Кацурагава Хосю, несколько ранее выполнивший по приказанию сёгуна перевод голландских материалов о России и составивший на их основе доклад «Оросия-си» («Описание России»).

Несмотря на то, что, согласно законам об изоляции Японии, все полученные на допросе сведения должны были сохраняться в строжайшей тайне, японцы все-таки переписывали записи этих рассказов. Но, поскольку это делалось тайно, в списках появилось много искажений и неточностей. Однако даже в таком варианте рассказы Кодаю и Исокити несут в себе гораздо более объективную информацию о России, нежели даваемые голландцами сведения.

В первую очередь, появившиеся после 1793 года рассказы о России являются копиями записи допроса Кодаю и Исокити, кроме «Синсё-мару хэминки» («Запись об унесенных морем на корабле «Синсё-мару»»), которая является донесением из Мацунаэ в Эдо с записью допроса японцев после их передачи россиянами представителям сёгунской администрации. Все остальные документы являются копиями с записи допроса, проведенного в Эдо: «Хёмин горан-но ки» («Запись о приеме потерпевших кораблекрушение»), «Оросиякоку хёминки» («Записки об унесенных морем в Россию»), главы IV и V рукописи «Оросиякоку суймудан» («Сны о России»), «Сёгун Токугава Иэнари хёмин дзюран-но ки» («Записка об аудиенции потерпевших крушение японцев у сёгуна Токугава Иэнари») в книге Окамото Рюносукэ «Нитиро косё Хоккаило сико» («История Хоккайдо в связи с русско-японскими отношениями»)²¹⁵. Кроме этих документов существуют и другие, составленные не на основе записи допроса Кодаю и Исокити у сёгуна, а при иных обстоятельствах. В числе этих источников сведений о России В.М. Константинов называет «Хёрю сики» («Частные записи о потерпевших кораблекрушение»), которые являются записью рассказа Исокити, сделанной в 1795 году в Эдо, «Эдзоти сёхокки» («Первоначальные записи о земле Эдзо»), составленные Кацурагава Хосю во время его поездки за Кодаю и Исокити на Хоккайдо, «Кодаю сэцува Рококу дзидзё иппаи» («Кое-что из рассказов Кодаю о России»)²¹⁶.

В ходе допроса Кодаю и Исокити задавались различные вопросы, ответы на которые должны были расширить знания о географии России, промышленном производстве, вооружении, способе правления, архитектуре, некоторых традициях и обрядах. Запись допроса сохранила не только ответы Кодаю и Исокити, но и то, какое впечатление произвели они на присутствующих: «Что бы их [Кодаю и Исокити – И.С.] не спросили, они подробно на все отвечали, в их ответах не было ни малейшей лжи, поистине, это было что-то необычное, неслыханное со временем глубокой древности»²¹⁷. «С самого начала и до конца отвечали они без запинки на вопрос за вопросом, и все, от государя до князей, были искренне довольны этим»²¹⁸.

Рассказывая о пребывании в России, Кодаю и Исокити смогли сообщить сведения о ее географии и климате, поскольку проехали большую часть страны: «Нас

принесло к острову, который называется Амчитка. ... Оттуда мы перебрались в местность, носящую название Камчатка. ... Там мы случайно встретились с русским капитаном Тимофеем Осиповичем. ... Он отвез нас в Охотск. Оттуда мы приехали в Иркутск»²¹⁹. Разумеется, что Кодаю называет также Петербург и Москву, в которые совершил поездку вместе с Э.Г. Лаксманом²²⁰.

Говоря о климатических особенностях России, Кодаю особо выделял морозы, поразившие не привычных к ним японцев настолько, что они показались им самым страшным из всего виденного в России.²²¹

На допросе у сёгуна задавались вопросы и о фауне России, точнее – о некоторых ее представителях: верблюдах и диких гусях. Кодаю сообщил все, что знал о них, описав верблюдов, сроки миграции диких гусей²²². В заключение допроса Кодаю добавил сведения еще о двух животных: «В Петербурге есть свинки величиной с крысу и курочки-тябо [карликовые длинноногие японские курочки] величиной с воробья»²²³. Кроме того, были упомянуты собаки, как средство передвижения зимой.

Кацурагава Хосю, задававший большую часть вопросов, как уже отмечалось ранее, через голландцев был знаком с Россией, поэтому ему было интересно при помоши Кодаю подтвердить имевшуюся информацию. В связи с этим он задавал вопросы о курантах, статуе Петра I («Медном всаднике»), Царь-пушке, большом каменном мосте в Москве²²⁴. На все эти вопросы Кодаю отвечал подробно, хотя и не всегда верно определяя увиденное. Например, подножие «Медного всадника» было принято им за гробницу²²⁵. Рассказывая о Царь-пушке, Кодаю добавляет, что рядом с ней «имеется большой колокол. Говорят, что он упал во время пожара. Колокол глубоко вошел в землю, вокруг него выкопали ров и построили каменную стенку, туда можно опускаться и осматривать его. Он так велик, что не хватает слов описать его... он похож прямо на небольшую гору»²²⁶.

Помимо архитектурных достопримечательностей, в рассказах японцев получили освещение и вопросы постройки в России жилых домов. «Императорские дворцы с виду совсем не похожи на замки. Они либо глинобитные..., либо сложены в пять-шесть этажей из камня. На вторых и третьих этажах домов устроены искус-

ственные горки, родники и тому подобное и разбиты сады. Мы слышали, что для этого снизу делают настил из меди, а на него насыпают землю. По постройке между дворцом и жильем простых людей особенной разности нет... пожары очень редки... Вообще-то сами здания на сгорают, а сгорает только мебель и прочая обстановка внутри дома. Хотя, верно, мы слышали, что там, где дома деревянные, бывают сильные пожары»²²⁷.

Большой интерес в Японии вызвали вопросы производства стекла, дегтя и сукна. Ездивший за Кодаю и Исокити на Хоккайдо Кацурагава Хосю, по-видимому, из бесед с ними выяснил, что Кодаю наблюдал за процессами производства всех этих вещей, и на допросе намеренно задал вопросы об их производстве. Через Кодаю в Японии ознакомились со способом выплавки стекла с применением глауберовой соли, открытый Э.Г. Лаксманом, некоторыми моментами изготовления сукна и выгонки дегтя²²⁸.

В Японии, где тщательно соблюдаются установленные церемонии и ритуалы, не могли не заинтересоваться тем, какие традиции существуют в России. Кодаю, бывший при дворе Екатерины II, описал церемониал аудиенции у императрицы. «Вначале я смущился, потому что там набилось множество важных чиновников, а трон справа и слева, как гряды облаков, окружали придворные дамы. Однако один сановник, которого можно было бы назвать родзю [член высшего правительенного органа сёгуната Токугава – И.С.], взял меня за руку и привел пред лицо императрицы. Он меня научил, чтобы я положил одну руку на другую и выставил вперед. Я так и сделал. Тогда императрица соизволила протянуть руку и слегка дотронуться кончиками своих пальцев до моей руки. А меня научили, что я должен три раза приподнять и лизнуть руку [имеется ввиду – поцеловать руку – И.С.], я так и сделал. Говорят, что таков этикет, когда впервые получаешь аудиенцию у императрицы»²²⁹.

Большой интерес вызвал рассказ о передвижении по улицам высокопоставленных чиновников и императрицы. Из описаний, составленных европейцами, побывавшими в Японии, в том числе и россиянами, мы знаем, что выезд любого важного лица в Японии обставлялся со всевозможной пышностью и торжественно-

стью. Поэтому сообщение Кодаю о подобных выездах в России не могло не поразить присутствовавших на допросе своей простотой. «Там это происходит очень просто. Ездят они в очень высоких красивых каретах на четырех колесах. Такую карету везет шестерка лошадей. В экипаже может ехать человека четыре. Мне самому иногда случалось ездить на прогулку в поле в одной карете с родзю. Даже выезд императрицы не пышный [разве что впереди ее кареты едут два всадника], хотя позади довольно большая свита. Впрочем, движение по улице при этом не запрещается»²³⁰.

Расспросы о религиозных обрядах, прежде всего об обряде крещения, преследовали не только познавательную цель, но, прежде всего, должны были помочь выяснить, не приняли христианство Кодаю и Исокити²³¹. Кодаю отметил отличность православия от известного в Японии католицизма и протестантизма даже в плане формы креста. «Такая вещь [крест – И.С.] висит в каждом доме у входа и на шее у людей. Ее называют кирис (искаженное «крест»). Но он не такой, как цифра + [цифра «10»]: к концу он расширяется, а поперечных перекладин у него три. Там все, войдя в чей-нибудь дом, сразу же, при входе, кланяются божнице и только после этого приветствуют хозяина. Уходя домой, можно даже не прощаться с хозяином, достаточно только поклониться божнице. Будду они называют боо (искаженное «бог»). Я слышал, что боо – это значит «верх», то есть «бог» или «небо»»²³².

Поскольку интерес к России первоначально был вызван слухами о военной угрозе с севера, вполне естественен был вопрос о том, изучают ли в России военное искусство. На что Кодаю ответил: «Этого я совсем не видел. Видел только, как обучались с ружьями люди, с виду вроде наших асигару [пехотинцы – И.С.]. Но эти асигару обучались только как ступать ногами. Я не видел, какие луки там у самураев, луки я видел только у охотников, но их луки очень грубые, такие же, как у жителей Эдзо. Мечи очень тупые, совсем не режут»²³³. Из этого рассказа видно, что точно так же, как россияне оценивали боеспособность вооруженных сил Японии согласно своим представлениям, так и японцы, пытались найти и оценить в России те виды орудия, без которых, по их мнению, вести военные действия было невозможно.

Кроме этого, Кодаю и Исокити задавались вопросы об употребляемом в России табаке, о водяных и ветряных мельницах, о бывших при них подарках (медали и часы). Интерес у слушателей вызвал рассказ о неизвестной в Японии цинготной болезни и об операции по ампутации конечностей, свидетелями которой японцы оказались²³⁴.

Случай возвращения на родину японцев, побывавших в России, давал возможность не только собрать сведения о соседнем государстве, но и выяснить, «знают ли в той стране о Японии». Со слов Кодаю оказалось, что в России «хорошо знают о чем угодно. Мы там видели книги, в которых подробно написана правда о Японии, видели также географические карты Японии. Из японцев там знают по именам господина Кацурагава Хосю и господина Накагава Дзюнъян [придворный врач даймё провинции Вакаса, учившийся вместе с Кацурагава Хосю у К.П. Тунберга – И.С.]. Говорят, что они даже упоминаются в книгах, написанных о Японии»²³⁵.

Таким образом, видно, что благодаря случаю возвращения занесенных в Россию японцев на родину, в Японии появился достаточно достоверный источник информации об этом государстве. Однако, во время допроса у сёгуна было задано лишь 27 вопросов, которые пытались охватить все сферы жизни России. Тем не менее, этого было недостаточно, поскольку Исокити, а особенно Кодаю, могли сообщить гораздо больше. Поэтому правительство бакуфу велело Кацурагава Хосю, ведшему протокол допроса, составить как можно более полное изложение всего произошедшего с Кодаю и Исокити. В результате, на основе рассказов японцев, а также различных источников, которые можно было получить от голландцев и китайцев, в Японии был составлен труд, содержащий самую полную информацию о России – «Хокуса монряку» («Краткие вести о скитаниях в северных водах»).

Воспользовавшись голландскими и китайскими сочинениями по географии, а также более подробно расспросив Кодаю и Исокити, Кацурагава Хосю смог сообщить обширные сведения о географии России, населяющих ее народах и ее городах, а также перечислить многие государства Старого и Нового Света. Если «Оросиякоку суймудан» несла в себе подробную информацию лишь об алеутах, насе-

лявших остров Амчитка, то в «Хокуса монряку» подробно рассказывалось о населении Камчатки, о якутах и, менее подробно, о многих других народах России. Эти наблюдения настолько точны, что могут использоваться этнографами, занимающимися изучением данных народов. Вот, к примеру, часть сведений, сообщаемых о якутах. «У этих дикарей имеются так называемые шаманы (...) – что-то вреде священников [доси]. Они ведут себя не как обычные люди, а как сумасшедшие: вдруг начинают громко кричать, вопить, смеяться или ругаться; занимаются также и колдовством. Кодаю и его спутники видели висящие на верхушках деревьев шкуры коней, которым была придана форма бегущей лошади. [Для этого] шкура сдирается целиком, и лошадь получается, как живая. [Им] говорили, что это также делают шаманы»²³⁶.

С большей или меньшей подробностью были описаны те российские города, в которых побывал Кодаю. При этом информация, полученная от японцев, обязательно дополнялась сведениями из «Географии» И. Гюбнера, что специально оговаривалось автором. Для примера можно взять рассказ о Тобольске.

«ТОБОЛЬСК находится в 1500 верстах западнее Иркутска. Официальная часть города, базар и церковь расположены на горе, а дома простых жителей - внизу. Говорят, что в старину здесь были сосредоточены войска для борьбы с разбойниками. Из этих войск выделялась охрана для сопровождения в дороге купцов, но потом в стране был установлен порядок, угроза со стороны разбойников и воров исчезла, путешествие по стране стало безопасным.

В «Географии» говорится, что этот город находится на 58°12' северной широты. Его начали строить в 1550 году [Тобольск основан в 1587 году – И.С.] (...). Сюда съезжаются множество богатых купцов, ведущих торговлю с Китаем и Индией. Для путешествия они объединяются по несколько сотен человек. Поэтому здесь всегда сосредоточиваются всевозможные товары и нет никакой редкостной вещи, которой не нашлось бы. Говорят, что это самый богатый и процветающий город, и поэтому местные жители, хоть [они] и не занимаются ремеслами, недостатка в одежде и пище не ощущают»²³⁷.

Подобным образом, как уже было отмечено выше, были описаны все города России, в которых Кодаю и Исокити побывали. Также имеется очень подробный рассказ о Царском Селе, в котором Кодаю прожил длительное время, ожидая разрешения вернуться в Японию²³⁸.

В этих описаниях уделялось внимание экономическому значению городов в жизни России. Так, рассказ о Екатеринбурге содержит упоминание о медных рудниках, монетном дворе, добыче мрамора. А в описании Казани сказано, что производимое в этом городе белое полотно считается самым высокосортным²³⁹.

Но больше всего внимание было уделено двум крупнейшим городам России – Москве и Санкт-Петербургу. Несмотря на некоторые неточности в понимании того, что видел и описывал Кодаю, данные японцами сведения настолько точны, что позволяют легко определить описываемые им здания и места. Относительно Москвы здесь сказано следующее: «Этот город построен с давних времен как столица русских королей, поэтому он особенно красив и роскошен. Но в новое время была построена новая столица – Петербург. Говорят, что цари живут в обеих столицах по пять лет в каждой... [В Москве] есть монастырь, который называется Дзэнсукой собору [женский собор]. На его больших воротах помещены огромные куранты, они видны издалека, за несколько ри²⁴⁰... Рядом с собором большая пушка. Ее длина больше 2 ½ саженей, а если залезть в жерло пушки, лежь на спину и вытянуть руки, то кончиками пальцев еле-еле достанешь до противоположной стенки. ... Там же имеется большой колокол... В Москву съезжаются много купцов из различных стран, да и своих богачей здесь много... Дома здесь не выше двух и трех этажей; вперемешку стоят сложенные из кирпича и деревянные [дома], размеры [их] тоже неодинаковые. Это – старая столица, поэтому и дома здесь старые, и по блеску и великолепию [Москва] уступает Петербургу»²⁴¹.

В приведенной здесь выдержке из «Хокуса монряку» легко угадывается описание некоторых достопримечательностей Московского Кремля: куранты на Спасской башне, Царь-пушка и Царь колокол. Однако сам Кремль назван женским собором.

Описание Петербурга отличается своей полнотой, верно подмечены многие явления, являющиеся характерными для этого города. Это связано с тем, что Кодаду жил здесь длительное время (9 месяцев). «Площадь [города] больше двух квадратных ри (в японских мерах). Дома все кирпичные, высотой 4-5 этажей. Жилища простых жителей от домов правительственные особенно не отличаются.

Посредине улиц проведен канал шириной в 10 саженей, в него направляется вода из Невы для нужд [населения]. Оба берега выложены крупными кусками шлифованного камня...

Кроме того, по обеим берегам реки стоят железные перила высотой около трех сяку²⁴², они украшены сквозным резным узором, а по краям обрамлены золотом;..

Через канал в удобных местах построены мосты. Все мосты каменные, без опор, строились от обоих берегов [к центру], посередине снимаются.

Через главное русло Невы переправляются по наплавным мостам. С полуночи движение по мосту запрещается. По два судна, стоящих ближе к берегу, с каждой стороны моста убираются и образуются проходы для кораблей...

Царский дворец стоит на южном берегу Невы.,, вокруг него нет ни толстых с навесами стен, ни высокой ограды, и они ничем не отличается от домов простых людей... Главное здание дворца пятиэтажное, сложено из кирпича. Построен дворец так искусно, что [просто] невозможно и вообразить...

В двух тё²⁴³ к востоку от царского дворца находится сад... [В саду] сооружены дворец и беседки, а по сторонам дорог одна за другой стоят статуи мужчин и женщин из красивого камня. Построено множество фонтанов, и все это красиво сочетается с природой...

К югу от понтонного моста установлена большая глыба камня [высотой] в три с лишним сажени, окруженная каменной оградой, а на камне высится статуя мудрого царя-восстановителя Петра верхом на коне. Под копытами у коня – изваяние растоптанной большой змеи... Статуя отлита из бронзы.., она была сделана по повелению ныне царствующей императрицы Екатерины...

Напротив дворца среди реки Невы есть усыпальница [здесь со слов Кодаю усыпальницей названа вся Петропавловская крепость]. ... [Усыпальница] окружена высокой глиняной стеной, [в которой] с четырех сторон имеются ворота. С передней стороны устроены большие ворота, верх которых построен в виде высокой башни, а на ней помещены большие часы с боем...

Противоположная сторона, [куда выходит] понтонный мост, называется Васильевский остров. [Находящиеся] там кварталы делятся на шесть линий. Восточную часть занимают магазины иностранных купцов, к северу от понтонного моста находится сокровищница, в которой выставлены сделанные из камня головы людей, а также уши, носы, руки, ноги, коровы, лошади, овцы, свиньи, собаки, олени и т.д. В июне и июле сокровищница открывается для общего обозрения. Говорят, что ее построил тоже Петр...

К востоку от царского дворца находится монастырь Александра Невского... Внутри монастыря имеется постройка вроде кладовой... Говорят, что там покоятся останки царя [рака с мощами Александра Невского - И.С.] .

С западной стороны от дворца построена теплица для выращивания трав и деревьев в зимнее время»²⁴⁴.

Таким образом видно, что Кодаю описал набережные Петербурга, Зимний дворец, Летний сад, памятник Петру I, Петропавловскую крепость, Кунсткамеру. При этом оговаривается, что Кодаю пробыл в Петербурге «каких-нибудь девять месяцев и за это время увидел не более сотой доли того, что там есть»²⁴⁵. Рассказ японца дополнен сведениями, почерпнутыми из «Географии» Гюбнера, излагающей историю основания города.

Из всего сказанного выше явствует, что «Хокуса монряку» давала обширные сведения по географии России. Кроме того, в этом труде приводятся сведения о флоре и фауне России²⁴⁶, весьма исчерпывающий список российских народов, состоящий из 52 пунктов²⁴⁷. Правда, столь полный перечень народов мог быть составлен не по памяти, а на основе уже имевшегося списка, в создании которого, как полагает японский исследователь Мураяма Ситиро, принимали русские ученые²⁴⁸.

История России изложена Кацурагава Хосю через перечисление царей династии Романовых и некоторых их деяний. При этом, сопоставляя данные «Географии» Гюбнера и переведенного с голландского языка на японский «Описания России», автор приходит к выводу, что Кодаю не упомянул некоторых императоров XVIII века, вероятно, по причине их недолгого царствования. Наибольшее внимание при этом уделено царствованию Петра I, как царя, сделавшего Россию великим государством. «Он [Петр I – И.С.] отличался добродетелью и очень обширными знаниями, был выдающимся воином и героем. [Петр] объединил обширные земли, проложил много водных путей, развил связи [с другими странами] и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны. Кроме того, [он] пригласил известных ученых-наставников из других стран, открыл в различных местах школы, стал обучать в них людей своей страны [различным] наукам: от арифметики и азбуки до вершин всех видов искусств и техники. Выбрав самых способных и искусных в каждой области наук, он указывал им путь, которым они должны идти, помогая им просвещаться и дальше. [Петр] добился изменения всех дурных старых обычаяев и привычек, даже нравов, языка и одежды и изо дня в день улучшал управление страной... Он покорил многих соседей»²⁴⁹. «После этого в стране установился порядок, и многие из ближайших государств изъявили ему покорность. Так постепенно земли [России] расширялись, страна богатела, народ благоденствовал. Население так признательно этому государю за благодеяния, что до сих пор почитает [его], будто основателя государства»²⁵⁰.

Помимо правивших и правящих государей, в «Хокуса монряку» называются и наследники престола: цесаревич Павел Петрович, его супруга Мария Федоровна, внуки императрицы Александр и Константин Павловичи²⁵¹.

Административная система России в некоторых ее пунктах получает достаточно интересные комментарии от жителей Японии, чья административная власть была организована несколько иначе. «Система управления называется тинноика [чиновники]. Хотя подробности ее неизвестны, но в общем [чиновники] делятся на 19 классов»²⁵². Из них первые четыре класса – это ранги крупных сановников, занимающих важные должности. Эти четыре класса жалуются чиновниками лично им-

ператрицей и на [соответствующие] должности назначаются [ее] приказом. ... На должности следующих пяти классов назначает министр по приказу императрицы.

... Затем следует еще пять классов, на должности [соответствующие] которым может назначить министр по собственному усмотрению... Следующие ниже пять классов – это самые низшие мелкие чиновники. Чины не наследуются; ни поместьями, ни землями для кормления чиновники не наделяются. [Они] получают лишь ежегодное денежное жалованье, которое различается в зависимости от класса. – Смена [таких чиновников] происходит каждые пять лет.

Однако имеется двадцать одно семейство, так называемые кинядзии [князья], принадлежащие к императорской фамилии, только их чины и жалованье переходят [по наследству] из поколения в поколение. ...

В той стране производство пяти злаков²⁵³ очень невелико, поэтому все жалованье выплачивается деньгами. Чины и жалованье не наследуются, даже если крупный чиновник с большим жалованьем бросит службу или умрет, после этого [он и его наследники] становятся простолюдинами. Поэтому все они занимаются каким-нибудь делом, которое приносит пользу и государству. Они строят за городом мастерские, открывают магазины, нанимают разного года мастеров, а также приказчиков, которые ведут дела»²⁵⁴.

Поскольку в Японии существовала упорядоченная социальная система, при которой не только четко устанавливалось деление на большие социальные группы и, внутри их, более мелкие подгруппы, но и существовали строгие правила относительно того, какую одежду, из какого материала, какого цвета какому из сословий разрешается носить, Кодая обратил внимание на отсутствие строгой регламентации в отношении повседневной одежды россиян²⁵⁵. Насколько это возможно, Кодая и Кацурагава Хосю попытались выявить зависимость между цветом и кроем одежды и занимаемой должностью. Таким образом, появились описания формы солдат императорской гвардии, фрейторов, офицерских чинов, некоторых штатских профессий (учитель, доктор, аптекарь)²⁵⁶.

Подобный подход к описанию сословной системы России, как уже было отмечено, объясняется сословной организацией японского общества, при которой ка-

ждый человек принадлежал к определенному классу с момента рождения, что предопределяло круг должностей, которые он мог занимать. Для привыкшего к традициям и установлениям своей страны японца непонятным и странным было то, что «чины не наследуются: ни поместьями, ни землями чиновники не наделяются». Поскольку жалованье в Японии чиновникам выплачивалось в основном рисом²⁵⁷, то отсутствие подобной практики в России не могло найти себе иного, с точки зрения японца, объяснения, как низкий уровень производства злаков. Так как по японским понятиям русские чиновники были лишены своего основного дохода и не могли передать должность по наследству, то ради обеспечения достойной жизни себе и своим потомкам, они были принуждены заниматься каким-нибудь делом.

Налоговая система России, при которой и подушная подать, и другие налоги вносились деньгами, а налог с инородцев брался пушниной, объяснялась Кодаю и Кацурагава Хосю также отсутствием в России посевов зерновых. Верно описывая систему уплаты налогов в России, автор «Хокуса монряку» делает необходимое, по его мнению, замечание: «Так как в России зерновые не растут, естественно, то налог рисом и зерном не вносится»²⁵⁸.

Финансовая система Российской империи охарактеризована через описание денег, имеющих хождение в стране. «В России отливают²⁵⁹ деньги трех видов: золотые, серебряные и медные. В каждом из [этих] трех видов [денег] есть и крупного [достоинства] и мелкие монеты... Золотые и серебряные монеты отливаются в Петербурге, а медные – в Екатеринбурге и Удинске...

Все деньги [у них] – золотые, серебряные и медные – из чистого металла, без примесей. ...

Бумажные деньги [в России] называются осэннатти [ассигнации – И.С.]. Имеются ассигнации от 5 до 500 рублей»²⁶⁰.

За этим следует подробное описание внешнего вида русских монет и ассигнаций и приводится их «курс» по отношению к японским деньгам.

Характеристика банков России, которые в XVIII веке находились в стадии формирования, дается в «Хокуса монряку» на основании описания банка, виденного Кодаю в Санкт-Петербурге. «Деньгохранилище в двухэтажном здании, постро-

енном как тамон [длинное здание, состоящее из 4-х корпусов, расположенных непрерывным 4-х-угольником, со двором или площадью внутри], ... внутри площадь, в центре которой контора в 13 – 14 саженей с каждой стороны. Называется это банка [банк]. Площадь вокруг [него] засажена растениями. Впереди и позади имеются ворота, ... Вход и выход туда разрешается только с 6 до 10 часов утра и только для тех, кто получает деньги.

Во главе банка стоит генерал-поручик или генерал-майор, которые приходят в банк через день. Жалованье всем чиновникам тоже выплачивается в этом учреждении. ... За день банк выдает на обмен до 100 тысяч рублей серебром; если же сумма обмена превышает эту сумму, то банк на этот день закрывается»²⁶¹.

Судебная система России также получила свое освещение в этом труде. «Есть казенное учреждение, которое называется «сената приказной дом». Ему подчинены суды, устроенные во всех провинциях, а там суд вершат начальники [этих] судов... Конечно, решения по мелким делам выносятся начальниками местных судов, но крупные дела все направляются в столицу и решаются там. Особенно важные дела обсуждаются коллегией, состоящей из одного генерал-аншефа соответствующего ведомства, семи генерал-поручиков и семи генерал-майоров, и решение выносится после такого обсуждения»²⁶².

За этим следует описание тюрем и условий содержания в них арестантов: «Там на питание арестантам отпускается по 1 медной копейке в день. Этих денег, конечно, не хватает на еду, поэтому [заключенных] выводят собирать милостыню... Летом [заключенные] нанимаются работать в сельском хозяйстве за 16 медных копеек в день, и из этих денег откладывают себе запас на зиму»²⁶³.

Система наказаний за преступления описана только настолько, насколько она была продемонстрирована японцам. Именно этим объясняется следующая запись, сделанная со слов Кодаю: «Наказаний существует только три вида: порка плетьми, вырывание ноздрей и клеймение. Смертной казни совсем нет»²⁶⁴. За описанием процедуру приведения в исполнение этих трех указанных видов наказания следовало дополнение относительно дальнейшей судьбы осужденных. «Опасные преступники после выривания ноздрей или клеймения ссылаются в Малороссию или в Си-

бирь на серебряные или медные рудники, где они всю свою остальную жизнь проводят в качестве рудокопов. Неопасные преступники после наказания возвращаются к своему прежнему положению... прапорщики и выше, если даже и совершают преступление, не наказываются. На время следствия [их] сажают на гауптвахту, а после установления преступления лишают чинов и должности и они становятся простолюдинами»²⁶⁵.

В таком варианте российская система наказаний за преступления должна была показаться японцам очень гуманной. Особенно если мы учтем, что методы, которыми действовали в подобных случаях японские власти, воспринимались европейцами как негуманные и варварские²⁶⁶.

Вопросы религии достаточно сильно интересовали японские власти прежде всего потому, и это уже отмечалось ранее, что было необходимо выяснить, не приняли ли христианство вернувшиеся на родину японцы. Здесь присутствует и доля любопытства по отношению к стране, настолько отличной от Японии, что даже ее священники не похожи на буддийских монахов: «Священнослужители не стригут на голове волосы и не бреют бороды»²⁶⁷. Кодаю назвал пять чинов русской церкви, постаравшись, вместе с Кацурагава Хосю, найти для них соответствия в иерархии буддийских священнослужителей: архиерей, архимандрит, протопоп, поп и дьякон. Достаточно точно было подмечено, что священнослужителям, «от дьякона до протопопа, разрешается есть мясо и жениться, а архимандрит и выше – праведные монахи»²⁶⁸. Затем приводится описание облачения священников и убранства православных храмов. При этом делается много интересных сравнений. Например, форма крыши православного собора сравнивается с перевернутым горшком²⁶⁹. Отмечены и различия в принципах построения японских храмов и русских церквей: «Особых ворот вроде даймон, или саммон²⁷⁰ не делают». Поразили Кодаю, присутствовавшего на богослужении, голоса певчих «такие чистые и свежие, что воистину очищают душу»²⁷¹.

Ход богослужения со слов Кодаю записан кратко, но при этом содержит ряд верных наблюдений²⁷². При описании богослужения в лютеранской церкви были подмечены такие его отличия от православной службы, как разрешение молящимся

сидеть, чтение молитвенника «в один голос со священником», наличие в храме музыкальных инструментов²⁷³. В отношении вопросов религии был отмечен и факт, недопустимый в закрытой для внешнего мира Японии – наличие в столице государства храмов «иностранных государств» (голландского, французского и китайского).

Из православных обрядов подробное освещение получили обряд венчания, похорон и крещения. При этом Кодаю не останавливался лишь на описании церковной службы.

Рассказ об обычаях, соблюдаемых при заключении брака, начинается с описания сватовства и заканчивается упоминанием традиций, связанных с первой брачной ночью и организацией застолья на второй день свадьбы²⁷⁴. Далее отмечается, что независимо от происхождения и знатности, «один муж имеет одну жену», и что «наложниц не заводят». Примечание относительно наложниц возникло в тексте потому, что в Японии это практиковалось и число наложниц не ограничивалось. Факт существования института наложничества в Японии отмечался неоднократно, в том числе и побывавшими в этой стране в начале XIX века россиянами.

Похоронный обряд описан Кодаю, начиная с соборования тяжело больных людей. При изложении деталей, связанных с похоронами, отмечается толщина досок, из которых делается гроб, и то, во что одеваются покойника, и порядок шествия к церкви на отпевание и обязательные после погребения поминки. Также отмечено, что в течение определенного времени после смерти человека его родственники в установленные дни приглашают священника для поминальной службы²⁷⁵.

Описание крестин, в сравнении с тем, что было рассказано Кодаю и Исокити на допросе у сёгуна, дополнено сообщением о выборе крестной матери и крестного отца, а также о том, какие подарки делаются младенцу по случаю его крещения. Здесь же рассказано и о крещении взрослого человека, если он решает принять православие²⁷⁶.

Из праздников православного календаря в «Хокуса монряку» со слов Кодаю описаны Крещение, Пасха и предшествующий ей пост, Рождество. Кроме того, от-

мечены праздники, связанные с императорским домом (день рождение императрицы и Петра I), Новый год и проведение маскарада²⁷⁷.

Гораздо больше внимания, чем обрядам и праздникам, уделено повседневной жизни россиян, которую Кодаю и Исокити изучили достаточно хорошо, прожив в России длительное время (с 1787 по 1792 год).

Перед рассказом о повседневной жизни россиян, Кацурагава Хосю поместил описание их внешности: «Русские высоки ростом, белые, глаза у них голубые, носы очень крупные, волосы каштановые. Волосы тонкие и мягкие. Бороду бреют, как знатные, так и простые люди, только среди крестьян можно встретить людей с бородами. У жителей Сибири (общее название всех азиатских земель [России]) волосы и глаза черные. Странные инородцы той земли и жители морских островов не походят друг на друга»²⁷⁸. Далее дается описание отдельных предметов одежды и причесок как мужских, так и женских. При этом, привыкший отмечать социальные различия в одежде глаз японца выделяет особенности украшения женских причесок в зависимости от их положения в обществе. Подмечено даже то, что «женщины низшего сословия повязывают голову платком вроде [нашего] фуросики [квадратный платок, использующийся вместо сумки – И.С.], и поэтому не видно, какая у них прическа. Только незамужние [девушки] ходят с косами, свешивающимися сзади, а замужние сматывают волосы на макушке головы в виде маленькой подушечки»²⁷⁹.

Достаточно много внимания уделяется детям, начиная с момента их рождения. Описываются такие детали «детского быта», как люлька («Обычно младенец лежит в подвешенном ящике, где постлан тюфяк, набитый птичьим пухом. Когда ребенок плачет, [ящик] качают»²⁸⁰), приспособление для обучения детей ходьбе, предметы детской одежды.

Описаны и взаимоотношения между мужем и женой, проявляемые ими в обществе. «Когда муж идет вместе с женой, [они] обязательно берутся под руку; [верно], люди низшего сословия так не делают. Если идешь в чужой дом, хозяин выходит встречать [гостя]; вместе [с ним] навстречу выходит и жена»²⁸¹.

Со слов Кодаю Кацурагава Хосю отмечает отличие в очередности имени и фамилии в России от принятого в Японии порядка их следования: «В России, в отличие от нашей страны и Китая, сначала называются имя, а потом фамилию». Подчеркивается, что «фамилия одинакова только у родственников, а одинаковых имен очень много». Кацурагава Хосю вслед за Кодаю разъясняет, что в случае, если у отца и сына одинаковые имена, «отличают их по обращению: при обращении ко всем людям между именем и фамилией вставляется имя отца, это правило вежливости и почтения при обращении к человеку»²⁸².

Далее, говоря о вежливом обращении к человеку, Кацурагава вновь начинает сравнивать Россию и Японию: «Особого слова, которое соответствовало бы нашему сама, доно [«господин» (используется при обращении в письмах)], для выражения почтения при обращении к человеку [там] нет. Хотя, обращаясь к особо благородному человеку, говорят осуподзин такой-то... Говорят, что в письмах употребляется много различных обращений, но какие [они], точно неизвестно»²⁸³.

Со слов Кодаю Кацурагава Хосю описал очень многие предметы, использующиеся в повседневной жизни, собрав их описания в отдельной главе: сани, кибитка, карета, оружие, музыкальные инструменты, бумага, письменные принадлежности, песочные часы, бильярд, шахматы, черепица, зонты, стекло, свечи и светильники, мыло, аспидные доски. При этом по возможности описывается устройство каждой вещи, процесс изготовления, назначение²⁸⁴.

Много внимания уделено пище, употребляемой россиянами. Раздел, посвященный этой теме, Кацурагава Хосю начал с характеристики того, что, по его мнению, является отличительной чертой русского стола. «Обычной пищей и для благородных, и для простых людей является хлеб из муки. Рис там не произрастает, поэтому отварной рис они не едят. Говядина считается лучшим кушаньем, за ней идет свинина, козлятина (горный козел, яги, из семейства овец), мясо дикой утки, дикого гуся, курицы, индзэйки, едят также рыбу»²⁸⁵. Из напитков выделены кофе, чай, спиртные напитки. В этой части «Хокуса монряку» описывается сервировка стола на четыре человека, правила поведения за столом. Отмечены различия между рационом благородных людей и простого народа²⁸⁶. Здесь же описываются спосо-

бы приготовления продуктов, не употребляемых в Японии, или являющихся для нее не традиционными: вино из капусты и ржаной муки, пиво, уксус, хлеб, сливочное масло, каменная соль²⁸⁷.

Архитектура зданий в России рассмотрена на примере принципов строительства домов из кирпича и из дерева. Здесь дается описание изготовления кирпичей, размеры толщины наружных и внутренних стен, конструкция межэтажных перекрытий и крыши.²⁸⁸ Уделено внимание русским печам. При этом говорится об устройстве и о внешнем виде печи, которая «снаружи оклеивается чем-то вроде плоской черепицы размером 7 – 8 кв. сунов²⁸⁹ каждая. [Черепица] покрыта глазурью, узорами синего цвета и затем обожжена. Это очень красиво... У бедных людей просто побелено известкой»²⁹⁰.

Подмечены и детали планировки городов, с указанием различий между столицей и другими городами России, а также влияния природных явлений на архитектуру. «Дома в столице стоят тесно один к другому, земли мало, поэтому и строят многоэтажные [дома] и в них делают много комнат. Кроме того, там испокон веков почти не бывает землетрясений и бурь, поэтому можно строить какие угодно высокие дома, не боясь, что они повалятся»²⁹¹. В Иркутске, где домов, по сравнению со столицей, мало, каждый дом огорожен особо и здесь, в отличие от столицы, много одноэтажных домов²⁹².

Привыкшие к чистоте японцы не могли не обратить внимания на такое явление русской жизни, как баня. Здесь снова рассказ начинается с выделений различий, существующих между русской баней и японской: «Все бани парные, вроде наших камабуро, а [просто] купальных бань нет»²⁹³. Далее во всех подробностях описывается устройство бани, ее растопка и помывка в натопленной бане. Помимо «частной» бани, со слов Кодаю в «Хокуса монряку» описаны и общественные бани с указанием тарифа на их услуги: «Вход в баню 3 копейки медью, за хранение одежды – 2 копейки. Кроме того, есть [бани] за 5, 15 и даже за 50 копеек. Иногда чиновники и прочие [люди], находящиеся в пути, снимают баню [только для себя] за 5 рублей серебром. [Такие бани] представляют собой небольшую комнату в 3 сажени»²⁹⁴.

Еще одним жизненно необходимым удобством, описанным со слов Кодаю, является туалет. В тексте есть описание устройства нужника в многоэтажном доме и в деревне. Подмечаются при этом такие детали, как устройство сидений пониже для детей и частота очистки выгребной ямы и вопрос о дальнейшем использовании человеческих испражнений. Здесь Кодаю снова бытовые традиции России объясняет с позиции обыкновений Японии: «Поскольку в России пять хлебных злаков не произрастают, человеческими испражнениями для удобрения не пользуются, потому понятно, что их выбрасывают как самую зловонную мерзость»²⁹⁵.

Из общественных учреждений России, кроме уже упоминавшихся ранее тюрем и банков, в «Хокуса монряку» подробно рассматриваются школы, аптеки, больницы, воспитательные дома (приюты), торговые заведения, театры и публичные дома. Прежде чем говорить о функциях каждого из этих учреждений, Кацурагава Хосю вначале давал описание архитектуры зданий, которые они занимают, должности служащих в них людей и, по возможности, распорядок работы. Таким образом, например, при описании школы указывались не только предметы, которые там преподавались, но и количество школ в Петербурге, чины директоров школ, устройство школьных дворов, церквей при школах, и даже порядок следования детей на прогулку: «Впереди идут самые маленькие, за каждыми десятью наблюдает одна старушка, пятьдесят человек составляют одну группу»²⁹⁶. При описании театра Кодаю передал содержание двух виденных им пьес²⁹⁷.

Не могла остаться незатронутой и принятая в России система летоисчисления, отличная от японской, что сразу же подчеркивалось в посвященном этому вопросу разделе. «В России нет ни девизов правления, ни циклических знаков... Количество дней в каждом месяце [точно] определено,. В каждом четвертом году прибавляется високосный день, его называют «високос», [он] бывает обязательно в феврале... Для обозначения дней у них есть что-то похожее на наши циклические знаки»²⁹⁸. Сопоставляя информацию о летоисчислении в России и в странах Европы, Кацурагава Хосю приходит к выводу о том, что летоисчисление в России ведется от рождения Иисуса Христа, и используется не лунный календарь, как в Япо-

ний, а солнечный, в котором 365 дней²⁹⁹. Отмечено и деление суток на 24 равномерных часа, «вне зависимости от разницы в долготе дня и ночи зимой и летом»³⁰⁰.

В разделе о письменных знаках России подробно рассказывается об отличии русской буквенной азбуки от японской азбуки канна, рассмотрены принципы сочетания букв в слоги и слова. Упоминаются в этом разделе и цифры, а разбирается способ записи чисел цифрами от 0 до 9³⁰¹.

Все употребляемые в России меры веса, длины и объема даются не только в соотношении меньших к большим, но и указывается, сколько японских единиц измерения содержится в российской мере. Например, в отношении мер веса излагается следующая информация: «100 моммэ называется пункто [фунт]. [Фунт] соответствует нашим 102 моммэ³⁰² 5 фунам. 50 моммэ называется пофунто [полфунта], что соответствует нашим 51 моммэ ½ фуна. Путо [пуд] равен нашим 4 канам³⁰³ 500 моммэ»³⁰⁴.

В разделе «Разное» помещены сведения, которые, по мнению составителя «Хокуса монряку», по своей тематике не могли быть включены ни в одну из глав этой работы. Здесь собрана информация о самых различных вещах и явлениях жизни России последнего десятилетия правления Екатерины II: негры, конструкция бочек, похороны некрещенного человека, ботик Петра I, нищие, стекольный завод Э.Г. Лаксмана, Кунсткамера и Эрмитаж, частные коллекции Разумовского и Мусина-Пушкина, процедура прививания от оспы и многое другое. Здесь же приводятся данные о пребывании в России более ранних групп японцев. «С древних времен [и до настоящего времени] из нашей страны морем заносило в Россию японцев четыре раза, включая и этот [последний] раз. Все, кто попал туда в предыдущих трех случаях, происходили из Намбу. Сейчас в Иркутске имеется три переводчика японского языка. Приехавший сюда на [остров Хоккайдо – И.С.] с Кодаю и другими Егор [Туголуков] также из Иркутска. Он оговорит с намбуским акцентом и часто переводит неправильно»³⁰⁵.

В заключение раздела «Разное» со слов Кодаю Кацурагава Хосю изложил слова, сказанные отцом и сыном Лаксманами о японской империи. Основной их смысл сводится к тому, что Япония – прекрасное государство, которое страшится

России. Однако, «к этому нет никаких причин». Здесь указывается и на противодействие голландцев проникновению в Японию России и других стран: «Они боятся, что если эти государства будут сами иметь сношения и торговлю с вашей страной, то они лишатся своих прибылей, и потому распространяют ни на чем не основанные слухи»³⁰⁶.

В завершение «Хокуса монряку» Кацурагава Хосю приводит русско-японский словарь, составленный из тех слов, которые сумели запомнить Кодаю и Исокити. Однако здесь собраны не только отдельные слова, но и обиходные выражения, например: «Потомо пиридзи» [Потом приди], «Тэбэ дома кидэ» [Тебе дома где? (т.е. – где твой дом?)]»³⁰⁷.

Стоит также отметить, что этот обширный, охватывающий различные стороны российской жизни труд, снабжен большим количеством иллюстраций, показывающих многие из описанных вещей: монеты различного достоинства (аверс и реверс), струнные музыкальные инструменты, бриг «Св. Екатерина», часы, туалетные принадлежности, посуду, предметы одежды и т.д. Также здесь помещен российский алфавит и способы чтения различных буквосочетаний.

К этому стоит добавить, что японские чиновники, общавшиеся с посольством А.К. Лаксмана, также в силу своих обязанностей составляли отчеты с подробными описаниями россиян и привезенных ими предметов. Так что на основании всех этих документов и «Хокуса монряку» в Японии и начала XIX века, не подверженной влияниям изменчивой моды, настолько хорошо представляли себе, как выглядит россиянин, что когда через 12 лет прибыла одетая и причесанная по новой моде миссия Н.П. Резанова, японцы удивились этим переменам во внешнем виде русских людей³⁰⁸.

Несколько позднее, в 1794 году, Кацурагава Хосю по приказу сёгуна спросил о России голландского капитана Гейсберта Хемми. В результате встречи с этим европейцем в Японии оказалась голландская книга «Краткое описание России», «Россия ракки» («Краткие записки о России»), которые являются приложением к «Хокуса монряку». «Краткие записи о России» дополняют уже имевшуюся информацию сведениями о том, что начиная с Петра Великого российские монархи

носят титул императора. В основном же здесь в очень сжатой форме давались сведения о размерах Российской империи, ее природных богатствах и двух главных городах – Москве и Санкт-Петербурге³⁰⁹.

Как видно из всего сказанного, Кацурагава Хосю при помощи Кодаю и источников голландского и китайского происхождения сумел собрать, сравнить, а иногда и прокомментировать обширные сведения о России. Благодаря этой работе, люди, имевшие доступ к «Хокуса монряку», смогли более детально познакомиться с Россией. Также из этой работы было видно, что Российская империя не намерена угрожать Японии³¹⁰.

Значение «Хокуса монряку» в деле ознакомления закрытой для внешнего мира Японии с Россией трудно переоценить. Сходная с этим трудом работа появилась в Японии через 12 лет, после возвращения новой группы японцев. Однако «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих морях») смогла лишь дополнить то, что уже было изложено в «Хокуса монряку», учтя некоторые технические новинки и изменения в правящем доме Романовых.

Составителями «Канкай ибун» стали рангакуся (ученые-голландоведы) Симура Хороюки и Оцуки Гэнтаку. Причем Оцуки Гэнтаку уже был ранее заочно знаком с Россией, поскольку присутствовал в 1794 году при уже упоминавшейся встрече Кацурагава Хосю с голландским капитаном Хемми. «Удивительные сведения об окружающих морях», как и «Краткие вести о скитаниях в северных водах», были составлены по приказу верховных властей и основывались не только на данных допросов Цудаю, Гихэй, Сахэйдо и Тадзюро, но и на китайских и голландских источниках, а также на консультациях с Кодаю.

«Канкай ибун», как уже отмечалось, во многом повторяет «Хокуса монряку». Так, например, здесь вновь повторяются сведения о Синдзо в связи с рассказом о крещении человека другой веры и наречением его православным именем³¹¹. Как и в «Хокуса монряку», в новом труде о России описывается Российская империя от Алеутских островов до Петербурга, нравы и обычаи некоторых народов Сибири, достопримечательности Петербурга и Царского Села. Есть здесь и описание русской бани, пищи, одежды россиян, религиозных обрядов, рангов чиновников. При-

водится в «Канкай ибун» система российских мер с переводом их в японскую, и список богатств России³¹².

Наличие таких повторений объясняется не только тем, что, вероятно, авторы «Канкай ибун» использовали «Хокуса монряку» в качестве образца для составления своей работы. Здесь сказалось и то, что за 12 лет число новых голландских и китайских сведений о России увеличилось незначительно. Кроме того, сами авторы «Канкай ибун» объясняют упущение и отсутствие многих подробностей недостаточной образованностью возвратившихся в Японию моряков. «В настоящих записях много упущений, потому что невозможно было привести подробности, ибо эти неразвитые и невежественные бедолаги напрасно невнимательно смотрели и невнимательно слушали как при въезде в Российские земли, так, равно, и на морском пути, когда были подняты паруса.

Но мы не могли на этом успокоиться. Сигэтака в том же порядке снова поднимал важные вопросы, но ответа на них опять не добивался»³¹³.

Как и «Хокуса монряку», «Канкай ибун» содержит рисунки и словарь, который, как и соответствующая часть предшествующего труда, разбит на разделы. Причем эти разделы повторяют названия разделов «Хокуса монряку»³¹⁴.

Среди новых сведений, сообщенных Цудаю и другими вернувшимися на родину японцами, были имена нового государя и его жены, а также рассказы о некоторых вещах, виденных японцами в Санкт-Петербурге – подъем воздушного шара и описание Кронштадта³¹⁵. В дополнение к сведениям о России, насколько это смогли сделать японские матросы, описывается плавание «Надежды» вокруг света, страны и земли, которые при этом посещались³¹⁶.

В дополнение к привезенным в Японию в 1804 году вещам и сведениям, японские живописцы выполнили портрет Н.П. Резанова и многих офицеров, а переводчики записывали русские слова, пытаясь составить свои словари. Опыт Г. Лангсдорфа продемонстрировал японцам в миниатюре подъем воздушного шара в Петербурге.

Несмотря на повторы с «Хокуса монряку», «Канкай ибун» сыграла свою роль в знакомстве Японии с Россией, поскольку с появлением этого труда расширялась сама возможность распространения знаний о соседнем государстве.

Окончание работы над составлением «Канкай ибун» по времени совпало со вторым визитом Хвостова и Давыдова на Курильские острова и Сахалин в 1807 году. Нападение русских на японские фактории вызвало новую волну интереса к России, приведшую к появлению переводов ряда голландских книг на японский язык. Дм. Позднеев приводит выдержки из японского библиографического словаря «Кокусё кайдай» с изложением содержания некоторых из таких работ, причем в их числе указываются и работы более раннего происхождения.

«1. Росия хонгиряку, т.е. «Сокращенная история династий России», манускрипт, в два тома...

2. Росиякоку кимон, т.е. «Записи о Русском государстве». Манускрипт в один том...

3. Росияси, т.е. «Описание России», манускрипт, в 1 том, соч. Кацурагава Хосю...

4. Росия сэйдай ряку, т.е. «Краткая династическая история России», манускрипт, один том...

5. Росия дообанзу, т.е. «Карта России», гравированная на медной доске. Один лист...

6. Росия Петербурзу, т.е. «Карта Петербурга», манускрипт, один лист»³¹⁷.

На основании вышеперечисленных переводов иностранных работ и исследований японских ученых в стране Восходящего Солнца начинают формироваться определенные представления о России.

Поскольку специальное изучение России началось в результате появления известий о наличии угрозы безопасности Японии, то сразу же возникает подход к нашему государству как к потенциальному противнику. Со второй половины XVIII века начинает формироваться образ России – врага. Из рассмотренных выше авторов в данный период, пожалуй, только Хаяси Сихэй открыто заявил о том, что в будущем Россия обязательно направит свою агрессию в сторону Японии³¹⁸. Остальные авторы не считали угрозу столь явственной, хотя и не отрицали ее возможности. Но после событий 1806 – 1807 года сторонников образа России – врага в Японии стало гораздо больше. Это начавшее формироваться в конце XVIII века

представление, по мнению японского исследователя Вада Харуки, «более распространено среди японцев и более убедительно для них»³¹⁹.

В результате контактов между русскими и японцами на Курильских островах, в частности, экспедиции, организованной Танума Окицуку в 1785 – 1786 годах, в Японии начинает распространяться мнение о притязаниях со стороны России на «исконно японские земли» – Курильские острова и Сахалин. На формирование такого стереотипа восприятия повлияло не только появление русских промышленников на Курильских островах и оставленные ими знаки принадлежности этих территорий России. Здесь также сказалось влияние нападений Хвостова и Давыдова на японские фактории, оставленные ими жителям Сахалина медали и грамоты и послание Н.А. Хвостова губернатору Мацуэ³²⁰. Начавший формироваться в период становления русско-японских отношений, стереотип восприятия России как претендента на японские «северные территории» существует до сих пор, влияя на отношения между двумя странами³²¹.

Однако в это время в Японии формируются не только негативные стереотипы восприятия России. Переводы голландских работ, рассказы вернувшихся на родину японцев показали огромную страну с большими богатствами, покорность которой изъявляли многие народы. При этом большое внимание уделялось Петру I и его деятельности по реформированию России. Значимость реформ Петра Великого как бы специально подчеркивалась. Например, Кацурагава Хосю в «Хокуса монряку» писал, что «в старые времена жители этой страны [России – И.С.] были очень дикими и свирепыми, почиталось у них только мужество, знаниями истины обладали весьма немногие. Но лет сто с лишним тому назад царем стал человек по имени Петр Алексеевич»³²², который добился изменения всех дурных старых обычаев.

По мнению Вада Харуки, многие «интеллектуалы позднетокугавского периода руководствовались примером Петра Великого, разрабатывая проекты реформ в Японии»³²³. Образцом такого использования опыта России в качестве примера для подражания можно назвать предложения по укреплению морской обороны, изложенные Сакума Сёдзан 24 ноября 1839 года «Когда русский император Петр попытался впервые в истории своей страны построить военные корабли, нужного

подходящего леса было мало и специалисты были плохие, поэтому строительство каждого судна стоило огромных денег. Так что, если мы намерены строить много кораблей в большой спешке, понадобится очень много денег, и возможно, не удастся закончить работу в желательный срок. Я считаю, что нам лучше купить у голландцев по крайней мере двадцать судов». «Русский император Петр, осуждая отсутствие больших судов и жалкое состояние мореплавания, нанял талантливых людей из Голландии и заставил своих подданных учиться у них. Благодаря этому мореплавание постепенно развивалось в России, и наконец эта страна стала достойным государством Европы».

Не сводя свершения Петра I только к созданию флота, Сакума считал, что Япония могла и должна была последовать примеру Петра Великого. «До Петра Россия была такой незаметной и бедной страной Европы, что другие страны колебались, стоит ли завязывать с ней дружественные отношения, – писал Сакума. – Но когда появился великий император и увлек за собой народ, Россия стала державой, никогда не попадавшей под власть других государств. Мы можем сделать больше, так как наш народ на редкость мудр»³²⁴. Несколько позднее этот же автор писал: «Я надеюсь, что правительство резко изменит свой прежний консервативный режим и сделает все, как сделал Петр в России»³²⁵.

Хотя «Мэйдзи исин» выходит за хронологические рамки данного исследования, стоит отметить, что при проведении реформ, по мнению того же Вада Харуки, Россия явилась учителем Японии именно через опыт деятельности Петра I³²⁶, о которой очень много было сказано как раз в период становления русско-японских отношений.

Но Россия учила Японию не только тому, как проводить реформы. Из нашей страны на Японские острова впервые была привезена противооспенная вакцина в 1812 году, а также книга «О прививании коровьей оспы», переведенная на японский язык при помощи В.М. Головнина³²⁷. Побывавшие в японском плену в 1811 – 1813 годах русские моряки значительно расширили познания японцев в области математики и небесной физики. А.К. Лаксман и Н.П. Резанов отмечали интерес японских ученых и чиновников к географическим картам, который выражался в

том, что японцы копировали карты и глобусы. Более того, Россия сыграла значительную роль в развитии географических знаний в Японии не только познакомив ее с новыми знаниями о мире, но и заставив изучить свои собственные территории (остров Хоккайдо) и лежащие к северу от них Курильские острова (вспомним об экспедиции 1875 – 1786 гг.).

Однако гораздо большая часть японцев связывала в своем сознании Россию не с образом врага, конкурента на Курильских островах или учителя, а с образом соседа, желающего торговать. Начиная с первого посещения Японии русскими в 1739 г., и до 1813 г. в отношениях между двумя народами постоянно присутствует процесс обмена товарами, в котором было заинтересовано гораздо больше людей, чем число знакомых с вышеназванными работами о России. При этом находились сторонники развития товарообмена между двумя странами и среди ученых. Уже упоминавшийся автор «Размышлений в связи с появлением красных эдзо» Кудо Хэйсукэ, считал, что торговля с Россией поможет развитию острова Хоккайдо, а осуществление взаимной торговли через северные порты называл самым правильным курсом, который может принять правительство³²⁸. Ученый-голландовед Хонда Тосиаки (1744 – 1821) также предлагал открыть русско-японскую торговлю на севере страны: «Надлежит точно определить места на Итурупе и Кунашире, где бы Японскими товарами торговали в обмен на русские. Так установятся мирные торговые отношения, которые помогут нам лучше узнать русский народ и его страну, что, несомненно, сослужит нам пользу»³²⁹. Другой рангакуся, Сиба Кокан (1738 – 1818) шел в своих предложениях еще дальше, выступая за полностью открытую для внешней торговли Японию: «Поскольку за границей нет риса, нужно нагружать большие суда и продавать рис России и другим странам. Таким способом нам удалось бы получать товары из других стран, например лекарства или какие-либо ценные изделия, которых не имеет Япония»³³⁰.

Таким образом, можно говорить о том, что в период становления русско-японских отношений в Японии начинают формироваться следующие образы России: врага, претендента на японские территории, учителя и потенциального торгового партнера. При этом образ России – врага начинает преобладать после 1807 го-

да и благодаря усилиям, предпринятым японцами и россиянами в 1811 – 1813 годах, он все-таки не становится ведущим в умонастроениях японцев. В это время гораздо более характерно восприятие России как потенциального торгового партнера. Тем не менее, следует сказать и о том, что к завершению периода становления русско-японских отношений главным для Японии постепенно становится стереотип восприятия России как претендента на «исконно японские территории», како-выми считались Сахалин и Южные Курильские острова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Космография, 1670. СПб., 1878 – 1881. С.380.
- ² См.: Там же. С. 380 – 381.
- ³ См.: Там же. С. 380 – 381.
- ⁴ Там же. С. 381.
- ⁵ Там же. С. 383 – 384.
- ⁶ Там же. С. 381 – 382.
- ⁷ Там же. С. 382.
- ⁸ Там же. С. 386.
- ⁹ Там же. С. 387.
- ¹⁰ Там же. С. 388.
- ¹¹ См.: Там же. С. 387.
- ¹² Там же. С. 383.
- ¹³ Там же. С. 381.
- ¹⁴ См.: Атлас истории географических открытий и исследований. М., 1959. С. 25, 30. Карты № 27, 32в.
- ¹⁵ См.: Куликова А.М. Зарождение японоведения в России. //Народы Азии и Африки. 1990, №4. С. 101.
- ¹⁶ Цит. по: Берг Л.С. Открытие камчатки и экспедиции Беринга. М.-Л. 1946. С. 154.
- ¹⁷ Космография. С. 380.
- ¹⁸ Русская тихоокеанская эпопея. С. 505.
- ¹⁹ Там же. С. 505.
- ²⁰ См.: Там же. С. 504.
- ²¹ Там же. С. 505.
- ²² Там же. С. 504 - 505.
- ²³ Там же. С. 506 - 507.
- ²⁴ См.: Там же. С. 503 – 506.
- ²⁵ См.: Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф. 468. Оп. 45. Д. 616.

- ²⁶ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII - XIX века. М. 1999. С. 73.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 377 об.; РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 616. Л. 2.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 371.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 370 об.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 370 об.
- ³¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 378; РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 616. Л. 3.
- ³² РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 371 об.
- ³³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 378; РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 616. Л. 2.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43. Л. 375 – 375 об.
- ³⁵ Русская тихоокеанская эпопея. С. 110.
- ³⁶ Цит. по: Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства». //Проблемы Дальнего Востока. 1975. №2. С. 139 – 141.
- ³⁷ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 140.
- ³⁸ Там же. С. 140 – 141.
- ³⁹ Космография. С. 388.
- ⁴⁰ Цит. по: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 141.
- ⁴¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. С. 189.
- ⁴² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. С. 181.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 199. П. 535. Д.1. ЛЛ. 151 – 151 об.
- ⁴⁴ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948. С. 90.
- ⁴⁵ Русские экспедиции... в первой половине XVIII века. С. 180.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 190.
- ⁴⁷ Там же. С. 191.
- ⁴⁸ Там же. С. 181.
- ⁴⁹ Там же. С. 181.
- ⁵⁰ См.: РГАДА. Ф. 199. П. 535. Д.1; Российский государственный архив военно-морского флота (далее - РГАВМФ). Ф. 216. Оп. 18. Д. 782. ЛЛ. 352 – 365.
- ⁵¹ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т.1. С. 460 – 461.
- ⁵² См.: Черевко К.Е. Указ. соч. С. 138.
- ⁵³ См.: РГАДА. Ф. 199. П. 535. Д.1.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 199. П. 530. Д.16.
- ⁵⁵ См.: РГАДА. Ф. 199. П. 530. Д.16. ЛЛ. 1 – 4.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 199. П. 349. Ч.1. Д.38.
- ⁵⁷ См.: Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М., 1948. С. 257 – 259.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 199. П. 133. Ч.5. Д.470.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 199. П. 133. Ч.5. Д.470. ЛЛ.118 – 118 об.
- ⁶⁰ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 43.ЛЛ. 370 об., 372 об.; РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 616. Л. 2.; Русская тихоокеанская эпопея. С. 505 – 506.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 199. П. 133. Ч.5. Д.470. Л. 118 об.
- ⁶² РГАДА. Ф. 199. П. 349. Ч.1. Д.37.
- ⁶³ Там же. Л. 5.

- ⁶⁴ См.: Там же. ЛЛ. 4 - 6 об.
- ⁶⁵ См.: РГАДА. Ф. 199. П. 150. Ч.12. Д. 8. ЛЛ.11 об. - 12.
- ⁶⁶ Там же. Л. 22.
- ⁶⁷ Там же. ЛЛ. 20 – 20 об.
- ⁶⁸ Там же. ЛЛ.21 – 21 об.
- ⁶⁹ Там же. ЛЛ.19, 25.
- ⁷⁰ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII - XIX века. С. 100.
- ⁷¹ Цит.по: Новаковский С.И. Япония и Россия. Токио, 1918. Ч.1. С. 25.
- ⁷² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 2 – 2 об.
- ⁷³ См.: Черевко К.Е. Зарождение... С. 113.
- ⁷⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века М., 1989. С. 285.
- ⁷⁵ См.: Черевко К.Е. Зарождение... С. 118
- ⁷⁶ См.: Преображенский А.А. Первое посольство в Японию// Исторический архив. 1961, №4. С. 118 – 119.
- ⁷⁷ См.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2891. Л. 8 об.
- ⁷⁸ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 123.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2891. Л. 13 – 13 об.
- ⁸⁰ Там же. ЛЛ. 13, 13 об. – 14.
- ⁸¹ См.: Там же. Л. 13 об.
- ⁸² Там же. ЛЛ. 20 об. – 21 об.
- ⁸³ См.: Там же. ЛЛ. 16 об. - 17 об.
- ⁸⁴ См.: Там же. ЛЛ. 17 об. – 19.
- ⁸⁵ Там же. ЛЛ. 43 – 44.
- ⁸⁶ См.: Там же. ЛЛ. 45 об. – 47 об.
- ⁸⁷ Там же. ЛЛ. 22 об., 39 об, 42, 42 об., 48, 50 об.
- ⁸⁸ Там же. Л. 39 об.
- ⁸⁹ Там же. Л. 48.
- ⁹⁰ См.: Там же. Л. 40 об.
- ⁹¹ Там же. Л. 45.
- ⁹² Там же. ЛЛ. 44 – 44 об.
- ⁹³ Там же. Л. 14 об.
- ⁹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 550. Ф. IV. Д. 482.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 92 об.
- ⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1146. Л. 60 об.
- ⁹⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. ЛЛ. 8 об – 56; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 95 об – 101 об.
- ⁹⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. ЛЛ. 10 – 11.
- ⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1146. Л. 61.
- ¹⁰⁰ См.: Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара. СПб. 1818. Ч. 2. С. 33.
- ¹⁰¹ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1972. С. 153.

- ¹⁰² См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 51; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1146. Л. 63; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁰³ Круzenштерн И.Ф. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1146. Л. 61.
- ¹⁰⁵ Шемелин Ф. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁰⁶ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 52 об.; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 51 - 52.
- ¹⁰⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 65 об. - 69; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 69 - 72.
- ¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 93.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 86 об.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 63 об.
- ¹¹¹ Там же. Л. 68.
- ¹¹² Круzenштерн И.Ф. Указ. соч. С. 158.
- ¹¹³ Там же. С. 159.
- ¹¹⁴ Там же. С. 159.
- ¹¹⁵ См.: РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 20. ЛЛ. 10, 11.
- ¹¹⁶ См.: Шемелин Ф. Указ. соч. С. 114 – 115.
- ¹¹⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 118; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 116.
- ¹¹⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 90; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 117.
- ¹¹⁹ См.: Шемелин Ф. Указ. соч. С. 117 – 150.
- ¹²⁰ См.: Там же. С. 123, 140.
- ¹²¹ См.: Там же. С. 151 – 152.
- ¹²² См.: РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 20. ЛЛ. 2 - 4; Шемелин Ф. Указ. соч. С. 154 – 156.
- ¹²³ Круzenштерн И.Ф. Указ. соч. С. 149.
- ¹²⁴ Шемелин Ф. Указ. соч. С. 179.
- ¹²⁵ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 13. ЛЛ. 20, 23 – 27, 50.
- ¹²⁶ Круzenштерн И.Ф. Указ. соч. С. 152.
- ¹²⁷ Там же. С. 174.
- ¹²⁸ ОР РНБ. Ф. 7. Д. 154.
- ¹²⁹ См.: Там же. ЛЛ. 120 – 153.
- ¹³⁰ Ср.: ОР РНБ. Ф. 7. Д. 154. ЛЛ. 6 – 7 и ОР РНБ. Ф. 7. Д. 153. Л. 48..
- ¹³¹ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. Д. 430.
- ¹³² Там же. Л. 14.
- ¹³³ См.: Там же. ЛЛ. 14 – 14 об.
- ¹³⁴ Там же. Л. 15.
- ¹³⁵ См.: Там же. ЛЛ. 18 об. – 19.
- ¹³⁶ См.: Там же. ЛЛ. 15 об.
- ¹³⁷ См.: Головнин В.М. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг.// Книга путешествий. М., 2000. С. 274, 275, 331– 332, 394
- ¹³⁸ Там же. С. 392.
- ¹³⁹ См.: Мещеряков А.Н. Книга японских обыкновений.// Книга японских обыкновений. М., 1999. С. 113.
- ¹⁴⁰ Головнин В.М. Указ. соч. С. 307.
- ¹⁴¹ Там же. С. 259.
- ¹⁴² Там же. С. 279.

- ¹⁴³ Там же. С. 398.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 303, 391.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 390.
- ¹⁴⁶ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. Д. 482. Л. 110 об.; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2891. Л. 22 об., 51.
- ¹⁴⁷ См.: Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами.// Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плена у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972. С. 434, 435.
- ¹⁴⁸ См.: РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 20. Л. 10.
- ¹⁴⁹ Головнин В.М. Указ. соч. С. 394.
- ¹⁵⁰ См.: Рикорд П.И. Указ. соч. С. 441.
- ¹⁵¹ Головнин В.М. Указ. соч. С. 396.
- ¹⁵² Там же. С. 395 – 396.
- ¹⁵³ Там же. С. 396.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 371.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 395.
- ¹⁵⁶ См.: Рикорд П.И. Указ. соч. С. 406, 409.
- ¹⁵⁷ См.: Головнин В.М. Указ. соч. С. 252, 300, 392.
- ¹⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 38.
- ¹⁵⁹ Головнин В.М. Указ. соч. С. 319.
- ¹⁶⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. Л. 26 об.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 52.
- ¹⁶² См.: Головнин В.М. Указ. соч. С. 340 – 352.
- ¹⁶³ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. ЛЛ. 30 – 31 об., 35 об.; Рикорд П.И. Указ. соч. С. 424, 426.
- ¹⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 37 об.
- ¹⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 32.
- ¹⁶⁶ Головнин В. М. Указ. соч. С. 395.
- ¹⁶⁷ Рикорд П.И. Указ. соч. С. 431.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 430.
- ¹⁶⁹ См.: РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 20. Л. 11.
- ¹⁷⁰ Рикорд П.И. Указ. соч. С. 412.
- ¹⁷¹ Там же. С. 394 – 395.
- ¹⁷² Колотыгин Н.П. О Японии и Японской торговле или новейшее историко-географическое описание японских островов. СПб., 1817.
- ¹⁷³ См.: Колотыгин Н.П. Указ. соч. С. 3 – 4.
- ¹⁷⁴ См.: Там же. С. 5 – 28.
- ¹⁷⁵ См.: Там же. С. 40.
- ¹⁷⁶ См.: Там же. С. 61.
- ¹⁷⁷ Подробнее см.: Там же. С. 68 – 79.
- ¹⁷⁸ Космография. С. 388.
- ¹⁷⁹ См., например: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. ЛЛ. 51 об. – 52.

- ¹⁸⁰ См., например: Спандарьян В. Как этой удалось японцам? // Международная жизнь. 1990, № 4. С. 88.
- ¹⁸¹ Там же. С. 306.
- ¹⁸² Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁸³ См.: АВПРИ. Ф. 161. I-7. Оп. 6. 1802. Д. 1. П. 31. Л. 51 об.
- ¹⁸⁴ См.: Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 198.
- ¹⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. ЛЛ. 37 об. – 38.
- ¹⁸⁶ См.: Космография. С. 388.
- ¹⁸⁷ См.: Русская тихоокеанская эпопея. С. 504 – 505.
- ¹⁸⁸ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁸⁹ См.: РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 2 об.
- ¹⁹⁰ См.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2891. Л. 62 об.
- ¹⁹¹ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. Д. 430. Л. 15.
- ¹⁹² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 31 об.
- ¹⁹³ Там же. Л. 32.
- ¹⁹⁴ Головнин В.М. Указ. соч. С. 395.
- ¹⁹⁵ См.: Там же. С. 320.
- ¹⁹⁶ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 34.
- ¹⁹⁷ См.: Колотыгин Н.П. Указ. соч. С. 37 – 38.
- ¹⁹⁸ Цит. по: Накамура Синтаро. Японцы и русские. М., 1983. С. 66.
- ¹⁹⁹ См. например: Шемелин Ф. Указ. соч. С. 118.
- ²⁰⁰ Цит. по: Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 67.
- ²⁰¹ Цит. по: Там же. С. 67.
- ²⁰² Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик севера. М., 1999. С. 74.
- ²⁰³ Цит. по: Сиба Рётаро. Указ. соч. С. 78.
- ²⁰⁴ Цит. по: Там же. С. 78.
- ²⁰⁵ См.: Кин. Д. Японцы открывают Европу, 1720 – 1830. М., 1970; Сиба Рётаро. Указ. соч. С. 79; Синтаро Накамура, Указ. соч. С. 71; Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. Иркутск, 1993. С. 22.
- ²⁰⁶ Цит. по: Позднеев Дм. Материалы по истории северной Японии и Ея отношений к материку Азии и России. Иокогама, 1909. Т. 2. Ч. III. С. 52.
- ²⁰⁷ См.: Константинов В.М. Россия в XVIII веке глазами японцев. // Краткие сообщения института народов Азии и Африки. М., 1961. Вып. 44. С. 71.
- ²⁰⁸ См.: Позднеев Дм. Указ. соч. С. 123.
- ²⁰⁹ Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994. С. 219.
- ²¹⁰ Цит. по: Позднеев Дм. Указ. соч. С. 14 – 15.
- ²¹¹ Цит. по: Новаковский С.И. Япония и Россия. Токио, 1918. Ч. 1. С. 59.
- ²¹² Полевой Б.П. Указ. соч. С. 144.
- ²¹³ См.: Позднеев Дм. Указ. соч. С. 58 – 60.
- ²¹⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2891. Л. 14 об.
- ²¹⁵ См.: Позднеев Дм. Указ. соч. Т. 2. Ч. II. С. 76 – 86.
- ²¹⁶ См.: Константинов В.М. «Оросиякоку суймудан» как памятник ранних русско-японских отношений. Автореф. дисс... ист. Наук. М., 1959. С. 7 – 8.

- ²¹⁷ Константинов В.М. Оросиякоу суймудан (Сны о России). М., 1961. С. 53.
- ²¹⁸ Константинов В.М. Указ. соч. С. 64.
- ²¹⁹ Там же. С. 53 – 54.
- ²²⁰ См.: Там же. С. 55, 62.
- ²²¹ См.: Там же. С. 62.
- ²²² См.: Там же. С. 56, 62.
- ²²³ Там же. С. 64.
- ²²⁴ См.: Там же. С. 56, 62.
- ²²⁵ См.: Там же. С. 56.
- ²²⁶ Там же. С. 56.
- ²²⁷ Там же. С. 55 – 56.
- ²²⁸ См.: Там же. С. 61 – 62.
- ²²⁹ Там же. С. 55.
- ²³⁰ Там же. С. 57.
- ²³¹ См.: Там же. С. 60 – 61.
- ²³² Там же. С. 61.
- ²³³ Там же. С. 57.
- ²³⁴ См.: Там же. С. 53 – 54.
- ²³⁵ Там же. С. 62 – 63.
- ²³⁶ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 110.
- ²³⁷ Там же. С. 113.
- ²³⁸ См.: Там же. С. 108 – 125.
- ²³⁹ См.: Там же. С. 113 – 114.
- ²⁴⁰ В XVIII веке 1 ри = 3927 м., а также употреблялась мера, при которой 1 ри = 654 м.
- ²⁴¹ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 114 – 116.
- ²⁴² 1 сяку = 30.3 см.
- ²⁴³ 1 тё = 109.09 м.
- ²⁴⁴ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 117 - 121.
- ²⁴⁵ Там же. С. 122.
- ²⁴⁶ См.: Там же. С. 246 - 261.
- ²⁴⁷ См. Там же. С. 125 - 132.
- ²⁴⁸ См.: Мураяма Ситиро. Первые в Японии сведения о народностях России. // Народы Азии и Африки. 1969. № 1. С. 129 - 131.
- ²⁴⁹ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 99.
- ²⁵⁰ Там же. С. 135.
- ²⁵¹ См: там же. С. 136.
- ²⁵² Такое количество рангов получилось за счет учета не входивших в «Табель о рангах»unter-офицеров и рядовых. Подробнее см.: там же. С. 361.
- ²⁵³ Пять злаков – общее название в Японии для двух видов проса, бобовых и муги (общее название пшеницы, ржи и ячменя).
- ²⁵⁴ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 153 – 155.
- ²⁵⁵ См.: Там же. С. 155.
- ²⁵⁶ См.: Там же. С. 156 – 160.
- ²⁵⁷ См.: Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М. 1999. С. 78, 81.

- ²⁵⁸ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 173.
- ²⁵⁹ В Японии деньги не чеканили, а отливали, поэтому Кацурагава пишет не о чеканке монет, а об отливке.
- ²⁶⁰ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 169 – 170.
- ²⁶¹ Там же. С. 192 – 193.
- ²⁶² Там же. С. 185 – 186.
- ²⁶³ Там же. С. 186 – 187.
- ²⁶⁴ Там же. С. 187.
- ²⁶⁵ Там же. С. 187 – 188.
- ²⁶⁶ См., например: Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 196 – 208.
- ²⁶⁷ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 162.
- ²⁶⁸ Там же. С. 162.
- ²⁶⁹ См.: Там же. С. 163.
- ²⁷⁰ Даймон – главные ворота буддийского храма. Саммон – ворота храмов буддийских сект Нитирэн и Дзёдо.
- ²⁷¹ Там же. С. 164.
- ²⁷² См.: Там же. С. 164.
- ²⁷³ См.: Там же. С. 164.
- ²⁷⁴ См.: Там же. С. 146 – 149.
- ²⁷⁵ См.: Там же. С. 150 – 151.
- ²⁷⁶ См.: Там же. С. 152.
- ²⁷⁷ См.: Там же. С. 200 – 208.
- ²⁷⁸ Там же. С. 140.
- ²⁷⁹ Там же. С. 142.
- ²⁸⁰ Там же. С. 144.
- ²⁸¹ Там же. С. 145.
- ²⁸² Там же. С. 145.
- ²⁸³ Там же. С. 146.
- ²⁸⁴ См.: Там же. С. 217 – 231.
- ²⁸⁵ Там же. С. 208.
- ²⁸⁶ См.: Там же. С. 209 – 211.
- ²⁸⁷ См.: Там же. С. 211 – 216.
- ²⁸⁸ См.: Там же. С. 175 – 176.
- ²⁸⁹ 1 сун = 3, 03 см.
- ²⁹⁰ Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 176.
- ²⁹¹ Там же. С. 179.
- ²⁹² См.: Там же. С. 179.
- ²⁹³ Там же. С. 180.
- ²⁹⁴ Там же. С. 181.
- ²⁹⁵ Там же. С. 182. Ср.: Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 131 – 132.
- ²⁹⁶ Там же. С. 183.
- ²⁹⁷ См.: Там же. С. 194 – 195.
- ²⁹⁸ Там же. С. 165.
- ²⁹⁹ См.: Там же. С. 166.

- ³⁰⁰ Там же. С. 167.
- ³⁰¹ См.: Там же. С. 168 – 169.
- ³⁰² 1 моммэ = 3.75 г.
- ³⁰³ 1 кан = 3.75 кг.
- ³⁰⁴ Там же. С. 174.
- ³⁰⁵ Там же. С. 237.
- ³⁰⁶ Там же. С. 244.
- ³⁰⁷ Там же. С. 324.
- ³⁰⁸ См.: Крузенштерн Ф.И. Указ. соч. С. 195.
- ³⁰⁹ См.: Там же. С. 325 – 328.
- ³¹⁰ См., например: Там же. С. 244.
- ³¹¹ См.: Горегляд В.Н. «Удивительные сведения об окружающих морях» - японская рукопись начала XIX в. // Страны и народы Востока. М., 1959. Вып. 1. С. 220.
- ³¹² См.: Горегляд В.Н. Указ. соч. С. 218 – 222; Он же. Рукопись «Канкай ибун» в собрании СПБИВ РАН. // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX – XX веках. СПб., 1998. С. 7 – 24.
- ³¹³ Цит. по: Горегляд В.Н. Рукопись «Канкай ибун» в собрании СПБИВ РАН. С. 13.
- ³¹⁴ Ср.: Кацурагава Хосю. Уаз. соч. С. 263 – 324 и Горегляд В.Н. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая. Словарь. М., 1961. С. 9.
- ³¹⁵ См.: Чечин П. Записки японцев о России конца XVIII и начала XIX в. // Сибирский архив. 1993. № 3. С. 141 – 144.
- ³¹⁶ См.: Горегляд В.Н. «Удивительные сведения об окружающих морях» - японская рукопись начала XIX в. С. 222 – 223.; Чечин П. Записки японцев о России конца XVIII и начала XIX в. С. 123 – 144.
- ³¹⁷ Цит. по: Позднеев Дм. Указ. соч. Т.2. Ч. III . С. 231 – 232.
- ³¹⁸ См.: Новаковский С.И. Указ. соч. С. 59.
- ³¹⁹ Вада Харуки. Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям.// Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986. С. 57.
- ³²⁰ См.: РГИА. В. 1264. Оп. 1. Д. 577. ЛЛ. 35 – 36 об.
- ³²¹ См.: Сиба Рётаро. Указ. соч. С. 21.
- ³²² Кацурагава Хосю. Указ. соч. С. 99.
- ³²³ Вада Харуки. Указ. соч. С. 51.
- ³²⁴ Цит. по: Там же. С. 55.
- ³²⁵ Цит. по: Там же. С. 56.
- ³²⁶ См.: Там же. С. 56.
- ³²⁷ См.: ОР РНБ Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. Л. 52; Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII – XIX века. С. 180.
- ³²⁸ См.: Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 71.
- ³²⁹ Цит. по: Кин. Д. Указ. соч. С. 117.
- ³³⁰ Цит. по: Там же. С. 119.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период XVIII – начала XIX вв. в русско-японских отношениях является временем неофициальных контактов между гражданами двух стран, в котором можно выделить ряд этапов. Основным содержанием первого этапа (I первая половина XIX в.) стал поиск Россией северного морского пути в Японию. После того как в 50-х гг. XVIII в. был доказан факт плавания русских кораблей у берегов Японии, начинается следующий этап, главным вопросом которого было установление дипломатических и, прежде всего, торговых отношений между Россией и Японией. Третий этап неофициальных контактов между подданными России и Японии (1806 – 1817 гг.) связан с возникновением взаимных территориальных притязаний, ухудшением в этой связи русско-японских отношений и первыми попытками решить вопрос о спорных территориях.

Ведущая роль на рассматриваемом этапе русско-японских отношений принадлежала России, что было обусловлено освоением ею Камчатки, Курильских и Алеутских островов и стремлением японских властей соблюдать политику самоизоляции, исключавшую проявление внешнеполитической активности. Главным, что заставляло Россию проявлять настойчивость в стремлении установить двусторонние отношения с Японией, был процесс изучения и освоения собственных территорий на Дальнем Востоке и в Сибири.

Характер русских экспедиций, направляемых к берегам Японии в XVIII – начале XIX в., определялся задачами, которые перед ними ставились: научно-исследовательские (географические, этнографические и др.), исследовательские с целью установления торговли с Японией. При этом мы можем говорить о том, что с середины XVIII в. до 1805 г. русские экспедиции проделали определенную эволюцию от купеческих (экспедиций П.С. Лебедева-Ласточкина и Д.Я. Шабалина 1775 – 1779 гг.) до официального посольства, отправленного от имени Российского императора к императору Японии (посольство Н.П. Резанова 1804 – 1805 гг.).

Стремление руководства России установить торговые и дипломатические отношения с Японией заставило правящие круги последней обсуждать вопросы, связанные с внешней политикой, вырабатывая определенную позицию по отношению к нашему государству. В ходе дискуссии в руководстве Японии появились как сторонники, так и противники налаживания отношений между странами. Однако к началу XIX в. в Японии еще недостаточно остро ощущались негативные последствия закрытия страны. Это дало возможность сторонникам сохранения *status quo*, находившимся в тот момент у власти, апеллировать к существующим традициям как гарантии благосостояния страны и отказать на этом основании русскому посольству, прибывшему в 1804 г. в Нагасаки для ведения официальных переговоров о начале двусторонних отношений.

В результате встречного освоения Россией и Японией Курильских островов, перед странами встало необходимость решить, кому именно принадлежат острова Итуруп, Кунашир и Шикотан. Нерешенность вопроса о русско-японской торговле привела к тому, что представители русского государства попытались установить ее, прибегнув к силовому давлению на руководство Японии через вытеснение представителей этой страны с Итурупа, Кунашира и Сахалина. В результате действий Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в 1806 – 1807 гг. на Курильских островах и острове Сахалин правительство Японии проявило готовность идти на переговоры с Россией об установлении официальной торговли и о территориальном размежевании. Но 1807 – 1817 гг. стали в отношениях двух стран «периодом упущенных возможностей».

Ликвидация Хвостовым и Давыдовым в 1806 – 1807 гг. нескольких японских поселений на Итурупе и Сахалине открыла возможность для усиления российского влияния на этих территориях и начала переговоров о торговле и границе с Японией. Однако в 1808 – 1811 гг. основное внимание русского правительства было сосредоточено на ситуации в Европе (русско-шведская и русско-турецкая войны, урегулирование отношений с Францией и другими европейскими государствами).

Отсутствие границы между Россией и Японией и усиление японского присутствия на южных Курильских островах привели в 1811 г. к плenению на острове Кунашир 7 русских моряков во главе с В.М. Головниным. В ходе переговоров об освобождении моряков из плена в 1813 г японская сторона, вновь выразила готовность обсудить вопрос об установлении границы, но сами переговоры были перенесены на 1814 г. Но и на этот раз обсуждение проблемы территориального размежевания не состоялось. Вначале этому воспрепятствовал погодный фактор, помешавший участникам переговоров своевременно прибыть к месту их проведения. С 1816 г. меняется позиция по этому вопросу как в Японии, так и в России. Японское руководство возвращается к сохранению политики самоизоляции, а российское правительство решает сосредоточить все силы на освоении Русской Америки, временно приостановив финансирование и работу «японской экспедиции». В отсутствие официально определенной границы с Японией Россия ограничила свое экономическое влияние в этом регионе уже освоенными северными и центральными Курильскими островами.

В XVIII – начале XIX в. Российскому государству принадлежала роль инициатора установления русско-японских отношений, который привлекал к решению данного вопроса частных лиц и сохранял за собой на протяжении рассматриваемого периода функцию организатора экспедиций по изучению данного региона. Проявление частной инициативы в 1806 – 1807 гг. привело к формированию первой, а затем второй кризисной ситуации во взаимоотношениях между двумя странами, которые были урегулированы после вмешательства со стороны государства (письма Миницкого и Трескина с объяснением действий Хвостова и Давыдова). Россия, начав движение по пути сближения с Японией, контролируя этот процесс, приняла в 1817 г. решение о прекращении на некоторое время попыток установить дипломатические и торговые отношения с Японией в связи с их нецелесообразностью.

Государству принадлежала идея использования японцев в качестве преподавателей японского языка. Большая часть побывавших в рассматриваемый период в России японцев попала в нашу страну в результате кораблекрушений.

Все они принимали непосредственное участие в становлении русско-японских отношений, прежде всего, помогая развитию знаний о Японии, способствовавших росту заинтересованности в установлении торговых отношений с Японией через те данные о сельскохозяйственном и промышленном развитии страны, которые они в себе несли. Существовавшая сначала в Санкт-Петербурге, а затем в Иркутске школа японского языка смогла функционировать почти постоянно на протяжении рассматриваемого периода благодаря пополнению штата учителей за счет заносимых бурями к берегам Камчатки и Курильских островов японцев. Некоторые из этих японцев принимали затем участие в экспедициях к берегам Японии, равно как и их дети и ученики. Вернувшись из России на родину японцы рассказывали о нашем государстве, способствуя тем самым установлению взаимопонимания и сближению двух народов.

В XVII в. в России начинается сбор информации о Японии. После появления «Космографии 1670» правительство российского государства вело планомерный поиск и фиксацию данных о Стране Восходящего Солнца, поступавших из различных источников. Несмотря на то, что первая информация о России появилась в Японии практически одновременно с созданием «Космографии 1670», сбор и обобщение сведений о Российской империи начались здесь лишь со второй половины XVIII в.

На основе имевшейся в XVIII – XIX вв. информации в российском и японском обществе начали формироваться стереотипы взаимного восприятия, в которых отразились процесс освоения Курильских островов, возникшие торговые интересы, страх перед угрозой вооруженного нападения. Для Японии также большое значение имеет тот факт, что интерес к России первоначально был вызван «предостережением Беневского» и основными поставщиками сведений о России до конца XVIII в. являлись голландцы, дававшие преимущественно негативную информацию.

Среди российских представлений о Японии, формирующихся в XVII – начале XIX в., преобладают представления о личных качествах японцев (трудолюбие, прилежание, любознательность, дотошность), многие из которых сохра-

няются до сих пор. Представления о таких качествах, как жестоконравность и лукавство, постепенно трансформировались и в настоящий момент ассоциируются с японской мафией – якудзой. Изменилось и отмечавшееся в XVIII – начале XIX в. отношение к иностранцам: недоверие и подозрительность периода самоизоляции сменились активными внешними контактами и заимствованиями иностранных технологий в XX в. Однако сохранилось уважение традиций, отличных от европейских, что было отмечено побывавшими в Японии россиянами. Отношение японцев к воинскому искусству оценивалось с точки зрения умения владеть традиционным для Европы конца XVIII – начала XIX в. огнестрельным оружием. Мнение о том, что японцы являются плохими воинами, а Япония – слабым военным противником, прочно укрепилось в России, подкрепленное успехами кратковременных нападений Хвостова и Давыдова, и просуществовало до русско-японской войны 1904 – 1905 гг.

До сих пор сохраняется представление о Японии как о государстве, претендующем на российские земли. Разница между ситуацией начала XIX в. и начала XXI в. заключается в причине возникновения территориальных споров. Для Японии конца XVIII в. также характерно отношение к России как к захватчику японских владений. Первое серьезное изучение севера Хоккайдо и южных Курильских островов, предпринятое японцами в 1785 – 1786 гг., показало, что русские достаточно давно начали посещать и обживать эти острова. Нападения Хвостова и Давыдова на японские поселения на Сахалине и Итурупе и оставленное ими письмо губернатору Мацуэ показали Японии реальные претензии России на эти земли. Современные споры вокруг четырех Курильских островов базируются на договоренностях, достигнутых после Второй мировой войны, которые признаются или не признаются одной из двух стран.

«Предостережение Беневского», события 1806 – 1807 гг. и распространяемые голландцами сведения способствовали формированию образа России-врага. Но даваемая голландцами информация и рассказы возвращенных на родину японцев формировали и другой образ России – учителя. Японцы искренне восхищались правлением Петра I и Екатерины II и теми успехами, которые

сделала Россия. К тому же из нашего государства приходили новые знания по медицине (методика прививания коровьей оспы), математике, географии. Именно знакомство с Россией и страх за безопасность северных рубежей заставили Японию заняться изучением собственных территорий.

В XVIII – начале XIX в. в обеих странах формируется образ соседа – торгового партнера. В России это было вызвано рассказами японцев, большинство из которых имели отношение к торговле, товарообменом между японцами и курильцами, контактами японцев и россиян, а также необходимостью снабжать тихоокеанские окраины Российской империи. В Японии Россию начинают рассматривать как возможного торгового партнера начиная с конца XVIII в., что было вызвано возможностью получать более дешевые, по сравнению с голландскими, товары и назревшей необходимостью расширить зону сбыта производимых в Японии товаров.

К концу XVIII в. в российском и японском обществах сформировалось понимание необходимости добрососедских отношений. Для того, чтобы такой же вывод был сделан на государственном уровне понадобилось более 20 лет. Мирное разрешение возникших конфликтных ситуаций открывало путь к урегулированию возникших в начале XIX в. территориальных споров. Из сформировавшихся в XVIII – начале XIX в. представлений о соседе стереотипами восприятия стала их положительная часть. В целом изучение русско-японских отношений показывает, что для их успешного развития необходимы совместные усилия обеих стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Российской империи

1. Ф.2 (Внутренние коллежские дела). Оп. 2/1. ДД. 753, 756.
2. Ф.98. (Японские дела). Оп. 98/1. Д. 3 (1795 –1796).
3. Ф.130. (Сибирские дела). Оп. 130/2. 1746. Д. 1.
4. Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). I – 7. Оп. 6. 1802. Д. 1. П. 1, 23, 31, 32, 34, 37, 41.
5. Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). I – 13. Оп. 10. 1803. Д. 14.
6. Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). II – 26. 1808. Д. 8 (1808 – 1818).
7. Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). II – 27. Оп. 72. 1788. Д. 1.
8. Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). II – 27. Оп. 72. 1795. Д. 1
9. Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). II – 27. Оп. 72. 1803. Д. 3
- 10.Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). II – 27. Оп. 72. 1811 – 12. Д. 1.
- 11.Ф.161(Санкт-Петербургский главный архив). II – 27. Оп. 72. 1816 – 1818. Д. 2.

Архив востоковедов Санкт-Петербургского отделения

Института востоковедения Российской Академии Наук

- 12.Разряд I. Оп. 4. ДД. 6 – 13

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

- 13.Ф. 7 (Аделунг Ф.П.). Д. 153, 154.
- 14.Ф. 73 (Бильбасов В.А., Краевский А.А.). Д. 341.
- 15.Ф. 152 (Архив Военского К.А.). Оп. 1. Д. 382.
- 16.Ф. 550 (Отдельное собрание рукописных книг). F IV. Д. 482.
- 17.Ф. 550(Отдельное собрание рукописных книг). Q IV. Д. 430.
- 18.Ф. 542 (Архив Олениных). Д. 799.
- 19.Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. ДД. 1146, 1487, 1654.

Российский государственный архив военно-морского флота

- 20.Ф. 14 (Крузенштерны, семейный фонд (XVIII – XIXвв.)). Оп. 1. ДД. 183, 231, 273, 274.
- 21.Ф. 19 (Меньшиков Александр Сергеевич, адмирал (1787 – 1864)). Оп. 4. Д. 496.
- 22.Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). 1742. Д. 2.
- 23.Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). 1743. Д. 16.
- 24.Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). 1746. Д. 10.
- 25.Ф. 216 (Канцелярия капитан-командора Беринга, капитана А.И. Чирикова и капитана I ранга П.К. Креницына). Оп. 1. Д. 44.
- 26.Ф. 1331 (Атласы, карты и планы Центрального картографического производства военно-морского флота (коллекция)). Оп. 3. Д. 13, 20, 118.

Российский государственный архив древних актов

- 27.Ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение). Оп. 2. Д. 43.
- 28.Ф. 199 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). П. 133. Ч. 5. Д. 470.
- 29.Ф. 199 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). П. 150. Ч. 12. Д. 8.
- 30.Ф. 199 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). П. 349. Ч. 1. Д. 37, 38.
- 31.Ф. 199 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). П. 533. ДД. 2, 8.
- 32.Ф. 199 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). П. 535. Д. 1.
- 33.Ф. 199 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). П. 539. Ч. 1. ДД. 1, 1а.
- 34.Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 1292.
- 35.Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 4. Кн. 164. ДД. 27, 28.
- 36.Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 4. Кн. 188. Д. 3.
- 37.Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 13. Кн. 690. Д. 25.
- 38.Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 13. Кн. 758. Д. 25.
- 39.Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2891.

Российский государственный исторический архив

- 40.Ф. 13 (Департамент министра коммерции (1799 – 1811 гг.)). Оп. 2. Д. 1069.
- 41.Ф. 468 (Кабинет Е.В.). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3920.

- 42.Ф. 468 (Кабинет Е.В.). Оп. 43. Д. 466.
- 43.Ф. 468 (Кабинет Е.В.). Оп. 45. Д. 616.
- 44.Ф. 1263 (Комитет министров). 1815. Д. 79.
- 45.Ф. 1263 (Комитет министров). 1816. Д. 120.
- 46.Ф. 1264 (I Сибирский комитет). Оп. 1. Д. 577.
- 47.Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной (1809 – 1880 гг.)). Оп. 1. Д. 75, 217.
- 48.Ф. 1329 (Именные указы и повеления Сенату (коллекция)). Оп. 3. Д. 249.
- 49.Ф. 1374 (Канцелярия генерал-прокурора). Оп. 1. Д. 236.

Сборники документов, записки и воспоминания

- 50.Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. XVII – XVIII века. М.: Наука, 1964. 136 с.
- 51.Атлас истории географических открытий и исследований. М.: Главное управление геодезии и картографии МВД СССР, 1959. 109 с.
- 52.Багров Л.С. Карты Азиатской России. Пг., 1914. 28 с.
- 53.[Болховитинов К.] Известие о первом российском посольстве в Японию. М., 1805. 30 с.
- 54.Внешняя политика России, XIX – начало XX века: Документы русского Министерства Иностранных дел. Сер. 1. М.: Госполитиздат, т. 1.1960. Т. 2. 1961.
- 55.Головнин В.М. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. // Книга Путешествий. М.: Наталис, 2000. С. 226 – 349.
- 56.Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск: Хабаровское книжное издво, 1972. 526 с.
- 57.Головнин В.М. Сочинения, М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 507 с.
- 58.Горегляд В.Н. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая. Словарь. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 67 с.
- 59.Давыдов Г.И. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвосто-

- ва и Давыдова. Писанное сим последним. СПб., 1810. Ч. 1.
60. Кацурагава Хосю. Хокуса монряку (Краткие вести о скитаниях в северных водах) М.: Наука, 1978. 384 с.
61. Константинов В.М. Оросиякоу суймудан. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 133 с.
62. Космография 1670. СПб., 1878 – 1881. 450 с.
63. Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М.: ОГИЗ, гос. изд-во географической литературы, 1948. 296 с.
64. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1976. 392 с.
65. [Лаксман А.К.] Журнал поручика Адама Лаксмана // Головин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972. С
66. Материалы по истории Академии Наук. СПб., 1886. Т. III, 1887. Т. IV.
67. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М.: Изд-во географической литературы, 1951. 610 с.
68. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн.1. 1701 – 1713. СПб., 1882. Кн. 2. 1713 – 1724. СПб., 1885.
69. Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. 196 с.
70. Позднеев Дм. Материалы по истории северной Японии и Ея отношения к материку Азии и России. Иокогама, 1909. Т. 2. Ч. II, III.
71. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее - ПСЗ). СПб., 1830.
72. Преображенский А.А. Первое посольство в Японию // Исторический архив. 1961. № 4. С. 113 – 148.
73. Реляция с фронта // Санкт-Петербургские ведомости. 1802. № 72 (8 сентября).
74. Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам.

- гам в 1812 и 1813 годах и о сношениях его с японцами. СПб, 1816. 139 с.
75. Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях его с японцами // Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1972. С. 376 – 447.
76. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1799 – 1815: Сб. док. М.: Наука, 1994. 278 с.
77. Русская тихоокеанская эпопея: Сб. док. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1979. 608 с.
78. Русские открытия в тихом океане и Северной Америке в XVIII веке: Сб. док. М.: ОГИЗ, 1948. 383 с.
79. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века: Сб. док. М.: Наука, 1984. 320 с.
80. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: Сб. док. М.: Наука, 1989. 397 с.
81. [Рюмин И.] Записки Канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беньковским // Северный архив. 1822. № 5, 6.
82. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией: Сб. док. М.: МИД Российской Федерации, МИД Японии, 1993.
83. Татаринов А. «Лексикон» русско-японский. М.: Изд. вост. лит-ры, 1962. 134 с.
84. Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства» // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С 137 – 142.
85. Чечин П. Записки японцев о России конца XVIII и начала XIX в.// Сибирский архив. 1913. № 3. С 124 – 143.
86. Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара. Спб, 1818. Ч. 2.
87. Экспедиция Беринга. М.: Главное архивное управление НКВД СССР, 1941. 418 с.

ЛИТЕРАТУРА

88. Бажина А.Е. Японская историография великих русских географических открытий // Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 49 – 59.
89. Баланева И.И. Оценка взглядов Накамура Синтаро по вопросу русско-японских культурных связей (XVIII – XIX вв.) // Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 79 – 94.
90. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: ОГИЗ, 1937. Т. 1. С. 57 – 144.
91. Берг Л.С. История русских географических открытий. М.: Изд-во Академии Наук, 1962. 296 с.
92. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л.: Изд-во Академии Наук, 1946. 379 с.
93. Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во Академии Наук, 1949. 465 с.
94. Берх В.Н. Сношения русских с Японией или образцы японской дипломатии // Северный архив. 1826. Ч. 22. № XIV, XV.
95. Вада Харуки. Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия как проблема всемирной истории. М.: АИРО – XX, 1999. С. 299 – 313.
96. Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX в. // Русская старина. 1895. Кн. VII. С 125 – 141. Кн. X. С. 201 – 235.
97. Гнучева В.Ф. материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. М–Л.: Изд-во академии Наук СССР, 1940. 312 с.
98. Гольденберг Л.А. Каторжанин – сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан: Магаданская кн. изд-во, 1979. 287 с.
99. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ,

- 1942 – после 1720 г. М.: Наука, 1976. 465 с.
100. Горегляд В.Н. Рукопись «Канкай ибун» в собрании СпбИВ РАН // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX – XX веках. СПБ., 1998. С. 7 – 24.
 101. Горегляд В. Н. «Удивительные сведения об окружающих морях» – японская рукопись начала XIX в. // Страны и народы Востока. М., 1959. Вып. 1. С. 213 – 228.
 102. Греков В.И. Очерки из истории русских географических экспедиций в 1725 – 1765 гг. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 428 с.
 103. Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М.: Мысль, 1971. 574 с.
 104. Дружинин Н.М. Русские мореплаватели в старой Японии. Л.: Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1924. 144 с.
 105. Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М.: Географгиз, 1950. 105 с.
 106. Ефимов А.В. Из истории великих географических открытий. М.: Мысль, 1971. 300с.
 107. Жуков Ю. Русские и Япония. М.: Изд-во главсевморпути, 1945. 158 с.
 108. Иванов П.И. Распоряжения Петра Великого для обучения русских японскому языку // Вестник императорского русского географического общества. Спб, 1853. Кн. III. Отд. VIII. С. 4 – 5.
 109. История внешней политики России. XVIII век. М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
 110. История внешней политики России. I половина XIX в. М.: Международные отношения, 1995. 448 с.
 111. Кин Д. Японцы открывают Европу, 1720 – 1830. М.: Наука, 1970. 207 с.
 112. Кожевников В.В. Проблема Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях //Исторические чтения: Труды Государственного архива

- Сахалинской области. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 1997. Вып. 2. С. 285 – 305
113. Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII – XIX вв. Владивосток: Изд-во дальневосточного университета, 1997. 112 с.
 114. Козловский Ю.Б. Феномен рационализма XVII – XVIII вв. // Восток, 1991. № 4. С. 46 – 56.
 115. Колотыгин Н.П. О Японии и Японской торговле или новейшее историко-географическое описание японских островов. Спб., 1817. 71 с.
 116. Константинов В.М. На заре русско-японских отношений // Международные связи России в XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1966. С. 471 – 478
 117. Константинов В.М. «Оросиякоу суймудан» как памятник ранних русско-японских отношений. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1959.
 118. Константинов В.М. Первый в Японии крупный научный труд о России // Народы Азии и Африки. 1963. № 4. С. 99 – 108
 119. Константинов В.М. Россия XVIII века глазами японцев // Краткие сообщения института народов Азии и Африки. М.: Изд-ва восточной литературы, 1961. Вып. 44. С. 67 – 76.
 120. Константинов В.М. Сведения об экипаже корабля «Синсё-мару» // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 129 – 133
 121. Константинов В.М. Свидетельства японцев о России XVIII века // Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 76 – 81.
 122. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века. Новосибирск: Наука, 1974. 252 с.
 123. Крутянко М.И. Изучение России в Японии // Народы Азии и Африки. 1980. № 2. С. 149 – 155.
 124. Куликова А.М. Начало изучения японского языка в России // Народы Азии и Африки. 1979. № 4. С. 134 – 145.
 125. Куликова А.М. Зарождение японоведения в России // Народы Азии и Африки. 1980. № 2. С. 149 – 155.

ки. 1990. № 4. С. 101 – 112

126. Куликова А.М. Новый документ о первом японце в России // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная сессия ЛО ИВАН СССР. Л.: Наука, 1972. С. 32 – 34.
127. Курилы: острова в океане проблем. М.: РОССПЭН, 1998. 519 с.
128. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 384 с.
129. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб, 1890. 488 с.
130. Макарова Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII – 60-е гг. XIX в. М.: Московский государственный историко-архивный институт, 1974. 118 с.
131. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968. 200 с.
132. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1: С конца XVI в. М.: Мысль, 1973. 324 с.
133. Мещеряков А.Н. Внешний фактор в истории Японии и проблема национальной самоидентификации // Восток, 1992. № 4. С. 15 – 20.
134. Мещеряков А.Н. Книга японских обыкновений // Книга обыкновений. М.: Наталис, 1999. С. 6 – 217.
135. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Изд-во академии Наук СССР, 1937. т.1. 607 с.
136. Мураяма Ситиро. Первые в Японии сведения о народностях России // Народы Азии и Африки. 1969. № 1. С. 129 – 132.
137. Новаковский С.И. Россия и Япония. Токио, 1918. Ч.1. 212 с.
138. Норченко А.Н. Хроника полузабытых плаваний. СПб: Элмор, 1999. 177 с.
139. Оглоблин Н.Н. Первый японец в России, 1701 – 1705 // Русская старина. 1891. № 10. С. 11 – 24
140. О состоянии классического востоковедения в СССР // Народы Азии и Аф-

- рики, 1989. № 5. С. 103 – 111.
141. Очерки новой истории Японии. 1640 – 1917. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 598 с.
 142. Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М.: Наука, 1974. 176 с.
 143. Петрова О.П. Сведения о Японии, полученные от японцев в петровское время.// Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVII. Кн. 3. С. 158 – 166.
 144. Петрова О.П. Японский язык в России в первой половине XVIII в. // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 163 – 166.
 145. Плотников А.Ю. 1994. Русско-японские отношения в период их становления. Посольство Н.П. Резанова и экспедиции 1806 – 07 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
 146. Подпалова Г.И. Русское японоведение в XVIII – начале XX в. // Япония: Ежегодник. 1991 – 1992. М., 1994. С. 209 – 231.
 147. Полевой Б.П. В поисках уникальных документов по истории Сахалина и Курильских островов XVII – XIX вв. // Исторические чтения: Труды Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск: сахалинская областная типография, 1997. Вып. 2. С. 265 – 281
 148. Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. // Сибирский географический сборник, 1964. Вып. 3. С. 224 – 270.
 149. Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских остров. Южно-Сахалинск: Дальневосточное кн. изд-во, 1982. 208 с.
 150. Полевой Б.П. Цепь ошибок. Курильская проблема: история и политика //Дальний Восток. 1992. № 4. С. 3 – 25.
 151. Полонский А. Курилы. М., 1871. 208 с.
 152. Попов К.М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М.: Мысль, 1964. 634 с.
 153. Преображенский А.А. Японцы глазами первого русского посольства.// Об-

- щественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 303 – 311.
154. Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII века. Л.: Наука, 1971. 274 с.
155. Ремарчук В.В. За сто лет до кораблекрушения Дэнбэя // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1998. Т. 2. С. 235 – 237.
156. Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: Наука, 1986. 112 с.
157. Самойлов В. Из истории сношений России с Японией в XVII – XVIII веках.// Исторический журнал. 1940. № 6. С. 103 – 114
158. Северные территории Японии. М.: Посольство Японии в Москве, 1992. 16 с.
159. Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. Иркутск: изд-во Иркутского ун-та, 1993. 254 с.
160. Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку // Морской сборник. 1868. Т. 99. № 12. С. 55 – 61.
161. Сгибнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий // Морской сборник. 1869. № 1. С. 37 – 72.
162. Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик севера. М.: Изд-во «МИК», 1999. 200 с.
163. Синтаро Накамура. Японцы и русские. М.: Прогресс, 1983. 304 с.
164. Спандарьян В. Как это удалось японцам? // Международная жизнь, 1990. № 4. С. 86 – 98.
165. Стадниченко А.И. Э.Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697 – 1875 гг.// Вопросы истории, 1964. № 3. С. 131 – 132.
166. Табачко Н.С. Японские авторы о роли японских «исследователей севера» Могами Токунай, Кондо Дзюдзо и Мамия Риндзо в открытии Курильских островов и Сахалина // Японская историография отношений России с сопредель-

- ными странами на Дальнем Востоке. Владивосток: ДВИЦ АН СССР, 1986. С. 59 – 79.
167. Титов А.А. Сибирь в XVII в. М., 1890.
168. Тихвинский Л.С. Проблемы русско-японских отношений в новейшей советской историографии // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 117 – 125.
169. Топоров В.П. Россия и Япония на встречных путях. / Народы Азии и Африки. 1989. № 5. С. 47 – 61.
170. Файнберг Э.Я. К истории установления официальных отношений между Россией и Японией // Советское востоковедение, 1955. № 3. С. 41 – 56.
171. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697 – 1875 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 315 с.
172. Файнберг Э.Я. Экспедиция Лаксмана в Японию (1792 - 1793) // Труды Московского института востоковедения. 1947. № 5. С. 143 – 165.
173. Файнберг Э.Я. Японцы в России в период самоизоляции Японии // Япония. Вопросы истории. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 226 – 260.
174. Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений .XVII – XIX века. М.: Наука, 1999. 256 с.
175. Черевко К.Е. Игнатий Козыревский – автор «Описания Апонского государства» // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С 137 – 142.
176. Черевко К.Е. Как в Россию проникали первые сведения о Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4. С. 122 – 130.
177. Черевко К.Е. Курильские острова в русской и зарубежной картографии // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980. С. 161 – 174.
178. Черевко К.Е. Покушение на истину // Знакомьтесь – Япония. 1995. № 10. С. 70 – 75.
179. Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина: история и современность //Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 1. С. 126 – 135.

- ▲ 180. Чехов А.П. Остров Сахалин // ПСС. М.: Наука, 1978. Т. 14 – 15.
С. 39 – 372.
181. Шафрановская Т.П. Япония в середине XVIII века По сообщению И.И. Георги // Страны и народы Востока. 1972. Вып. XIII. Кн. 2. С 156 – 167.
182. Щетинина Е.В. Идеологические концепции экспансии политики Японии на Дальнем Востоке в 70 – 80-х годах XIX в. // Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 5 – 19.
- 183. Якобашвили И.А. Вопросы истории русско-японских отношений в работах советских историков // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: Наука, 1986. С. 27 – 35.
184. Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М.: МИКАП, 1994. 240 с.
185. Ясуси Иноуэ. Сны о России. М.: Наука, 1980. 232 с.
186. Aston W. G. Russian Descents into Sakhalin and Itourup // Translations of the Asiatic Society of Japan. First Series. I. Tokyo, 1882.
187. Lensen G.A. The Russian Push Towards Japan.– Russo-Japanese Relations 1697 – 1875. Princeton: New Jersey Princeton University Press, 1959. 554 p.
- ◆ 188. Stephen John Jason. The Kuril Islands. Oxford, 1974. 279 p.

ЯПОНЦЫ В РОССИИ (XVII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)¹

№ п/п	Имя		Возраст	Время пребыва- ния в России	Деятельность		По каким источникам известен
	В Японии	В России			В Японии	В России	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	?	Николай Августинец	?	Период смутного времени (прим. 1600 – 1611)	Крещен на Филиппинах	Сопровождал католи- ческого священника Николая де Мело. Пребывал в заключе- нии. Казнен или бе- жал в Польшу.	Источники католического проис- хождения.
2	Дэмбей (Дембей, Денбей) Татэкова	С 1710 г. Гавриил Богданов	?	1695 – после 1710	Купец (при- казчик)	Учитель японского языка; женат; сын – живописец при АН России. Источник ин- формации о Японии	Сказка В. Атласова. Сказка Дембея. Указы Петра I.
3	Санъэмон (Санима)	Иван Яковлев	?	1710 – 1734 (?)	?	Учитель школы япон- ского языка. Источник информации о Японии	Сказки японца Ивана Яковлева. И. Козыревский. Запись сообщений бывшего жителя Японии Ивана Яковлева. Дело о воз- вращении в Якутск принявшего хри- стианскую веру японца Якова Мак- симова Доношение И.П. Козыревского в якутскую воеводскую канцелярию о своей деятельности на Камчатке и Курильских островах.

¹ Таблица составлена на основе материалов АВПРИ, РГАВМФ, РГАДА, РГИА, ОР РНБ и опубликованных источников.

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
4	Мацубэ (Мацбе)	Яков Максимов	?	1710 – I половина XVIII в.	купец	Переводчик экспедиции М.П. Шпанберга 1741 г.; женат; дети. В 1746 г. разыскивался в качестве переводчика для группы японцев	Доношение И.П. Козыревского в якутскую воеводскую канцелярию о своей деятельности на Камчатке и Курильских островах. Табель состава II Камчатской экспедиции. Дело о выкинутых в Курильских островах на берег японцах. Дело о возвращении в Якутск принявшего христианскую веру японца Якова Максимова.
5	Ацбей	Степан Андреев	?	1710 – не позднее 1719	?	Жил в Якутске; женат	Дело о возвращении в Якутск принявшего христианскую веру японца Якова Максимова
6	Сирокэи (Ширкей)	?	?	1710 – ?	?	Трое из этой группы японцев участвовали в экспедиции И. Козыревского 1711 – 1713 по поискам Японии	Доношение И.П. Козыревского в якутскую воеводскую канцелярию о своей деятельности на Камчатке и Курильских островах.
7	Тэйсукэ (Тиски)	?	?	1710 – ?	?		
8	Кидзути	?	?	1710 - ?	?		
9	Симанаки (Шиманаки)	?	?	1710 - ?	?		
10	Гонза (Гондза, Гомза)	С 1734 г. Дамиан Поморцев	В год смерти – 21 год	1727 - 1739	Сын штурмана	Учитель школы японского языка. Совместно с А.И. Богдановым составил ряд пособий по японскому языку. Обучался рисованию	Дело о возвращении в Якутск принявшего христианскую веру японца Якова Максимова. Дело по предложению сенатора Михаила Гавриловича Головкина об использовании двух японцев, взятых в плен с японского судна, прибитого к берегам Камчатки и привезенных в Петербург. Челобитная японских учеников П.

1	2	3	4	5	6	7	8
11	Содза-эмон (Содза)	С 1734 г. Козьма Шульц	В год смерти – 43 года	1727 – 1736	купец	Обучался переплетению книг. Учитель школы японского языка	Шенаныкина и А. Фенева и японца Дамиана Помроцева. Краткие сведения о японском городе Зазме. С. Крашенинников. Описание земли камчатки. Материалы по истории Академии Наук
12	?	Василий Панов	?	1745 - ?	?	Проживал в Якутске, с 1747 по 1753 гг – в Петербурге; в 1753 г привезен в Иркутск. Преподаватель школы японского языка	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств-коллегию. Дело о выкинутых в Курильских островах на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург. Японский счет, слова, фразы (автограф)
13	?	Петр Черный (Черных)	?	1745 – 1761	?	Проживал в Якутске, с 1747 по 1753 гг – в Петербурге; в 1753 г привезен в Иркутск. Преподаватель школы японского языка	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств-коллегию. Дело о выкинутых в Курильских островах на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург. Дело о пересылке Иркутской провинциальной канцелярией в Сенат японской лаковой чашки, обнаруженной у иркутского сына боярского

Продолжение приложения

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
							Матвея Новограбленного Японский счет, слова, фразы (авто- граф)
14	?	Мельни- ков	?	1745 – между 1747 и 1753	?	Привезен в Якутск, с 1747 проживал в Пе- тербурге. Учитель школы японского языка	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств- коллегию. Дело о выкинутых в Курильских ост- ровах на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург.
15	?	Решетни- ков	?	1745 – между 1747 и 1753	?	Привезен в Якутск, с 1747 проживал в Пе- тербурге. Учитель школы японского языка	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств- коллегию. Дело о выкинутых в Курильских ост- ровах на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург.
16	?	Григорий Свильин	?	1745 – 15 января 1763	?	Привезен в Якутск, с 1747 по 1753 гг про- живал в Петербурге. В 1753 г. перевезен в Иркутск. Учитель школы японского языка	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств- коллегию. Дело о выкинутых в Курильских ост- ровах на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург.

1	2	3	4	5	6	7	8
							Японский счет, слова, фразы (автограф)
17	Юсончей (Юсонти)	Фома Ле- бедев	?	1745 – между 1747 и 1753 гг.	?	Привезен в Якутск, с 1747 г в Петербурге. В ряде источников на- зываются главой группы ездивших в Петер- бург японцев	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств- коллегию. Дело о выкинутых в Курильских ост- рова на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург.
18	?	Арефьев	?	1745 – 1746	?	Умер в Большерецке	Упоминается в работе А. Сгибнева «Об обучении в России»
19	Яжэй (Ихэй, Игач)	Матвей Григорьев- ич Поп- зов	?	1745 – после 1761г.	?	Проживал в Якутске, в 1753 г переехал в Илимск, в 1762 г – в Иркутск. Учитель школы японского языка	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств- коллегию. Дело о выкинутых в Курильских ост- рова на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург. Японский счет, слова, фразы (авто- граф)
20	Самироу Кюсэ (Каюсукэ)	Иван Се- менович Афанасьев	?	1745 – после 1761г.	?	Проживал в Якутске, в 1753 г переехал в Илимск, в 1762 г – в Иркутск. Учитель школы японского языка	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств- коллегию. Дело о выкинутых в Курильских ост- рова на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти

1	2	3	4	5	6	7	8
							японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург. Японский счет, слова, фразы (автограф)
21	Тёсукэ	Филипп Никифорович Трапезников	?	1745 – после 1761г.	?	Проживал в Якутске, в 1753 г переехал в Илимск, в 1762 г – в Иркутск. Учитель школы японского языка. Женат. Сын, Иван – участник экспедиции А.К. Лаксмана в Японию в 1792 – 1793 гг в качестве управляющего делами (в чине сержанта геодезии). Затем – прапорщик (XIV ранг) уездный землемер	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств-коллегию. Дело о выкинутых в Курильских островах на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург. Японский счет, слова, фразы (автограф). Кацурагав Хосю «Хокуса монряку»
22	Саносукэ ¹	Иван Исаевич Татаринов	?	1745 – 16 августа 1765 г.	?	Проживал в Якутске, в 1753 г переехал в Илимск, в 1762 г – в Иркутск. Учитель школы японского языка. Женат. Сын, Андрей – автор «Лексикона» русско-японского	Донесения иркутской губернской канцелярии в Адмиралтейств-коллегию. Дело о выкинутых в Курильских островах на берег японцах. Донесение из Иркутской канцелярии об отыскании на Курилах 10-ти японцев и отправлении 5 из них в Санкт-Петербург.

¹ В источниках также упоминаются другие имена японцев этой группы, которые не соотнесены с их именами после крещения: Суэмо (Си чимо), Садзиморо, Каюдэра, Кацуэмон.

1	2	3	4	5	6	7	8
							Японский счет, слова, фразы (автограф) «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова.
23	Ёсомацу	—	?	1787 – 5 (16) апреля 1788 г.	крестьянин, повар на корабле «Синсёмару»	С о. Амчитка привезен на Камчатку, где умер от болезни	[Дело] о разбившемся близ Алеутского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Кацурагава Хосю «Хокуса монряку»
24	Кантаро	—	?	1787 – 11 (22) апреля 1788 г.	крестьянин, матрос	С о. Амчитка привезен на Камчатку, где умер от болезни	[Дело] о разбившемся близ Алеутского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Кацурагава Хосю «Хокуса монряку»
25	Токити	—	?	1787 – 6 (17) мая 1788 г.	крестьянин, матрос	С о. Амчитка привезен на Камчатку, где умер от болезни	[Дело] о разбившемся близ Алеутского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Кацурагава Хосю «Хокуса монряку»
26	Кюэмон	—	?	1787 – 13 (24) января 1791 г.	крестьянин, матрос	С о. Амчитка привезен на Камчатку, затем в Иркутск, где умер от болезни	[Дело] о разбившемся близ Алеутского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Кацурагава Хосю «Хокуса монряку»
27	Сёдзо	Федор Степанович Ситников	?	1787 – между 1792 и 1805 гг.	крестьянин, матрос	С о. Амчитка привезен на Камчатку, затем в Иркутск, где принял православную веру. Учитель школы японского языка.	[Дело] о разбившемся близ Алеутского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Высочайший указ 13 сентября 1791 г. «Оросиякоку суймудан». Кацурагава Хосю «Хокуса монряку»

1	2	3	4	5	6	7	8
28	Синдзо	Николай Петрович Колоты- гин	В год смерти (1810) 56 – 57 лет	1787 - 1810	крестьянин, матрос	С о. Амчитка приве- зен на Камчатку, за- тем в Иркутск. Учи- тель школы японского языка. Переводчик группы японцев с судна «Вакамия- мару» в 1796 – 1803 гг. Дослужился до чи- на титулярного совет- ника (IX ранг). Автор книги «О Японии и японской торговле...»	[Дело] о разбившемся близ Алеут- ского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Высочайший указ 13 сентября 1791 г. Письмо И.Ф. Миллера в редакцию журнала «Сын Отечества». Докладная записка о состоянии Японской школы в Иркутске и об отменении оной. (1805 г.). [Дело] о пребывании в Санкт- Петербурге японцев из числа 15 че- ловек спасенных в 1794 г. от кораб- лекрушения на Алеутских островах (автографы). Н.П. Колотыгин. «О Японии и япон- ской торговле...» Кацурагава Хосю «Хокуса монряку»
29	Коити	-	В год смерти – 47 лет	1787 – 1792	Крестьянин, матрос. Воз- вращен в Японию пер- вым русским посольством 1792 – 1793 гг. Умер в 1793 г. на о. Хоккайдо, дожидаясь передачи японским властям.	С о. Амчитка приве- зен на Камчатку, за- тем в Иркутск. Его возвращение на роди- ну вместе с товари- щами использовано в качестве предлога для организации посоль- ства А.К. Лаксмана в Японию.	[Дело] о разбившемся близ Алеут- ского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Высочайший указ 13 сентября 1791 г Журнал А.К. Лаксмана. Кацурагава Хосю «Хокуса монряку»

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
30	Исокити	-	В 1792 г. 29 лет. Умер в 1834 г. в возрасте 70 лет	1787 – 1792	Крестьянин, матрос. Возвращен в Японию русским посольством 1792 – 1793 гг. Допрошен в присутствии сёгуна. Оставлен в Эдо. Своими рассказами способствовал развитию знаний о России.	С о. Амчитка привезен на Камчатку, затем в Иркутск. Его возвращение на родину вместе с товарищами использовано в качестве предлога для организации посольства А.К. Лаксмана в Японию.	[Дело] о разбившемся близ Алеутского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Высочайший указ 13 сентября 1791 г Журнал А.К. Лаксмана. Кацурагава Хосю «Хокуса монряку». «Оросиякоку суймудан»
31	Дайкокуя Кодаю (Кодою, Кодай)	-	В год смерти (1828) 78 лет	1787 – 1792	Крестьянин, капитан корабля «Синсёмару». Возвращен в Японию русским посольством 1792 – 1793 гг. Допрошен в присутствии сёгуна. Оставлен в Эдо. Женат. Сын – Дайкоку Бай-	С о. Амчитка привезен на Камчатку, затем в Иркутск. Вместе с академиком Э.Г. Лаксманом путешествовал в Петербург, где в 1791 г. удосторился аудиенции у Екатерины II; встречался с членами императорской фамилии и высшими государственными сановниками. Исправил карту Японии Э. Кемпфера. До-	[Дело] о разбившемся близ Алеутского острова японском судне и о привозе находившихся на нем десяти человек японцев в Нижнекамчатск. Донсения в государственную Коллегию Иностранных дел из Иркутского наместнического правления. Письмо Э.Г. Лаксмана А.Р. Воронцову президенту Коммерц-коллегии. Ж. Лессепс. «Дневники путешествия по Камчатке». Высочайший указ 13 сентября 1791 г Журнал А.К. Лаксмана. Кацурагава Хосю «Хокуса монряку». «Оросиякоку суймудан»

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
					ин – рангакуся. Своими рассказами способствовал развитию знаний о России.	бивался возвращения на родину, которое было использовано в качестве предлога для организации посольства А.К. Лаксмана в Японию.	
32	Садаю (Садай)	?	?	1794 – после 1803	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1796 г. проживал в Иркутске. Из-за болезни в 1802 г. в Санкт-Петербург не ездил.	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них с действительным камергером Резановым в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их части. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.) «Канкай ибун».
33	Сейдзо (Шезоо, Сею)	?	?	1794 – после 1803	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1796 г. проживал в Иркутске. Из-за болезни в 1802 г. в Санкт-Петербург не ездил.	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их части. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова.

1	2	3	4	5	6	7	8
							Высочайшие указы (1803 г.) «Канкай ибун».
34	Гиндзабуро (Генезабуро, Забуро)	?	?	1794 – после 1803	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1796 г. проживал в Иркутске. По дороге в Санкт-Петербург из-за болезни остался в Перми, откуда вернулся в Иркутск.	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их участии. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.) «Канкай ибун».
35	Хацисабуро	Иван Киселев (?) Семен Киселев (?)	?	1794 – после 1803	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1796 г. проживал в Иркутске. Крещен до поездки в Санкт-Петербург. Поездка в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I.	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их участии. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.) Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. «Канкай ибун».
36	Ицигоро (Цигоро)	Иван Киселев (?)	?	1794 – после	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 че-

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
		Семен Киселев (?)		1794 – после 1803		1796 г. проживал в Иркутске. Крещен до поездки в Санкт-Петербург. Поездка в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I.	ловек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их участии. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.). Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. «Канкай ибун».
37	Тамино- сукэ	Иван Ки- селев (?) Семен Киселев (?)	?	1794 – после 1803	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1796 г. проживал в Иркутске. Крещен до поездки в Санкт-Петербург. Поездка в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I.	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их участии. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.). Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. «Канкай ибун».
38	Модзиро (Моги- фей) Абей	С 1803 г. Михаил Деларов (?) Захар	?	1794 – после 1803	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1796 г. проживал в Иркутске. Поездка в	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах.

1	2	3	4	5	6	7	8
		Булдаков (?)				Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I. Между 20 июля и 1 октября 1803 г. крещен в присутствии директоров правления РАК Деларова и Булдакова.	вах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их части. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.). Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. «Канкай ибун».
39	Миносукэ (миносук, миносу- хе) Годоя	С 1803 г. Михаил Деларов (?) Захар Булдаков (?)				С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1796 г. проживал в Иркутске. Поездка в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I. Между 20 июля и 1 октября 1803 г. крещен в присутствии директоров правления РАК Деларова и Булдакова.	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их части. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.). Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. «Канкай ибун».
40	Тацузо Сакурая	С 18 мая 1795 г. Андрей Кондратьев	В 1795 г. 21 год	1794 – после 1803	Крестьянин, матрос.	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1795 г. проживал в Иркутске. Крещен в Иркутске. Поездка в Санкт-Петербург в	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них с действительным камергером Резановым

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
						сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I.	в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их участии. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Дело о вывезенных из Охотска в Иркутск японцах, из которых двое приняли христианскую веру и названы Петром Киселевым и Андреем Кондратьевым. Высочайшие указы (1803 г.). Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. «Канкай ибун».
41	Дзэнроку (Дзензо-шегарехебэ) Судая	С 18 мая 1795 г. – Петр Киселев.	В 1795 г. 24 года	1794 – после 1814	Крестьянин, матрос	С Алеутских островов привезен в Охотск; с 1795 г. проживал в Иркутске. Крещен в Иркутске. Поездка в качестве переводчика в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I. Учитель школы японского языка в Иркутске. Принимал участие в судьбе японцев с корабля "Кинсёмару". Участие в кругосветной экспедиции	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их участии. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Дело о вывезенных из Охотска в Иркутск японцах, из которых двое приняли христианскую веру и названы Петром Киселевым и Андреем Кондратьевым. Высочайшие указы (1803 г.).

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
						<p>И.Ф. Крузенштерна. В Японию с посольством Н.П. Резанова не ездил. Переводчик экспедиции П.И. Рикорда в Японию. В 1814 г. имел чин коллежского регистратора (XIV ранг).</p>	<p>Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. Донесение Нижнекамчатского коменданта Кошелева (1804 г.). Рапорт Н.П. Резанова Е.И.В. от 16 августа 1804 г. из Петропавловского порта. Список офицерам и нижним чинам, служившим на шлюпе «Диана», представленным к награждению. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Японский плен 7-ми Россиян в 1811-м, 12-м и 13-м годах, описанный одним из участвовавших в оном Андреем Хлебниковым. «Канкай ибун».</p>
42	Цудаю (Старой)	-	В 1804 г. 61 год	1794 – 1803	Штурман корабля «Бакамия-мару». Возвращен в Японию посольством 1804 – 1805 гг. После возвращения допрошен в	С Алеутских островов привезен в Охотск, с 1796 г. проживал в Иркутске. Поездка в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I. Возвращение на родину с Первой рус-	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их части. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Сели-

1	2	3	4	5	6	7	8
					присутствии главы клана Сендай. Его рассказы о России не существенно дополнили информацию Кодаю и Искити.	ской кругосветной экспедицией посольством Н.П. Резанова	фонтова. Высочайшие указы (1803 г.) Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. Список Господам генералит штаб и обер офицерам и нижним чинам и служителям с показанием сколько кому от роду лет и как исповедании. Журнал путешествия ... Резанова из Камчатки в Японию и обратно. Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара. «Канкай ибун».
43	Гихэй (Гихээ, Гофей) Окудай	-	В 1804 г 43 года.	1794 - 1803	Крестьянин, матрос. Возвращен в Японию посольством 1804 – 1805 гг. После возвращения допрошен в Присутствии главы клана Сендай. Его рассказы о России не существенно дополнили информацию	С Алеутских островов привезен в Охотск, с 1796 г. проживал в Иркутске. Поездка в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиенция у Александра I. Возвращение на родину с Первой русской кругосветной экспедицией посольством Н.П. Резанова.	[Дело] о пребывании в Санкт-Петербурге японцев из числа 15 человек, спасенных в 1794 году от кораблекрушения на Алеутских островах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Иркутск и о дальнейшей их части. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Высочайшие указы (1803 г.) Реестр японцам называемой губернии Сенда-инокуни вольных людей. Список Господам генералит штаб и обер офицерам и нижним чинам и служителям с показанием сколько

1	2	3	4	5	6	7	8
44	Сахэй (Сахэйда, Сафей) Доия	-	В 1804 г 52 года (по другим данным – 42 го- да)	1794 – 1803	Кодаю и Исо- кити.		кому от роду лет и как исповедании. Журнал путешествия ... Резанова из Камчатки в Японию и обратно. Шемелин Ф. Журнал первого путе- шествия россиян вокруг земного ша- ра. «Канкай ибун».
45	Тадзуро (Тажуро) Окудай	-	В 1804 г 34 года	1794 – 1803	Крестьянин, матрос. Воз- вращен в Японию по- сольством 1804 – 1805 гг. В Нагаса- ки попытка самойбийст- ва. После воз- вращения до- прошен в Присутствии главы клана Сендай. Его рассказы о России не существенно дополнили информацию Кодаю и Исо-	С Алеутских островов привезен в Охотск, с 1796 г. проживал в Иркутске. Поездка в Санкт-Петербург в сопровождении Н.П. Колотыгина. Аудиен- ция у Александра I. имел намерение ос- таться в России. Воз- вращение на родину с Первой русской кру- госветной экспедици- ей посольством Н.П. Резанова.	Дело] о пребывании в Санкт- Петербурге японцев из числа 15 че- ловек, спасенных в 1794 году от ко- раблекрушения на Алеутских остро- вах, отправлении шести из них... в Японию, а остальных, принявших христианскую еру, обратно в Ир- кутск и о дальнейшей их участии. Рапорт Тобольского, Томского и Ир- кутского генерал-губернатора Сели- фонтова. Высочайшие указы (1803 г.) Реестр японцам называемой губер- нии Сенда-инокуни вольных людей. Список Господам генералит штаб и обер офицерам и нижним чинам и служителям с показанием сколько кому от роду лет и как исповедании. Журнал путешествия ... Резанова из Камчатки в Японию и обратно. Шемелин Ф. Журнал первого путе-

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
					кити.		шествия россиян вокруг земного шара. «Канкай ибун».
46	Ивамацу	-	?	1803 – 1807	Кок корабля «Кинсё-мару». После возвращения в Японию допрошен мелкими чиновниками вернулся домой	С северных Курильских островов привезен в Нижнекамчатск. Возвращен в Японию через Курильских айнов.	Донесения Нижнекамчатского коменданта Кошелева. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Окамото Рюносуке. «Хоккаидо сикко».
47	Цугиэмон	-	?	1803 – 1807	Старший матрос корабля «Кинсё-мару». После возвращения в Японию допрошен мелкими чиновниками и отпущен домой.	С северных Курильских островов привезен в Нижнекамчатск. Возвращен в Японию через Курильских айнов.	Донесения Нижнекамчатского коменданта Кошелева. Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова. Окамото Рюносуке. «Хоккаидо сикко».
48	Канъэмон	-	?	1803 – 1807	Крестьянин, матрос. После возвращения в Японию допрошен мелкими чиновниками и отпущен домой.	С северных Курильских островов привезен в Нижнекамчатск. Возвращен в Японию через Курильских айнов.	Донесения Нижнекамчатского коменданта Кошелева.
49	Китигоро	-	?	1803 – 1807			Рапорт Тобольского, Томского и Иркутского генерал-губернатора Селифонтова.
50	Санъэмон	-	?	1803 – 1807			Окамото Рюносуке. «Хоккаидо сикко».
51	Янаи	-	?	1803 – 1807			

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
52	Томигоро Сасаки	—	?	1806 – 1807	Стражник японского поселения на о. Сахалин. После возвращения в Японию – запись о пребывании в России	В 1806 г. взят в плен Н.А. Хвостовым на о. Сахалин. Зимовье на камчатке. В 1807 г. отпущен Хвостовым на о. Рисири.	Рапорт Нижнекамчатского коменданта Кошелева (1807 г.) Экстракт из журнала фрегата «Юнона». Плавание от Охотска в губу Анива и обратно в камчатку гавань Петра и Павла. Сентября с 14 ^{го} Ноября по 19 ^е число 1806. Мацунага Тёокэн «Карафуто оёби Камучатка». Окамото Рюносуке «Хоккайдо сикко»
53	Торидзо Накамура	—	?	1806 – 1807			
54	Генсити Фудзия (Гензицы)	—	?	1806 – 1807	Стражник японского поселения на о. Сахалин. После возвращения в Японию – запись о пребывании в России. В 1811 – 1813 гг. охранял содержавшихся в плену на о. Хоккайдо. Головнина и его товарищей.	В 1806 г. взят в плен Н.А. Хвостовым на о. Сахалин. Зимовье на камчатке. В 1807 г. отпущен Хвостовым на о. Рисири.	Рапорт Нижнекамчатского коменданта Кошелева (1807 г.) Экстракт из журнала фрегата «Юнона». Плавание от Охотска в губу Анива и обратно в камчатку гавань Петра и Павла. Сентября с 14 ^{го} Ноября по 19 ^е число 1806. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плена у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Японский плен 7-ми Россиян в 1811-м, 12-м и 13-м годах, описанный одним из участвовавших в оном Андреем Хлебниковым. Мацунага Тёокэн «Карафуто оёби Камучатка». Окамото Рюносуке «Хоккайдо сикко»

1	2	3	4	5	6	7	8
55	Фукумаду Симада (Фочмады)	-	?	1806 - 1807	Стражник японского поселения на о. Сахалин. После возвращения в Японию – запись о пребывании в России. В 1811 – 1813 гг. охранял содержавшихся в плена на о. Хоккайдо. Головнина и его товарищей.	В 1806 г. взят в плен Н.А. Хвостовым на о. Сахалин. Зимовье на камчатке. В 1807 г. отпущен Хвостовым на о. Рисири.	Рапорт Нижнекамчатского коменданта Кошелева (1807 г.) Экстракт из журнала фрегата «Юнона». Плавание от Охотска в губу Анива и обратно в камчатку гавань Петра и Павла. Сентября с 14 ^{го} Ноября по 19 ^е число 1806. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плена у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Японский плен 7-ми Россиян в 1811-м, 12-м и 13-м годах, описанный одним из участвовавших в оном Андреем Хлебниковым. Мацунага Тёокэн «Карафуто оёби Камучатка». Окамото Рюносуке «Хоккаидо сикоо»
56	Сахээ (Софии)	-	?	1807 - 1811	Стражник японского поселения на о. Итуруп.	В 1807 г. взят в плен Н.А. Хвостовым на о. Итуруп. В Охотске попытка побега. Погиб в 1811 г. на рыбалке.	Рапорт Сибирского генерал-губернатора Е.И.В. и Румянцеву в 1807 г. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. Окамото Рюносуке «Хоккаидо сикоо»
57	Городзи Рёдза- эмон На- кагава (Дежой- мон, Лен	-	?	1807 - 1812	Стражник японского поселения на о. Итуруп.. После возвращения на родину	В 1807 г. взят в плен Хвостовым на о. Итуруп. В Охотске попытка побега. Выдавал себя за купца. Определен учителем	Рапорт Сибирского генерал-губернатора Е.И.В. и Румянцеву в 1807 г. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
	займо, Хорудзи, Хородзи)				вместе с Баба Садзюро пе- ревел на японский язык с помо- щью В.М. Го- ловнина при- везенную с собой книгу «О привива- нии коровьей оспры»	японского языка. По- сле его –просьб в 1812 году возвращен в Японию П.И. Рикор- дом. Отказался содей- ствовать освобожде- нию из японского плена В.М. Головнина и его товарищей.	японцами. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Японский плен 7-ми Россиян в 1811- м, 12-м и 13-м годах, описанный од- ним из участвовавших в оном Андре- ем Хлебниковым. Окамото Рюносуке «Хоккайдо си- коо»
58	Кудзо	–	?	1810 – 1812	Монах секты дзен. После возвращения на родину привез проти- вооспеннную вакцину. Описал свои приключения.	Спасен у берегов кам- чатки. Перевезен в Охотск. Возвращен в Японию П. И. Рикор- дом в надежде на от- ветное освобождение из японского плена В.М. Головнина	Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. Дело о японцах, спасшихся в числе семи человек от кораблекрушения в 1810-м году, на восточную сторону камчатского моря.
59	Ёмокити	–	?	1810 – 1812	Крестьянин, матрос	Спасен у берегов кам- чатки. Перевезен в Охотск. Возвращен в Японию П. И. Рикор- дом в надежде на от- ветное освобождение из японского плена В.М. Головнина	Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами.
60	Тюгоро	–	?	1810 – 1812	Крестьянин, матрос		
61	?	–	?	1810 – 1812	Крестьянин, матрос		
62	?	–	?	1810 – 1812	Крестьянин, матрос		
63	?	–	?	1810 – 1812	Крестьянин, матрос		

Продолжение приложения

1	2	3	4	5	6	7	8
64	Такадая Кахээ (Кахэй, Каки)	-	?	1812 – 1813	Купец. Очевидец части нападений на японские поселения и корабли Н.А. Хвостова в 1807 г. В 1813 г. содействовал освобождению В.М. Головнина и его товарищей из японского пленя.	В 1812 г. добровольно согласился стать заложником П.И. Рикорда. Содействие в подготовке к освобождению В.М. Головнина и его товарищей. отпущен П.И. Рикордом в 1813 г. на о. Кунашир, после чего играл активную роль в освобождении россиян из японского пленя.	Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Японский плен 7-ми Россиян в 1811-м, 12-м и 13-м годах, описанный одним из участвовавших в оном Андреем Хлебниковым.
65	?	-	?	1812 – 1813	Матрос с судна Токадая Кахээ «Кансэмару»	Выбран Такадая Кахээ для сопровождения его в Россию. Двоих из матросов умерли на Камчатке зимой 1812 – 1813 гг., двое –озвращены П.И. Рикордом в Японию в 1813 г.	Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами.
66	?	-	?	1812 – 1813			
67	?	-	?	1812 – 1813			
68	?	-	?	1812 – 1813			
69	Кидза- эмон	-	?	1813 – 1816	Моряк с судна «Эйдзю-мару»	Найден в 1813 г. у Северных Курил. В 1815 г. попытка вернуть его на родину. В 1817 г. на байдарках оправлен в Японию вместе с моряками с «Такудзё-мару».	Журналы комитета министров за июль 1815 г. и за декабрь 1816 г. Дело о японцах, спасшихся в числе 3-х человек от кораблекрушения в 1814 году у Курильских островов и в числе 3-х же человек у берегов Калифорнии и возвращении всех их в отчество.

1	2	3	4	5	6	7	8
70	?	—	?	1813 – 1816	Моряк с судна «Эйдзю-мару»	Найден в 1813 г. у Северных Курил. В 1815 г. попытка вернуть его на родину. В 1817 г. на байдарках оправлен в Японию вместе с моряками с «Такудзё-мару».	Журналы комитета министров за июль 1815 г. и за декабрь 1816 г. Дело о японцах, спасшихся в числе 3-х человек от кораблекрушения в 1814 году у Курильских островов и в числе 3-х же человек у берегов Калифорнии и возвращении всех их в отчество.
71	?	—	?	1813 – 1816	Моряк с судна «Эйдзю-мару»	Найден в 1813 г. у Северных Курил. В 1815 г. попытка вернуть его на родину. В 1817 г. на байдарках оправлен в Японию вместе с моряками с «Такудзё-мару».	
72	Сигэёси Тёдза- эмон Огuri	—	?	1815 – 1816	Капитан судна «Такудзё-мару». После возвращения написал книгу «Русская одежда и утварь», японорусский разговорник. В 1822 г. опубликован «Дневник капитана «Такудзё-мару»	В 1815 г. доставлен на Камчатку из Калифорнии английским судном под командованием капитана Пигота. В 1817 году на байдарках вместе с моряками с «Эйдзю-мару» отправлен в Японию.	Журналы комитета министров за июль 1815 г. и за декабрь 1816 г. Дело о японцах, спасшихся в числе 3-х человек от кораблекрушения в 1814 году у Курильских островов и в числе 3-х же человек у берегов Калифорнии и возвращении всех их в отчество. Дневник капитана «Такудзё-мару»

1	2	3	4	5	6	7	8
73	?	-	?	1815 – 1816	Моряк с суд- на «Токудзё- мару»	В 1815 г. доставлен на Камчатку из Кали- форнии английским судном под команда- нием капитана Пи- гота. В 1817 году на байдарках вместе с моряками с «Эйдзю- мару» отправлен в Японию.	Журналы комитета министров за июль 1815 г. и за декабрь 1816 г. Дело о японцах, спасшихся в числе 3- х человек от кораблекрушения в 1814 году у Курильских островов и в чис- ле 3-х же человек у берегов Кали- форнии и возвращении всех их в оте- чество. Дневник капитана «Такудзё-мару»
74	?	-	?	1815 – 1816	Моряк с суд- на «Токудзё- мару»	В 1815 г. доставлен на Камчатку из Кали- форнии английским судном под команда- нием капитана Пи- гота. В 1817 году на байдарках вместе с моряками с «Эйдзю- мару» отправлен в Японию.	Журналы комитета министров за июль 1815 г. и за декабрь 1816 г. Дело о японцах, спасшихся в числе 3- х человек от кораблекрушения в 1814 году у Курильских островов и в чис- ле 3-х же человек у берегов Кали- форнии и возвращении всех их в оте- чество. Дневник капитана «Такудзё-мару»